

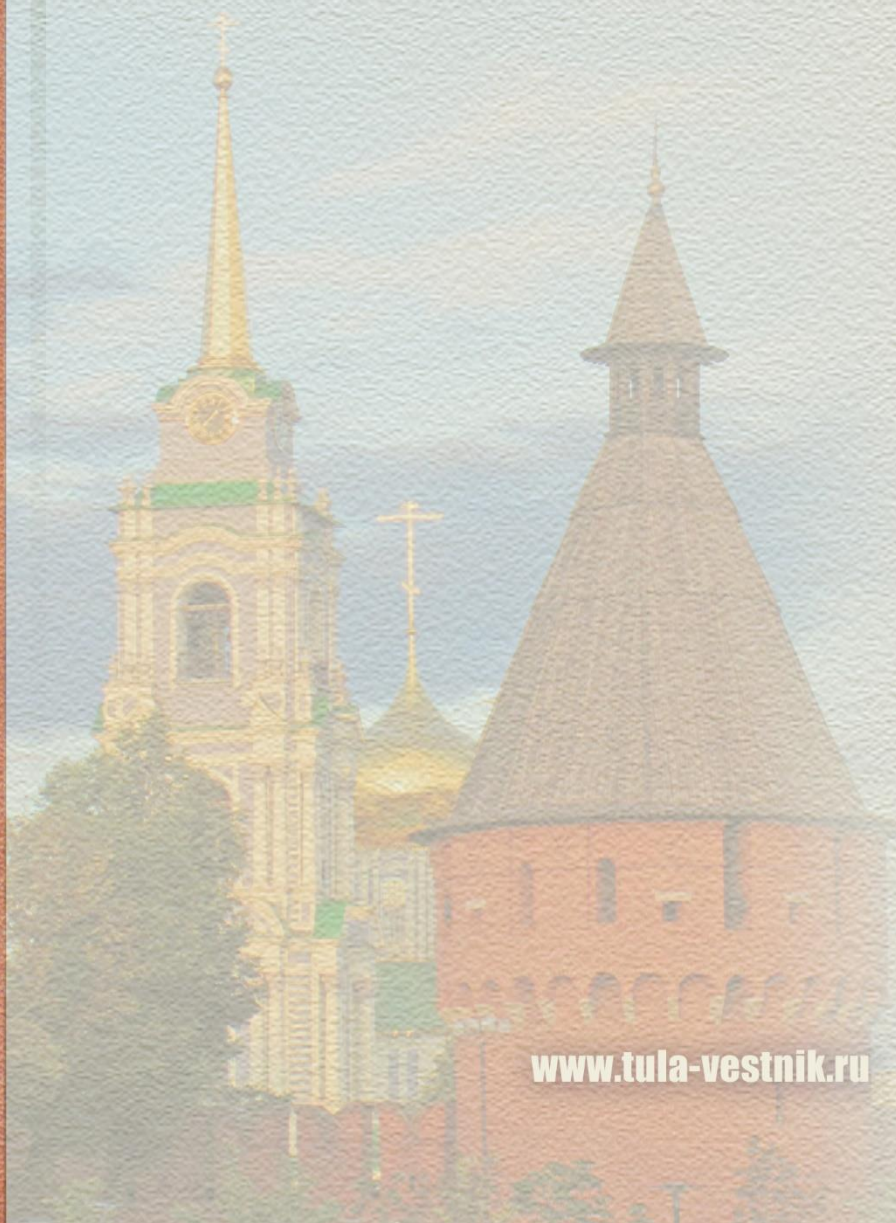
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023

ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 1 (13)

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 1 (13)

**Тула
2023**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 1 (13)

DOI 10.22405/2712-8407-2023-1

Дата выхода в свет: 31.03.2023 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора –**
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ (по специальностям: 5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано в Роскомнадзоре 13.11.2020 г. Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2023
© Авторы статей, 2023

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru

Издатель:
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».
Адрес издателя:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

**СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**

- Арбеков А. Б.* «Государство без прочной защиты подобно зданию без крыши...»: российское стратегическое планирование на западных границах в 80-х годах XIX века **6**
- Долгих А. Н. Л. Р.* Горланов как историк российского удельного крестьянства **24**
- Ключарева А. В.* М. А. Врубель и Л. Н. Толстой как «гении-охранители» русской культуры **33**
- Любушкин А. Д.* «Принимать... в полном объеме...»: организация системы эвакуации раненых в Тульской губернии в годы Первой мировой войны **44**
- Родович Ю. В.* Отношения между ЕС и НАТО: исторический анализ **60**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Бредис М. А., Ломакина О. В., Сюэ Б.* Числовой код лингвокультуры: анализ нумератива *четыре* как компонента фразеологизмов и паремий (на материале разноструктурных языков) **72**
- Дмитриева Е. В.* Ассоциативный эксперимент как способ выявления особенностей идентификации компьютерной терминологии **83**
- Кильмаматова Л. В.* Лексика, называющая женский народный костюм, как отражение культуры быта (на примере говоров верхнего течения реки Непрядвы) **90**
- Мозгачёва К. С.* Сферы-источники прецедентных имен Тульского края **103**
- Селиверстова Е. И.* Судьба пословичных идей и мотивов петровской эпохи: стабильность и варьирование **110**
- Токарев Г. В.* Когнитивно-семантические особенности ключевых знаков тульской культуры **118**
- Хуснутдинов А. А.* К истории выражения «и точка» в русском языке **126**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 1 (13)

DOI 10.22405/2712-8407-2023-1

Released on March 31, 2023

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.
Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.
Registration certificate
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2023

© Authors of articles, 2023

**Address of the founder
and the editorial office:**

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address: history@tsput.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Address of the publisher:

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- Arbekov A. B.* "The State Without Strong Defense is Like a Building Without a Roof ...": Russian Strategic Planning on the Western Frontiers in the 80-s of the 19th Century 6
- Dolgikh A. N.* L. R. Gorlanov as a Historian of the Russian Appanage Peasantry 24
- Klyuchareva A. V.* Mikhail Vruble and Leo Tolstoy as «Geniuses-Guardians» of Russian Culture 33
- Lyubushkin A. D.* «To Receive... in Full...»: Organization of the Evacuation System of the Wounded in Tula Province During World War I 44
- Rodovich Yu. V.* EU – NATO Relations: a Historical Analysis 60

LINGUISTICS

- Bredis M. A., Lomakina O. V., Xue B.* Numerical Code of Linguoculture: Analysis of the Numeral *Four* as a Component of Phraseological Units and Paremias (Based on Examples of Typologically Different Languages) 72
- Dmitrieva E. V.* Associative Experiment as a Way to Identify the Features of Computer Terminology Identification 83
- Kilmamatova L. V.* Vocabulary Referring to Women's Folk Costume as a Reflection of Everyday Culture (Using the Example of Dialects of the Upper Nepryadva River) 90
- Mozgacheva K. S.* Source Spheres of Precedent Names of the Tula Region 103
- Seliverstova E. I.* The Fate of the Proverb Ideas and Motives of Peter the Great's era: Stability and Variation 110
- Tokarev G. V.* Cognitive and Semantic Features of Key Signs of Tula Culture 118
- Khusnutdinov A. A.* To the History of the Expression 'i tochka' ("that's it") in the Russian Language 126

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,

доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,

кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,

доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,

доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Ивановна, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБНУ «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБНУ «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБНУ «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБНУ «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томили Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

Научная статья

УДК 327.5: 93/94 (410+430+436)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-6-23>

«ГОСУДАРСТВО БЕЗ ПРОЧНОЙ ЗАЩИТЫ ПОДОБНО ЗДАНИЮ БЕЗ КРЫШИ...»: РОССИЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ НА ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦАХ В 80-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

**Александр Борисович
Арбеков**

Тульский государственный музей оружия,
Тула, Россия,
arbekoff-alex@ya.ru

Аннотация. В настоящей статье с опорой на широкий спектр трудов отечественных историков изучается процесс эволюции российского военного-стратегического планирования на западном направлении в течение 80-х гг. XIX в. на основе сопоставления документации российского Главного штаба и отчетов по итогам проведения стратегических военных игр 1882 – 1884 гг., проводившихся в Варшавском военном округе.

Источниковой базой для настоящего исследования послужили делопроизводственные документы, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, из фондов Военно-ученого и Мобилизационного комитетов Главного штаба и штаба Варшавском военного округа. Кроме того, в работе привлекались документы из личного фонда Военного министра Д. А. Милютин Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, доклады Разведывательного департамента Военного министерства Великобритании из оцифрованных фондов Национальных архивов Великобритании (The National Archives, Kew), опубликованные военно-статистические сборники, издававшиеся Военно-ученым комитетом Главного штаба на основе деятельности российской военной разведки, материалы российской периодической печати второй половины 80-х гг. XIX в., а также источники личного происхождения – мемуары и дневники современников.

По результатам настоящего исследования за счет привлечения широкого спектра исторических источников была прослежена динамика изменений в военных планах Российской империи против Германии и Австро-Венгрии в 80-х гг. XIX в. Составляемые проекты в Главном штабе в Петербурге систематически подвергались проверке в Варшавском военном округе посредством стратегических военных игр. «Тестирование» проходили отдельные положения планов, что позволяло последовательно вносить в них соответствующие коррективы и задавать дальнейший вектор развития российского военного строительства на западных границах.

Ключевые слова: Восточный вопрос, Российская империя, Австро-Венгрия, Германия, военная разведка, военно-стратегическое планирование, Главный штаб, военные игры.

Для цитирования: Арбеков А. Б. «Государство без прочной защиты подобно зданию без крыши...»: российское стратегическое планирование на западных границах в 80-х годах XIX века // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 6–23. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-6-23>.

Сведения об авторе: А. Б. Арбеков – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, 300002, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Октябрьская, 2.

Scientific Article
UDC 327.5: 93/94 (410+430+436)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-6-23>

«THE STATE WITHOUT STRONG DEFENSE IS LIKE A BUILDING WITHOUT A ROOF ...»: RUSSIAN STRATEGIC PLANNING ON THE WESTERN FRONTIERS IN THE 80-S OF THE 19TH CENTURY

Alexander B. Arbekov

Tula State Arms Museum,
Tula, Russia,
arbekoff-alex@ya.ru

Abstract. The article studies the process of evolution of Russian military-strategic planning in the western direction during the 80-s of the 19th century based on a comparison of the documentation of the Russian General Staff and reports of the strategic war games of 1882 – 1884, held in the Warsaw military district.

The basis of the study are records from the Military Scientific and Mobilization Committees of the General Staff of the Russian Imperial Army and the headquarters of the Warsaw Military District. In addition, this study uses documents from the personal fund of D. A. Milyutin, the War Minister; of the Department of Manuscripts of the Russian State Library; reports of the Intelligence Department of War Office of Great Britain from the digitized collections of the National Archives, Kew, military statistical collections published by the Military-Scientific Committee of the General Staff on the basis of Russian military intelligence, materials of the Russian periodical press of the second half of the 80-s of the 19th century, as well as sources of personal origin – memoirs and diaries of contemporaries.

According to the results of this study, dynamics of changes in the military plans of the Russian Empire against Germany and Austria-Hungary in the 80-s of the 19th century was traced. The projects being drawn up at the General Staff in St. Petersburg were systematically tested in the Warsaw Military District by strategic war games. Several points of war plans were subjected to testing, which made it possible to consistently make appropriate adjustments to them and determine the vector of development of the defense capability of the Russian Empire on the western direction.

Keywords: Eastern Question, Russian Empire, Austria-Hungary, Germany, military intelligence, military-strategic planning, General Staff, war games.

For citation: Arbekov, AB 2023, "'The State Without Strong Defense is Like a Building Without a Roof ...': Russian Strategic Planning on the Western Frontiers in the 80-s of the 19th Century', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 6–23, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-6-23> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexander B. Arbekov* – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tula State Arms Museum, 2 Oktyabrskaya Str., Tula, 300002, Russia.

Введение

История российского военно-стратегического планирования в последней трети XIX в. представляет значительный научный интерес, поскольку именно в этот период оформляются контуры расстановки сил, сохранявшей свою актуальность вплоть до Первой мировой войны. Так, в «программе стратегического обзора театров возможных войн России в Европе и Азии», составленной, вероятно, в конце в 70-х гг. XIX в., четко обозначалось, что «наибольшую стратегическую важность имеют западные пределы России», так как в релевантной системе международных отношений главными соперниками империи Романовых выступали «прежде всего Германия и Австро-Венгрия, затем Англия и отчасти Турция» [19, л. 2]. Подобное распределение приоритетов было обусловлено событиями Восточного кризиса 1875 – 1878 гг., в рамках которого Петербургу пришлось в разной степени столкнуться с дипломатическим и военным противодействием Берлина, Вены, Лондона и Константинополя.

В этой связи в последней трети XIX в. Военное министерство России занималось последовательным укреплением западных пределов империи с целью отражения угрозы, исходившей от блока Центральных держав. Существенным компонентом в разработке и совершенствовании российских стратегических планов являлись военные игры, проводившиеся в штабах военно-окружного командования, в частности Варшавского.

Российский историк О. Е. Алпеев в своем диссертационном исследовании представил инновационную методику изучения российского военного планирования в 1906 – 1914 гг. на основе анализа документации стратегических военных игр [6]. Данный научный подход позволяет проследить динамику изменений в российских военных планах на определенных исторических этапах. Поскольку в классических трудах А. М. Зайончковского и И. И. Ростунова [11, с. 29–45; 32, с. 63–83] представлено схематичное развитие российских военных планов в период формирования т.н. «милютинско-обручевской» системы, то представляется возможным экстраполировать эту методику на процесс российского военного планирования 80-х гг. XIX в., и тем самым подробно проследить трансформацию замыслов высшего российского командования на основе военных игр штаба Варшавского военного округа.

Результаты

Со второй половины 50-х гг. XIX в. одним из ключевых внешнеполитических соперников России являлась Австрия, ставшая с марта 1867 г. Двуетной монархией – Австро-Венгрией. Основные разногласия между двумя империями касались так называемого «Восточного вопроса», вернее его балканского направления. После поражения в «Семинедельной войне» против Пруссии и Италии в 1866 г. империя Габсбургов стала ориентировать свою внешнюю политику на расширение сфер влияния на Балканах, при этом в пику России стараясь всячески препятствовать национально-освободительному движению славянских народов Османской империи.

Очередное обострение Восточного вопроса произошло во второй половине 60-х гг. XIX в. на фоне антиосманского восстания на о. Крит. В 1866 – 1868 гг. Сербия приступила к формированию Балканского союза из Черногории, Греции и Румынии для вооруженной борьбы с Высокой Портой [13, с. 76]. В Вене выражали опасения, что развал Османской империи приведет к аналогичным центробежным тенденциям в самой Дунайской монархии. Поэтому к концу 1867 г. правительство Австро-Венгрии осуществляло подготовку к вторжению в северные провинции Турции в случае очередного восстания на ее территории [15, с. 550]. В этой связи в России стали прорабатывать проекты ответных военных мер.

Во всеподданнейшем докладе Военного министра Д. А. Милютинина от 9 (21) ноября 1867 г., составленном для императора Александра II, указывалось, что «давно <...> Восточный вопрос озадачивает Европу», который, по пророческому замечанию

автора, «несомненно станет сигналом для общеевропейской войны» [22, л. 30б.–4]. Как известно, генералы всегда готовятся к прошедшей войне, поэтому генерал Д. А. Милютин считал целесообразным проецировать ситуацию времен Крымской войны 1853 – 1856 гг., когда Россия в борьбе с широкой европейской коалицией была вынуждена держать под ружьем войска по всей протяженности своей границы. По этой причине в докладе Военный министр предлагал разработать мобилизационное расписание, позволявшее поставить на военную ногу все имеющиеся войска России численностью более 750 тыс. чел., параллельно осуществляя подготовку к наступательной войне с Австро-Венгрией.

В случае конфликта с Двуетидной монархией генерал Д. А. Милютин планировал сформировать две войсковые группировки – Главную армию численностью около 160 тыс. чел. при 272 орудиях для вторжения в Западную Галицию из пределов Царства Польского и вспомогательный Волынский корпус численностью примерно 50 тыс. чел. при 104 орудиях для занятия Восточной Галиции и горных проходов через Карпаты [22, л. 8, 30]. Но из-за недостатка военной инфраструктуры, прежде всего малой протяженности железных дорог, и отсутствия конкретных мобилизационных планов Военный министр выделял не менее 5 месяцев для полного сосредоточения российских войск на указанных операционных направлениях [22, л. 25].

Хотя вооруженное восстание Балканского союза не произошло, распределение сил, представленное в докладе Военного министра, в итоге стало фундаментом российского военно-стратегического планирования на западных границах на последующие десять лет. Изменениям подвергались только количество сил и сроки их концентрации на Висле и в пределах Киевского военного округа. Об этом свидетельствует доклад Военного министра, составленный для императора Александра II в разгар Франко-германской войны 9 (21) августа 1870 г. [22, л. 42–49об.], и «план сосредоточения войск на западных границах» от 12 (24) сентября 1876 г., подготовленный начальником Главного штаба Ф. Л. фон Гейденем накануне войны с Турцией на основе общевойскового мобилизационного расписания №6 [18, с. 65–74]. Если в конце 1867 г. генерал Д. А. Милютин выделял минимум 5 месяцев для полного развертывания и сосредоточения российских войск на указанных стратегических направлениях, то к сентябрю 1876 г. мобилизационная готовность 460-тысячной группировки для войны с Австро-Венгрией достигала уже 37 дней.

После Франко-германской войны 1870 – 1871 гг. существенное влияние на российское стратегическое планирование на западных границах стал оказывать фактор единой Германии. В начале 1873 г. под председательством Александра II состоялось особое совещание по вопросам обороны империи. В его основу легла записка управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба генерал-майора Н. Н. Обручева, которая подробно разбиралась и многократно цитировалась в работах научных специалистов [3, с. 130–131; 7, с. 189; 11, с. 141–142; 12, с. 280–288]. Поэтому отметим лишь ее основные положения: 1) в случае войны с Австро-Венгрией и Германией, или с ними по отдельности, ключевое значение имел передовой или «привислинский» военный театр – Царство Польское; 2) Россия в виду объективных обстоятельств была не способна обеспечить концентрацию своих сил в западных пределах империи быстрее Центральных держав; 3) с целью сдерживания наступления противника требовалось увеличить численность войск, прежде всего кавалерийских, дислоцированных в пределах «привислинского» театра, развернуть программу масштабного крепостного и железнодорожного строительства, чтобы нивелировать скорость концентрации армий противника на российской границе и компенсировать затяжной процесс сосредоточения российских войск на Немане, Висле и Волыни.

В научной литературе данная система стратегического планирования получила наименование «милютинско-обручевской», и она определяла вектор российского военного строительства вплоть до окончания Русско-японской войны 1904 – 1905 гг.

К сожалению, к началу Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. из-за экономии денежных средств большая часть пунктов программы 1873 г. так и не получила практического воплощения, над чем сокрушался генерал Н. Н. Обручев в многочисленных записках после Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Так, к 1876 г. за предыдущие 10 лет в России было построено около 15 тыс. км железных дорог и увеличена их общая протяженность до 18,800 км [33, с. 170]. В Австро-Венгрии к 1874 г. общая протяженность железных дорог составляла 16,593 км [1, с. 86], в Германии – 24,103 км [9, с. 151]. При этом, как замечал генерал Обручев, «мы тяжелой продолжительной войной [с Турцией] расстроили свою армию, истощили свои запасы и ничего не прибавили к крепостям, противники наши [Германия и Австро-Венгрия] улучшали свои вооруженные силы, совершенствовали их мобилизацию, разрабатывали новые стратегические пути к нашим границам и значительно развили свои крепости» [23, л. 51].

После Берлинского конгресса 1878 г. политическая обстановка в Европе для империи Романовых значительно ухудшилась. 9 октября 1879 г. между Вторым рейхом и Двуетной монархией состоялся Двойственный союз, имевший антироссийскую направленность. В этой связи военные планы России, ранее подразумевавшие локализацию конфликта с Германией и Австро-Венгрией по отдельности, теперь выстраивались строго на идее противостояния с блоком Центральных держав. В марте 1879 г. управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба генерал-адъютант Н. Н. Обручев, опираясь на тревожные сведения российской военной разведки из Берлина и Вены, составил пространную записку, в которой указывал: «Константинопольский договор оформил наши отношения к Порте, но он не остановил движение Восточного вопроса, не устранил возможности его осложнения даже в самом ближайшем будущем. <...> Чем разрешился для нас дружелюбный нейтралитет Австрии? Чем кончилось честное содействие Германии? Кто своими притязаниями на Салоники и Эгейское море наиболее помог Англии разрешить С. Стефанский договор? Кто, мобилизуя свои войска в тылу нашей армии, стоявшей перед Константинополем, наиболее помешал России выполнить вековечную ее задачу? <...> Мы фактически могли убедиться, что для Германии и Австрии столь же желательно ослабление наше в Европе, как для Англии ослабление наше в Азии» [23, л. 46–46об.]. Своей системой последовательной аргументации генерал Н. Н. Обручев прямо подводил к срочной необходимости вернуться к программе 1873 г. и укрепить западные рубежи Российской империи, поскольку, со его слов, «государство без прочной защиты подобно зданию без крыши...» [23, л. 59].

Военный министр Д.А. Милютин также тревожно воспринимал поступающие известия из австрийской и германской столиц. На страницах дневника он писал: «Пруссаки уже настроили громадные крепости и густую сеть железнодорожных путей, теперь австрийцы принялись за те же работы...» [16, с. 344].

С целью противодействия Двойственному союзу императором Александром II в начале 1880 г. был утвержден план войны на западных границах, подготовленный генералом Н. Н. Обручевым. По сведениям российского Главного штаба, Двойственный союз мог выставить на своих восточных границах 775 батальонов, 476 эскадронов и 2,150 орудий, которым Россия могла противопоставить 764 батальона, 485 эскадронов и 2,376 орудий [26, л. 1–10б.]. Несмотря на паритет в численности войск, «Русский Мольтке» считал возможным разбить противников по отдельности. Для этого он предлагал сформировать четыре крупных группировки на западных границах Российской империи: 1) Неманскую армию из 140 батальонов, 90 эскадронов и 432 орудий; 2) Среднюю армию или Белосток-Гродненский отряд в составе 64 батальонов, 44

эскадронов и 210 орудий для связи между двумя ближайшими более крупными группировками; 3) Вислинскую армию для обороны Царства Польского из 200 батальонов, 104 эскадронов и 582 орудий; и 4) Главную или Юго-Западную армию для наступления в Восточную Галицию в составе 360 батальонов, 247 эскадронов и 1,152 орудий [26, л. 4–6].

При столкновении с Германией генерал Н. Н. Обручев планировал придерживаться исключительно оборонительного образа действий, так как российская армия не могла упредить германские войска при разворачивании своих сил. Также этому препятствовал объективный характер местности в Восточной Пруссии. Генерал Обручев указывал, что «пути к Берлину преграждены несколькими сильно укрепленными реками, пути же к Пешту и Вене, за исключением Перемышля, который может быть блокирован, и Краков, который может быть оставлен в стороне – представляются открытыми» [26, л. 6об.].

В сравнении с более ранними военными замыслами, составленными в 1867 – 1876 гг., план генерал Н. Н. Обручева от 1880 г. предполагал переложение тяжести основного удара по Австро-Венгрии с Варшавского военного округа на Волынскую армейскую группировку. Данная тенденция стала обозначаться еще на завершающем этапе Восточного кризиса весной – летом 1878 г. [5, с. 36–37]. К концу 1879 г. российской военной разведке удалось добыть актуальные планы Дунайской монархии на случай войны с Россией, которые подтверждали прежние предположения генерала Н. Н. Обручева [24, л. 3–8]. Поэтому он считал необходимым прежде разгромить самую немногочисленную войсковую группировку Австро-Венгрии, направленную против Киева, превосходящими силами Юго-Западной армии.

По плану 1880 г., Юго-Западной армии предстояло вторгнуться в Восточную Галицию и таким образом поставить главные силы наступления Дуалистической монархии под угрозу изолированного разгрома. Генерал Обручев особо отмечал: «Сосредоточение австрийцев в больших массах ко Львову не может быть идти также быстро как к Кракову или Перемышлю. К тому же есть полное основание думать, что под Львовом австрийцы могут иметь не главную армию, а лишь второстепенные силы. Поэтому если с нашей стороны будет сразу направлено против Львовско-Галицийского района достаточное число войск, то надо полагать, что правый фланг общего австрийского расположения будет разбит и кампания начнется нашим успехом, а их поражением» [26, л. 5].

Заметим, что указанные выше распределение и численность российских армий отличается от сведений, представленных в классической работе А. М. Зайончковского [11, с. 32–33]. Знаменитый российский историк при написании своего труда опирался на справки, подготовленные в Главном штабе в начале XX в. [21, л. 75–76об.], в которых, вероятно, составители допустили ошибку, приписав плану 1880 г. распределение сил из более поздних записок генерала Обручева. На это предположение указывает сразу несколько обстоятельств.

Во-первых, представленные выше цифры и наименования основаны на материалах всеподданнейшего доклада Военного министра П. С. Ванновского за 1887 г. [26, л. 1–6об.], в котором содержался и оригинальный план генерала Н. Н. Обручева 1880 г.

Во-вторых, в работе А. М. Зайончковского и в справке, составленной в Главном штабе в начале XX в., содержится фактическое несовпадение общей численности российских войск и орудий: при оборонительном образе действий они составляют 764 батальона, 485 эскадронов и 2,376 орудий, а при втором – оборонительно-наступательном – варианте разворачивания показатели количественно превышают войска из первого сценария – 877 батальонов, 648 эскадронов и 2,572 орудия [11, с. 32–33].

В-третьих, если в оригинальном плане 1880 г. в обоих сценариях формировалось четыре крупных войсковых группировки, то, согласно работе А. М. Зайончковского, при оборонительно-наступательном варианте предполагалось создать четыре армии – Неманскую, Привислинскую, Бугскую и Волынскую – и отдельный Белостокский отряд.

При этом, сравнивая оба документа, становится заметно, что Вислинская армия из оригинального плана Н. Н. Обручева 1880 г. в интерпретации авторов справки, на которую ссылался А. М. Зайончковский, дробилась на Привислинскую и Бугскую. Как показывает опыт настоящего исследования, подобное «дробление» действительно прослеживается в документах Главного штаба и штаба Варшавского военного округа, в котором также занимались систематическим изучением передового театра и последовательным планированием на основе этих изысканий, но в период 1882 – 1884 гг. Вполне естественно, что распределение на отдельный Белостокский и Привислинский отряды, Неманскую, Привислинскую (или Наревскую), Бугскую (Люблинскую или Вепржинскую) и Волынскую армии отображало активный поиск наиболее оптимальной конфигурации при развертывании российских вооруженных сил на западной границе империи, что нашло отражение и в последующих записках генерала Обручева.

Краеугольным камнем российского военно-стратегического планирования на западных границах в последней трети XIX в. стала программа масштабного крепостного строительства, утвержденная в мае 1880 г. [3, с. 273]. По замыслу генерала Н. Н. Обручева, для нейтрализации действий Германии и Австро-Венгрии требовалось на месте слияния рек Висла и Нарев возвести мощный стратегический плацдарм в виде треугольника крепостей Варшава – Новогеоргиевск – Зегрзь. В случае наступления вражеских армий он должен был способствовать удержанию ключевых оборонительных линий в Царстве Польском и надежно прикрывать систему железнодорожного сообщения, ведущей во внутренние округа империи к «привислинскому» театру, до концентрации основного ударного кулака России в ее западных пределах. По мнению Н. Н. Обручева, «дело будет выиграно» даже если удастся задержать вторжение армий Центральных держав на 2 – 3 недели. Одновременно российские войска могли опираться на треугольник Варшава – Новогеоргиевск – Зегрзь при осуществлении ответных наступательных действий [20, с. 183; 23, л. 59].

Вскоре после утверждения плана генерала Н. Н. Обручева офицеры штаба Варшавского военного округа приступили к последовательному «тестированию» отдельных его положений посредством стратегических военных игр, проводившихся ежегодно в течение 1882 – 1884 гг.

В результате военных реформ Д. А. Милютин 60 – 70-х гг. XIX в. в России была введена военно-окружная система. Подобная организация, с одной стороны, позволяла децентрализовать систему военной администрации, поскольку в задачи командующего военным округом входило: 1) самостоятельное обеспечение вверенных ему войск всем необходимым; 2) подготовка воинских частей к потенциальному развертыванию; 3) осмотр, укрепление и приведение в соответствующее состояние приграничной территории к возможным боевым действиям. С другой – военно-окружная система компенсировала отсутствие особого планирующего органа в структуре Главного штаба, функции которого брал на себя Военно-ученый комитет под руководством генерала Н. Н. Обручева. Поэтому военные округа, входившие в состав передового театра, осуществляли активную разведывательную и планирующую деятельность, в том числе, посредством стратегических военных игр. Они позволяли моделировать на картах ход вероятного вооруженного столкновения между противоборствующими сторонами [6].

Одна из первых подобных военных игр в Варшавском округе была проведена в мае 1882 г. штабом генерал-лейтенанта Х. Х. фон Роопа, командующего VI армейским корпусом, который входил в состав Вислинской армии. Как свидетельствует отчет, подготовленный по итогам игры, цель занятий состояла «уяснить по возможности, вероятный ход военных действий и последовательность операций первого периода кампании» [29, л. 31].

Программа военной игры опиралась на разработанный в 1880 г. план войны против Германии и Австро-Венгрии. При подготовке к ее проведению штабом VI армейского корпуса были «допущены, с умыслом, самые невыгодные для нас политические комбинации и обстоятельства» [29, л. 16]. Например, предполагалось не учитывать программу крепостного строительства, утвержденную в мае 1880 г., поскольку она не отвечала актуальной ситуации на западных границах Российской империи. Также генерал Х. Х. Рооп не стремился строго придерживаться плана 1880 г. и предложенного в нем распределения сил и диспозиций российских армий, как и намеченных маршрутов их передвижения в рамках предполагаемых наступательных или оборонительных действий [29, л. 70б.–8]. Стоит особо подчеркнуть, что все вносимые изменения в легенду военной игры полностью согласовывались с Главным штабом и его начальником генералом Н. Н. Обручевым, назначенным на данный пост в 1881 г [29, л. 31]. Таким образом высшее военное командование в Петербурге также не относилось доктринально ко всем положениям плана 1880 г. и допускало определенные отступления от его первоначальных контуров, давая возможность компетентным специалистам на местах определять наиболее эффективную композицию вверенных им войск.

Несмотря на намерение разыграть военные действия против Двойственного союза на всем пространстве «привислинского» театра, в конечном счете штабом VI армейского корпуса было решено провести тестирование вооруженного конфликта с Германией и Австро-Венгрией по отдельности. На практике розыгрыш 1882 г. ограничился моделированием столкновения конкретно со Вторым Рейхом в северо-западных пределах Царства Польского на оборонительной линии Ковно – Варшава.

Согласно отчету генерала Роопа, «план нашей первоначальной обороны сводится к возможному замедлению вторжения и выиграния времени для прибытия подкреплений». Задача германской стороны заключалась в нанесении за счет временного численного превосходства быстрого поражения российским войскам и их вытеснение за линию р. Неман и Буг [29, л. 19–190б.]. По легенде военной игры, столкновение продолжалось 38 оперативных дней, разделенных по характеру военных действий на 4 периода [29, л. 320б.–45].

Серьезным подспорьем при подготовке программы военной игры выступали военно-статистические сборники, составленные в Военно-ученом комитете под руководством генерал-майора Ф. А. Фельдмана [10]. Генерал-майор А. Н. Куропаткин, служивший в Главном штабе в 1882 – 1890 гг., в воспоминаниях отмечал, что «наши [военные] планы должны были первое время составляться не самостоятельно, а под влиянием вероятных планов противника», поэтому разведывательные сведения о направлении железнодорожных путей Германии и расположении ее укрепленных пунктов на восточной границе «указывали районы вероятного сосредоточения сил противника» [14, с. 428].

Штаб VI армейского корпуса, опираясь на имеющиеся данные, предположил, что Германия имела возможность к 26-му дню после объявления войны сосредоточить в приграничной полосе 15 корпусов: 10 из них располагались в Восточной Пруссии, оставшиеся 5 – в Познани и Силезии, к которым могли присоединиться еще два, передислоцированные с западной границы с Францией [29, л. 80б.–9].

Германские корпуса формировались в три армии и отдельный осадный отряд. В задачи 1-й армии в составе 109 батальонов и 92 эскадронов при 436 орудиях входило вытеснение российских войск за р. Неман, захват Ковно и Гродно и дальнейшая переправа через Неман с целью овладения Вильно [29, л. 20]. Главной 2-й армии из 159 батальонов и 124 эскадронов при 672 орудиях предписывалось овладеть оборонительной линией р. Нарев и нанести упреждающий удар по центру сосредоточения основной массы российских войск. 3-я армия численностью 85 батальонов, 72 эскадрона и 342 орудия, продвигаясь по левому берегу Вислы, ставила своей целью овладеть Варшавой и обеспечить блокаду Александровской цитадели, после чего форсировать реку и угрожать флангу и тылам российских войск, постепенно концентрирующихся в пространстве между Наревом и Бугом. Отдельный осадный отряд из 55 батальонов, 16 эскадронов и 228 орудий действовал конкретно против Новогеоргиевской крепости [29, л. 20об.–21].

С российской стороны выставлялись пять армейских корпусов из состава Виленского и Варшавского военных округов – II, III, IV, V и VI – общей численностью 14 пехотных и 5,5 кавалерийских дивизий, а также 3 резервных дивизии и 10 пехотных полков. Позже к ним прибывали I корпус из Петербургского и XIII из Московского военных округов, а также 23-ая дивизия из Финляндии, в результате чего войсковая группировка, действующая против Германии, увеличивалась до 26,5 пехотных и 11 кавалерийских дивизий [29, л. 13–14об.].

До прибытия этих соединений пять корпусов, располагавшиеся в мирное время в Виленском и Варшавском военных округах, формировали две армии, имевшие задачу сдерживать германское вторжение до сосредоточения основных российских сил. 1-я или Бобр-Неманская армия в составе II, III, IV корпусов численностью 119 батальонов, 54 эскадрона и 372 орудия располагалась на оборонительных линиях Неман – Бобр и Ковно – Белосток. 2-я или Наревская армия в составе V и VI корпусов с 3-й гвардейской дивизией численностью 106 батальонов, 44 эскадрона и 318 орудий концентрировалась за линией р. Нарев на пространстве от устья р. Бобр до Варшавы и Новогеоргиевска [29, л. 29–30].

С учетом затяжного процесса сосредоточения российских войск на первом этапе столкновения Германия имела преимущество в численности подразделений – 408 батальонов против 225. С целью нивелировать значительное превосходство Второго рейха с 1-го по 8-й день войны с российской стороны осуществлялись рейды на германскую территорию силами 18 кавалерийских полков, расположенных заранее в приграничной полосе. Их задачей становилась порча железных дорог, чтобы сорвать мобилизацию германских войск. В результате к 5-му дню войны Второму рейху удалось сосредоточить 24 кавалерийских полка, из-за чего российские подразделения были вынуждены отступить обратно в Царство Польское. Тем не менее в результате рейда удалось задержать ход мобилизации одного германского корпуса на два дня [29, л. 23об.–34].

В последующий период с 9-го по 22-й день происходила концентрация основных сил обеих сторон. После сосредоточения германские армии перешли в наступление. К 25-му дню при попытке форсировать р. Бобр 1-я армия встретила упорное сопротивление 30-й пехотной дивизии, которая, пользуясь преимуществами местности, смогла задержать продвижение германских войск на 3 дня. К 26-му дню два корпуса 1-й армии попытались осуществить переправу через р. Неман в двух пунктах, добившись цели только у Олиты, успешно оттеснив российские соединения [29, л. 38–39 об.].

К 30-му дню 2-я армия сконцентрировала основные силы у р. Нарев и начала переправу. В это же время, поскольку российские войска оставили без боя левый берег

Вислы, предварительно разрушив мосты, 3-я армия начала обложение Александровской цитадели и готовилась к переправе на правый берег. Отдельный осадный отряд также осуществлял подготовку к обложению Новогеоргиевской крепости [29, л. 40–40об.].

С этого момента все германские силы перешли в решающее наступление. На 31-й день 2-я армия форсировала р. Нарев и стремилась разбить Наревскую армию, к которой постепенно прибывали подкрепления из внутренних округов. Однако российской стороне удалось своевременно отвести ее основные части на рубеж Белосток – Бельск [29, л. 41об.].

В период с 31-го по 38-й день 1-я германская армия не смогла достигнуть успехов, поскольку российская сторона за счет прибывших подкреплений нивелировала численное превосходство противника. В итоге VII и IX германским корпусам так и не удалось форсировать Неман, а II корпус, переправившийся на 26-й день у Олиты, был вытеснен обратно «сильным отрядом» в составе 22-й, 27-й пехотных дивизий и 5-й стрелковой бригады [29, л. 41].

3-я германская армия, заняв Варшаву, продолжала блокаду Александровской цитадели и выделила V и VI корпуса для переправы через Вислу. К 38-му дню они успешно достигли рубежа Венгров – Седлец, а отдельный осадный отряд приступил к осаде Новогеоргиевска [29, л. 41–42об.].

Российская сторона, в свою очередь, на данной стадии военных действий добила паритета в силах с Германией, в результате чего, согласно отчету генерала Х. Х. Роопа, «представляется вероятно на успех в открытом бою [подчеркнуто в тексте генералом Роопом. – А. А.], а потому признано возможным дальнейших ход розыгрыша прекратить» [29, л. 45].

Таким образом, результат военной игры 1882 г. демонстрировал теоретическую возможность успеха стратегии генерала Обручева в случае столкновения с Германией на линии р. Неман и Нарев, что внушало определенный оптимизм в Петербурге. В отчете генерала Роопа указывалось: «Если до 35 – 40 дня, мы удержим нашу армию от частных поражений и какой-либо катастрофы <...> обстоятельства могут принять для нас оборот весьма благоприятный и привести к последствиям самым решительным» [29, л. 49–50об.].

Тем не менее стоит особо отметить, что в легенду военной игры штабом VI армейского корпуса были введены достаточно серьезные допущения. В частности, совершенно не учитывался фактор возможного продвижения австро-венгерских войск по направлению Седлец – Брест в тыл главной российской группировки. Считалось, что наступательная Юго-Западная армия к 40-му дню войны была способна оккупировать всю Восточную Галицию [29, л. 49об.], хотя по составленным мобилизационным планам в Киевском военном округе ее сосредоточение на границе Австро-Венгрии завершалось только к 41-му дню [28, л. 64–65]. Это в свою очередь демонстрирует слабую координацию между штабами Варшавского и Киевского военных округов при подготовке к войне с Германией и Австро-Венгрией на данном историческом этапе.

По результатам военной игры в отчете генерала Роопа был предложен широкий перечень мер с рекомендациями усилить укрепления Гродно, выстроить дополнительные временные оборонительные сооружения, например, на Малкинской позиции, передислоцировать в пределах Царства Польского отдельные пехотные дивизии для ускорения их мобилизации и подготовить все необходимое для осуществления быстрых кавалерийских рейдов в первые дни кампании [29, л. 51–69].

Учитывая допущения в программе военной игры, проведенной генералом Х. Х. Роопом весной 1882 г., через полгода под руководством начальника штаба Вар-

шавского военного округа генерал-лейтенанта В. Я. Зверева было предложено при рекогносцировке района р. Вепржь повторно разыграть военные действия одновременно против Германии и Австро-Венгрии на всем пространстве передового театра. Для более тщательной подготовки в Киев был направлен запрос относительно сведений о мобилизации и сосредоточений войск Волынской армии [30, л. 8об.]. Также управляющий Военно-ученым комитетом Главного штаба генерал-майор Ф. А. Фельдман, отвечавший за деятельность российской военной разведки, осуществлял сопровождение подготовительных работ к новой стратегической военной игре и снабжал штаб Варшавского военного округа картами местности и иностранной литературой, «относящейся преимущественно до войны Австрии с Россией» [30, л. 13об.; 2].

Согласно сохранившимся документам, изначально предполагалось разыграть масштабные военные действия всех российских армий, формирующихся в Царстве Польском – Наревской и Люблинской, – а также отдельного Привислинского отряда [30, л. 19–19об.]. Однако, как свидетельствует третий протокол заседания совета посредников от 16 (28) апреля 1883 г., после изучения в Главном штабе предложенной диспозиции российских армий поступило предписание начальника Военно-ученого комитета генерал-майора Ф. А. Фельдмана от 13 (25) апреля 1883 г. о значительном сокращении «размеров предстоящей поездки» [30, л. 32об.]. Теперь ее задача и приуроченной к ней военной игры сводилась к выяснению «модус операнди» конкретно XIV армейского корпуса в Люблинской губернии. По предписанию Главного штаба, данное войсковое соединение в первые три недели после объявления войны получало задачу прикрывать сосредоточение русских войск на операционной линии Холм – Ковель, а затем – сформировать правый фланг Люблинской или Бугской армии [30, л. 32–32об.]. Австро-венгерские подразделения, согласно телеграмме генерала Ф. А. Фельдмана, должны были осуществлять наступление по направлению к Бресту в составе трех корпусов с двумя отдельными кавалерийскими дивизиями, опирающимися на Ярослав и Перемышль [30, л. 32об.]. «Цель их войти в связь с германскими войсками, оперирующими против линии Нарева, для чего опрокинуть противопоставленные им русские войска, направляясь к Бресту для его обложения...» [28, л. 69].

Таким образом, идея организации стратегической военной игры 1883 г. по инициативе Главного штаба была редуцирована до действий конкретных подразделений на ограниченном участке передового театра. Вероятно, в Петербурге осознавали весь масштаб задуманного в Варшаве мероприятия и сложность учета всех сопутствующих факторов, которые должны были гарантировать «чистоту эксперимента». В таком случае стоит предположить, что в Главном штабе по опыту военной игры, организованной весной 1882 г. офицерами Варшавского военного округа во главе с генерал-лейтенантом Х. Х. Роопом, намеревались поэтапно осуществлять проверку актуальных планов развертывания российских вооруженных сил на западных границах империи.

В пользу данной гипотезы свидетельствует проведенная штабом V армейского корпуса в мае следующего 1884 г. военная игра, по легенде которой отдельный Привислинский отряд должен был сдерживать наступление союзных австро-германских армий на левом берегу Вислы [27, л. 2]. Из данной интерпретации следует, что военные эксперты в Петербурге стремились шаг за шагом корректировать отдельные аспекты плана войны с Германией и Австро-Венгрией, постепенно доводя его до наиболее оптимальной конфигурации.

Как и двумя годами ранее, в легенде военной игры 1884 г. при наступлении союзных войск Германии и Австро-Венгрии допускались «наиболее благоприятные» условия [31, л. 67об.]. С германской стороны выставлялись V и VI армейские корпуса на 14-й – 15-й день мобилизации. Кавалерийские подразделения силой в 40 эскадро-

нов находились в готовности для вторжения в Царство Польское для срыва мобилизации войск Привислинского отряда уже на 4-й – 5-й день [31, л. 20б.]. Австро-Венгрия сосредотачивала у Кракова и Тарнува I и VI армейские корпуса на 12-й и 15-й день мобилизации соответственно. Кавалерия Дунайской монархии численностью 48 эскадронов могла начать вторжение на 3-й – 4-й день. Общая численность войск союзников составляла 154 батальона, 88 эскадронов и 480 орудий. В их задачу входило наступление к Варшаве по левому берегу Вислы [31, л. 3].

Привислинский отряд численностью 51 батальон, 65 эскадронов и 120 орудий имел задачу задержать наступление союзников и успешно отступить в Варшавский укрепленный лагерь [31, л. 20б.–4].

По легенде военной игры, столкновение продолжалось в течение 31-го оперативного дня. Первые 14 дней сопровождалось сосредоточением войск обеих сторон и боевыми действиями кавалерийских отрядов. В дебюте кампании российскому командующему удалось упредить австрийцев и первым осуществить кавалерийский рейд на Тарнув силами 2 эскадронов. В результате противник был вынужден оставить свою кавалерию для охраны железной дороги, что позволило к 14-му дню обеспечить беспрепятственное сосредоточение частей Привислинского отряда [31, л. 33, 52]. Аналогичные действия на территории Второго рейха не принесли значимых результатов, однако ответный германский рейд также не увенчался серьезным успехом.

На 15-й и 16-й день союзная кавалерия перешла в наступление и захватила часть железной дороги Петроков – Варшава. Передовые отряды противника заняли все пространство от германской и австрийской границы до р. Бзура и Пилица соответственно. На данном рубеже части Привислинского отряда, используя особенности местности, организовали упорную оборону. При попытках переправы союзники регулярно встречали серьезное сопротивление. Только к 26-му дню им удалось форсировать реки и по всей линии боевого соприкосновения в виду численного превосходства заставить российские войска начать отступление [31, л. 33–44]. Стоит отметить, что российскому командованию удалось грамотно определить наиболее выгодные оборонительные позиции на левом берегу Вислы, что сыграло впоследствии важную роль в Лодзинской оборонительной операции в ноябре – декабре 1914 г., когда российским войскам удалось стабилизировать русско-германский фронт именно по линиям четырех рек – Бзуры, Равки, Пилицы и Ниды [4, с. 299–308].

В конечном итоге союзные силы подошли к Варшаве только на 30-й день войны, а Привислинский отряд днем ранее успешно занял Варшавский укрепленный лагерь. При этом в отчете начальника штаба V армейского корпуса генерал-майора Э. Г. Эллерса указывалось, что это был самый минимальный срок достижения поставленной противником цели, что обеспечивалось наиболее благоприятными обстоятельствами при его наступлении, на практике же «союзникам [для захвата Варшавы] понадобится несколько более времени, чем выведенные игрой 30 дней» [31, л. 68].

По результатам военной игры 1884 г. в отчете генерала Э. Г. Эллерса были даны подробные рекомендации по дополнительному усилению войск Привислинского отряда и изменению дислокаций отдельных его частей в мирное время [31, л. 49–68об.].

В 1883 – 1884 гг., опираясь на рекомендации офицеров Варшавского военного округа, в Главном штабе было решено приступить к усилению оборонительных линий Вислы, Нарева и Бобра, а также возвести дополнительные полевые укрепления на левом берегу Вислы для обороны Варшавы. Также улучшению подвергались сооружения Новогеоргиевска, Ивангорода и Бреста [14, с. 441]. В числе прочего, увеличивалось общее количество войск, дислоцированных в Варшавском военном округе и имевших на постоянной основе штатный состав военного времени.

Наряду с этим в Главном штабе осуществлялись активные работы по оптимизации планов мобилизации и ускорению развертывания российских войск на западной границе. Согласно документам Мобилизационного комитета Главного штаба за 1883 – 1884 гг., кавалерийские подразделения, дислоцированные в пределах передового театра, успевали завершить свои основные приготовления в период с 3-й по 6-й день. Неманская армия численностью 185 тыс. чел. при 388 орудиях, оборонявшая линию р. Неман на пространстве от крепости Ковно до города Гродно, полностью сосредотачивались на 25-й день мобилизации [25, л. 40б.]. В ее задачи, помимо обороны линии р. Неман, вместе с войсками Белостокского отряда численностью 70 тыс. чел. при 15 орудиях входила защита правого фланга Привислинской армии из 270 тыс. чел. при 518 орудиях и ее поддержка при оборонительных действиях на Нареве и Верхнем Буге. Белостокский отряд и Привислинская армия, опираясь флангами на крепости Осовец и Ивангород, завершали свое сосредоточение на 18-й и 22-й день соответственно [25, л. 22, 330б.].

Бугская армия численностью 180 тыс. чел. при 420 орудиях предназначалась для вторжения совместно с Волынской армией в Галицию с целью разбить австро-венгерские войсковые группировки. Концентрация Бугской армии без второочередных казачьих полков завершалась на 34-й день [25, л. 45–490б.].

Самая многочисленная Волынская армия из 375 тыс. чел. и 850 орудий осуществляла развертывание на 39-й день мобилизации. После успешного вторжения в Галицию ей также предписывалось занять горные проходы Карпат [25, л. 70–700б.].

Несмотря на очевидные успехи, достигнутые в оптимизации российских вооруженных сил для действий на западной границе, генерал-майор А. Н. Куропаткин, занимавшийся составлением мобилизационных планов, в воспоминаниях признавал, что Россия по-прежнему серьезно отставала от противников, которые заканчивали сосредоточение своих армий в трехнедельный срок, в то время как в отдельных случаях эшелоны российских войск продолжали прибывать на передовой театр и на второй месяц войны [14, с. 440].

В начале 1887 г. в Европе на фоне обострения франко-германских отношений разразилась очередная «военная тревога». Следствием этого события стала подготовка генералом Н. Н. Обручевым нового плана развертывания российских вооруженных сил, в основу которого ложились результаты военных игр, проводившихся в 1882 – 1884 гг. в Варшавском военном округе. В отличие от предыдущих разработок Главного штаба, план 1887 г. исключал строго оборонительные действия и в некоторых вариантах компоновок крупных войсковых группировок подразумевал возможность ограниченного наступления против Германии [11, с. 35–37; 32, с. 68–71]. Тем не менее в докладе генерала Обручева отмечалось, что железнодорожная сеть в западных пределах империи по-прежнему не обеспечивала своевременное сосредоточение российских войск. В этой связи было принято решение дополнительно перевести из внутренних военных округов 2-ю, 38-ю пехотные и 13-ю кавалерийскую дивизии в Царство Польское [14, с. 552–553; 17].

В ноябре 1887 г. шеф Большого Генерального штаба Германии фельдмаршал Г. фон Мольтке Старший обратил внимание на усиление российских войск на западных границах и подготовил записку, в которой «Великий молчальник» предлагал О. фон Бисмарку нанести удар восточной сопернице Второго рейха прежде чем она завершит свои военные приготовления. «Железный канцлер» считал выводы шефа Большого Генерального штаба «преждевременными» и стремился избежать дальнейшей эскалации конфликта [8, с. 333–334]. По этой причине по дипломатическим каналам императору Александру III была передана записка фельдмаршала Мольтке. На основе расчетов специалистов Большого Генерального штаба в документе отмечалось

значительное увеличение численности российских соединений на западе, превышавшее количество германских войск в приграничной полосе. Из этих расчетов следовал вывод об агрессивных намерениях Петербурга в адрес Берлина. Как вспоминал впоследствии А. Н. Куропаткин: «Подтасовок [в записке Мольтке] при этом было немало. Главное же то, что немецкие войска в их зоне были готовы в 3 дня, а у нас в две недели и, что еще важнее, немцы могли войска, расположенные в передовой зоне, подкрепить сосредоточением всех сил, направленных против России, в 14 дней (обилие железных дорог и отличная подготовка их), а нам для мобилизации и сосредоточения требовалось два месяца» [14, с. 445, 553].

В итоге император Александр III поручил Военному министру П. С. Ванновскому составить пояснительный ответ. Задача эта была возложена на генерал-майора А. Н. Куропаткина. Опираясь на разведывательные сведения и расчеты специалистов Военно-ученого комитета Главного штаба, он под редакцией генерала Н. Н. Обручева подготовил пространный доклад, частично опубликованный в газетах «Русский инвалид» и «Новое время» 3 (15) и 4 (16) декабря 1887 г.

Основные тезисы в статье А. Н. Куропаткина имели следующее содержание: 1) к 1887 г. за счет увеличения ежегодно призываемых на службу воинских контингентов в Германии и Австро-Венгрии увеличилось количество крупных тактических соединений до 20 и 15 корпусов соответственно. «Другого способа военных действий, [кроме] как наступление [курсивом выделено в тексте Куропаткиным. – А. А.], германские стратеги не признают, поэтому эти громадные силы в такой же мере готовятся против России, как и против Франции»; 2) за 1881 – 1887 гг. Германия усилила войска, расположенные на границе с Россией, на 21 батальон, 24 полевых батарей, 3 батареи крепостной артиллерии и 15 кавалерийских эскадронов. Австро-Венгрия поступила аналогичным образом и увеличила численность пограничных войск на 18 кавалерийских эскадронов и 13 полевых батарей; 3) Второй рейх к обозначенному времени возвел мощный стратегический плацдарм из крепостей Торн – Познань – Данциг – Кёнигсберг. В империи Габсбургов также уделяли особое внимание укреплению фортификаций Перемышля и Кракова; 4) с 1881 г. блок Центральных держав построил в своих восточных владениях 9,300 км новых железных дорог, в то время как на вдвое большем по площади западном пограничном пространстве России было проложено всего 2,828 км железнодорожных путей. «Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться какой густой сетью [железных] дорог окружена пограничная полоса России и наоборот, какими незначительными числом путей она может поддерживать свои силы, расквартированные в мирное время на западе, – восклицал генерал-майор А. Н. Куропаткин. – Не только со стороны Германии, но и Австро-Венгрии русским пределам угрожает быстрое вторжение». На основании изложенного автор делал закономерный вывод, отражавший основную суть российской военной стратегии над данным историческом этапе: «России остается одно – увеличивать готовность крепостей и усиливать число войск, расположенных в приграничных округах, чтобы не быть захваченной врасплох» [17].

«Военная тревога» зимой 1887 – 1888 гг. привлекла пристальное внимание и военных экспертов Великобритании. К февралю 1888 г. специалисты Разведывательного департамента в Лондоне составили пространный доклад «Стратегический аспект западных границ России». В меморандуме рассматривались возможные сценарии войны России как с коалицией Германии и Австро-Венгрии, так и с каждой страной по отдельности. Согласно выводам британских военных аналитиков, несмотря на сильно укрепленные оборонительные позиции в Царстве Польском, блок Центральных держав за счет развитой системы железнодорожного сообщения и, как следствие, более высокой скорости мобилизации обладал наступательной инициативой и имел значительное преимущество перед империей Романовых при развертывании своих

войск со стороны Восточной Пруссии и Галиции. Однако мощная позиция в среднем течении Вислы в виде системы крепостей Варшава – Новогеоргиевск – Ивангород – Брест-Литовск при определенном стечении обстоятельств, по мнению составителей документа, позволяла России беспрепятственно обеспечить сосредоточение своих армий и нанести последовательный удар по разрозненным силам своих противников. При этом военные специалисты Соединенного королевства верно определили основные контуры действий российской стороны, подразумевавшие формирование «Главной армии» на Висле, «Армии наблюдения» на Немане против Германии и «Армии вторжения» в районе Киева для наступления в Галицию. В итоге авторы документа пришли к резонному заключению, что при таких вводных успех одной из сторон конфликта зависел в первую очередь от «умелого полководческого искусства» [34, р. 22–26, 68].

Выводы

Опираясь на методические разработки историка О. Е. Алпеева, анализ документации стратегических военных игр первой половины 80-х гг. XIX в. позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

В результате совместной деятельности российского Главного штаба и штаба Варшавского военного округа осуществлялась последовательная проверка и оптимизация основных положений плана войны против Германии и Австро-Венгрии, разработанного в 1880 г. По итогам проводимых военных игр в первой половине 80-х гг. XIX в. в Варшавском военном округе составлялся широкий перечень рекомендаций, который учитывался военными специалистами в Петербурге при составлении программы крепостного строительства и при изменении дислокации отдельных войсковых соединений в мирное время. Данный подход позволял поэтапно увеличивать обороноспособность Российской империи на ее западных границах.

К концу 80-х гг. XIX в. это позволило значительно повысить наступательные и оборонительные возможности России, что подтверждается не только повышением количественным показателей, но и положительной оценкой перспектив вероятного вооруженного столкновения России с блоком Центральных держав, результат которого отныне не определялся только техническим превосходством Германии и Австро-Венгрии.

Список источников и литературы

1. *Австро-Венгрия*. Отд. 1. Общая статистика. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1875. 146 с.
2. *Австро-Венгрия*. Дополнения и изменения к отделу 2. Вооруженные силы. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1881. 208 с.
3. *Айрапетов О. Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830 – 1904): портрет на фоне эпохи : биография. М.: Русская книга : Алгоритм, 2017. 496 с.
4. *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917): 1914 год: Начало. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.
5. *Алпеев О. Е.* Война после победы?.. Планы генерала Н. Н. Обручева на случай конфликта с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции (1878 г.) // Вопросы истории. 2021. № 11. С. 28–55.
6. *Алпеев О. Е.* Документы стратегических военных игр генерального штаба русской армии 1906 – 1914 гг.: источниковедческое исследование : дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.09 / Алпеев Олег Евгеньевич. М., 2014. 442 с.
7. *Алпеев О. Е.* На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа, 1872 – 1914 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2011. Т. 10. С. 183–260.
8. *Власов Н. А.* Гельмут фон Мольтке – полководец индустриальной эпохи. СПб: СПбГУ, 2011. 356 с.
9. *Германия*. Отд. 1. Общая статистика. СПб: Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1875. 238 с.

10. *Германия*. Отд. 3. Военный обзор восточных областей. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1882. 790 с.
11. *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне: планы войны (1914 – 1918 гг.). Репр. изд. М. : URSS : Ленанд, 2021. 448 с.
12. *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860 – 1870 гг. в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 368 с.
13. *История внешней политики России*: В 5 т. Т. 4: Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Академ. проект : Парадигма, 2018. 385 с.
14. *Куропаткин А. Н.* 70 лет моей жизни: воспоминания А. Н. Куропаткина. В 3 т. Т. 2. Челябинск: Авто Граф, 2023. 558 с.
15. *Милютин Д. А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2005. 694 с.
16. *Милютин Д. А.* Дневник. 1873 – 1882. Т. 2. М.: Захаров, 2016. 543 с.
17. *Новое время*. 1887. 4 (16) дек.
18. *Особое прибавление к описанию Русско-турецкой войны 1877 – 78 гг. на Балканском полуострове*. Вып. 6. Документы из секретных бумаг ген.-ад. Милютина. СПб.: Воен.-ист. комиссия Гл. упр. Ген. штаба, 1911. 380 с.
19. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. К. 37. Ед. хр. 11.
20. *Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования государя императора Александра Александровича. 1881 – 1890*. СПб.: Воен. тип., 1892. 323 с.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 445.
22. РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. 1867. Д. 69.
23. РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. 1868. Д. 75.
24. РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 60.
25. РГВИА. Ф. 402. Оп. 2. Д. 60.
26. РГВИА. Ф. 402. Оп. 2. Д. 76.
27. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 94.
28. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1669.
29. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1670
30. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1672.
31. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1674.
32. *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М.: Наука, 1976. 387 с.
33. *Систематический сборник очерков по отечествоведению / под ред. ген.-лейт. Ф. А. Фельдмана*. СПб.: Воен. тип., 1898. Ч. 1–2. 438 с.
34. The Strategical aspect of the Western Frontiers of Russia // The National Archives, Kew. Public Records Office. War Office 106/6218, February, 1888. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C3659082> .

References

1. *Avstro-Vengriya. Otd. 1. Obshchaya statistika*. (Austria-Hungary. Section I. General Statistics) 1875, St. Petersburg (In Russ.)
2. *Avstro-Vengriya. Dopolneniya i izmeneniya k otdelu II. Vooruzhennyye sily* (Austria-Hungary. Appendices and Edits to Section II. Military forces.) 1881, St. Petersburg. (In Russ.)
3. *Ayrapetov, OR 2018, General-adyutant Nikolay Nikolayevich Obruchev (1830 – 1904): portret na fone epokhi: biografiya* (Adjutant-General Nikolay N. Obruchev (1830 – 1904). Portrait on the background of the age), Russkaya kniga, Algoritm publ, Moscow. (In Russ.)
4. *Ayrapetov, OR 2014, Uchastiye Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914 – 1917): 1914 god : Nachalo* (The Russian Empire's involvement in the First World War. 1914. The Beginning), Kuchkovo pole publ, Moscow. (In Russ.)
5. *Alpeev, OE 2021, 'Voyna posle pobedy?.. Plany generala N. N. Obrucheva na sluchay konflikta s koalitsiyey Velikobritanii, Avstro-Vengrii i Turtsii (1878 g.)'* (War after Victory? (General

- N. N. Obruchev's plans for a conflict with a coalition of Britain, Austria-Hungary and Turkey (1878), *Questions of History*, no. 11, pp. 28–55. (In Russ.)
6. Alpeev, OE 2015, *Dokumenty strategicheskikh voennykh igr general'nogo shtaba russkoj armii 1906 – 1914 gg.: istochnikovedcheskoe issledovanie* (Documents of the strategic war games of the General Staff of the Russian Army 1906 - 1914: source study), PhD thesis, RGGU publ, Moscow (In Russ.).
 7. Alpeev, OE 2011, *Na puti k Kannam. Planirovaniye «pokhoda v Vostochnuyu Prussiyu» v shtabe Varshavskogo voyennogo okruga, 1872–1914 gg.* (On the road to Cannes. Planning the "march to East Prussia" at the Warsaw Military District headquarters, 1872 – 1914), Russian Digest: studies of the Russian History, vol. 10, Moscow, (In Russ.)
 8. Vlasov, NA 2011, *Gelmut fon Moltke – polkovodets industrialnoy epokhi* (Helmut von Moltke is a military commander of the industrial age), SPBGU publ, St. Petersburg (In Russ.)
 9. *Germaniya. Otd. 1. Obshchaya statistika* (Germany. Section I. General statistics) 1875, Voyen. uchen. kom. Gl. Shtaba publ, St. Petersburg (In Russ.)
 10. *Germaniya. Otd. 3. Voyennyi obzor vostochnykh oblastey.* (Germany. Section III. Military review of the eastern regions), 1882. Voen. uchen. kom. Gl. Shtaba publ, St. Petersburg (In Russ.)
 11. Zayonchkovskiy, AM 2021, *Podgotovka Rossii k mirovoy voyne: plany voyny* (1914 – 1918 gg.) (Russia's preparations for world war: war plans (1914 – 1918)), reprint, Moscow. (In Russ.)
 12. Zayonchkovskiy, PA 1952, *Voyennyye reformy 1860 – 1870 gg. v Rossii.* (Military reforms in Russia, 1860 – 1870), Izd-vo Mosk. un-ta publ, Moscow. (In Russ.)
 13. *Istoriya vneshney politiki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka (Ot Parizhskogo mira 1856 g. do russko-frantsuzskogo soyuza)* (History of Russia's foreign policy: In 5 vols. Vol. 4. The second half of the 19th century (From the Peace of Paris in 1856 to the Russian-French alliance) 2018, vol. 4, Akadem. Proyekt publ, Paradigma publ, Moscow. (In Russ.)
 14. Kuropatkin, AN 2023, *70 let moyey zhizni: vospominaniya A. N. Kuropatkina* (70 years of my life: A.N. Kuropatkin), Vol. 2, Avto Graf publ, Chelyabinsk. (In Russ.)
 15. Milyutin, D.A. 2005, *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1865 – 1867 / pod red. L. G. Zaharovoj* (Memoirs of Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1865 – 1867). ROSSPEN, Moscow (In Russ.).
 16. Milyutin, DA 2016, *Dnevnik. 1873 – 1882.* (Diary. 1873 – 1882), vol. 2. Moscow. (In Russ.)
 17. *Novoye vremya* 1887 (New Time), 4 December. (In Russ.)
 18. 'Dokumenty iz sekretnykh bumag gen.-ad. Milyutina' (Documents from the secret papers of the Adjutant-General Milyutin) 1911, *Osoboye pribavleniye k opisaniyu Russko-turetskoy voyny 1877 – 78 gg. na Balkanskom poluostrove* (Special Appendices to Historical Study of Russo-Turkish war 1877 – 1878 on Balkan peninsula), vol. 6, Voen.-ist. komissiya Gl. upr. Gen. shtaba publ, St. Petersburg (In Russ.).
 19. *Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki.* (Department of Manuscripts of the Russian State Library), fund 169, inventory 37, file. 11 (In Russ.)
 20. *Ocherk deyatelnosti Voyennogo ministerstva za isteksheye desyatiletije blagopoluchnogo tsarstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Aleksandrovicha 1881 – 1890* (Essay on the activities of the Military Ministry over the past decade of the prosperous reign of Emperor Alexander Alexandrovich. 1881 – 1890) 1892, Voen. tip. publ, St. Petersburg (In Russ.)
 21. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv* (RGVIA) (Russian State Military Historical Archive), fund. 400, inventory, 4. File 445. (In Russ.)
 22. RGVIA, fund 401, inventory 2, 1867, file 69. (In Russ.)
 23. RGVIA, fund 401, inventory 2, 1868, file 75. (In Russ.)
 24. RGVIA, fund 401, inventory 3, 1879, file 60. (In Russ.)
 25. RGVIA fund 402, inventory 2, file 60. (In Russ.)
 26. RGVIA fund 402, inventory 2, file 76. (In Russ.)
 27. RGVIA fund 1859, inventory 1, file 94. (In Russ.)
 28. RGVIA fund 1859, inventory 1, file 1669. (In Russ.)
 29. RGVIA fund 1859, inventory 1, file 1670. (In Russ.)
 30. RGVIA fund 1859, inventory 1, file 1672. (In Russ.)
 31. RGVIA fund 1859, inventory 1, file 1674. (In Russ.)

32. Rostunov, II 1976, *Russkiy front Pervoy mirovoy voyny* (Russian front of the Great War), Nauka publ, Moscow. (In Russ.).
33. F.A. Feldman (ed.) 1898, *Sistematicheskii sbornik ocherkov po otechestvovedeniyu* (Systematic collection of essays on Fatherland studies), part 1-2, 1898, Voen. tip. publ, St. Petersburg (In Russ.).
34. *The National Archives, Kew (TNA). Public Records Office. War Office (WO) 106/6218. The Strategical Aspect of the Western Frontiers of Russia, February 1888*, <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C3659082>

Статья поступила в редакцию: 09.03.2023
Одобрена после рецензирования: 24.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 09.03.2023
Approved after reviewing: 24.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023

Научная статья
УДК 930.1(09)+947
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-24-32>

Л. Р. ГОРЛАНОВ КАК ИСТОРИК РОССИЙСКОГО УДЕЛЬНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

**Аркадий Наумович
Долгих**

Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского,
Липецк, Россия,
adonli@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительно недавно ушедшему выдающемуся российскому исследователю – Леониду Романовичу Горланову (1939 – 2005), крупнейшему специалисту в области аграрной истории России, в том числе истории удельного крестьянства конца XVIII – первой половины XIX в. Основное место в ней уделено анализу его главной работы «Удельные крестьяне России 1797 – 1865 гг.», вышедшей в Смоленске в 1986 г. как учебное пособие и представлявшей из себя квинтэссенцию его идей относительно правового и имущественного положения этой категории российского крестьянства дореформенного периода. В статье отмечены также огромные достижения Горланова в фактическом изучении этой категории крестьянства, и отмечены определенные противоречия в его концепции, связанные в особенности со следованием общепринятым тогда положениям при рассмотрении ситуации с угнетенными слоями Российской империи дореволюционного периода вообще. Наиболее принципиальным среди положений историка явилось отнесение этой категории сельского населения именно ко владельческой деревне со всеми вытекающими отсюда выводами и положениями, что он убедительно аргументировал в своем исследовании. Именно эти его позиции сегодня пытаются опровергнуть некоторые современные авторы, но их положения о фактическом уравнении удельных крестьян с государственными нельзя принять, равно как и прямые фальсификации распространения правительственного указа от 12 декабря 1801 г. о праве лиц недворянского происхождения, кроме владельческих крестьян, на покупку ненаселенных земель. Критические оценки автором статьи ряда положений Горланова, например, о мизерном значении системы местного самоуправления в удельной деревне в связи с постоянными нарушениями его со стороны правительственных учреждений, не меняют общего весьма положительного мнения об его научном творчестве, значении его «цифири» в многочисленных таблицах и выводов для современных исследователей данной проблемы.

Ключевые слова: Л. Р. Горланов, удельные крестьяне, крепостное право, крестьянский вопрос, российское самодержавие.

Для цитирования: Долгих А. Н. Л. Р. Горланов как историк российского удельного крестьянства // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 24–32. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-24-32>.

Сведения об авторе: А. Н. Долгих – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42.

Scientific Article
UDC 930.1(09)+947
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-24-32>

L. R. GORLANOV AS A HISTORIAN OF THE RUSSIAN APPANAGE PEASANTRY

Arkady N. Dolgikh

Lipetsk State Pedagogical University
named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky,
Lipetsk, Russia,
adonli@mail.ru

Abstract. The article is devoted to Leonid Romanovich Gorlanov (1939 – 2005), an outstanding Russian researcher, who passed away not long ago. He is the largest specialist in the field of agrarian history of Russia, including the history of the specific peasantry of the late 18th – first half of the 19th century. The article mainly analyses his main work "The Russian Appanage Peasants of 1797 – 1865" published in Smolensk in 1986 as a textbook and representing a quintessence of his ideas on legal and property status of this category of the Russian peasantry in the pre-reform period. The article also notes Gorlanov's enormous achievements in the actual study of this category of the peasantry and certain contradictions in his concept, especially associated with following the generally accepted provisions of the time when considering the situation with the oppressed strata of the Russian Empire of the pre-revolutionary period in general. The most fundamental position of the historian was to classify this category of rural population as an owner-occupied village, with all the conclusions and provisions that followed, which he convincingly argued in his study. It is precisely these theses that some contemporary authors are now trying to refute, but their statements about the actual equation of the appanage peasants with the state peasants cannot be accepted, as well as the direct falsifications of the government decree of 12 December 1801 on the right of nonnobility, other than landed peasants, to purchase uninhabited land. Critical assessments by the author of the article of a number of Gorlanov's provisions, for example, about the meager importance of the local self-government system in a specific village due to its constant violations by government agencies, do not change the general very positive opinion about his scientific work, the meaning of his "figures" in numerous tables and conclusions for modern researchers of this problem.

Keywords: L. R. Gorlanov, appanage peasants, serfdom, peasant question, Russian autocracy.

For citation: Dolgikh, AN 2023, 'L. R. Gorlanov as a Historian of the Russian Appanage Peasantry', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 24–32, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-24-32> (in Russ.)

Information about the Author: *Arkady N. Dolgikh* – Associate Professor, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of National and Universal History, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 42, Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia.

В свое время В. О. Ключевский отмечал: «В жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли» [15, с. 318]. Заметим, что в исторической науке мысли исследователей прошлого, как правило, остаются в памяти сегодняшних авторов, так как многое здесь уже сказано, а набор источников остается в значительной степени прежним. Это обстоятельство в полной мере касается видного исследователя, занимавшегося проблемами аграрной истории России преимущественно XIX в. – Леонида Романовича Горланова (1939 – 2005). Тем не менее в существующей историографической литературе практически не существует работ об этом историке, разве что имеются некоторые упоминания о нем в связи с именем его учителя – профессора МГУ П. А. Зайончковского [19, с. 101–118, 875]. Зная Л. Р. Горланова при жизни как выдающегося историка и незаурядного человека, считаю необходимым написать об его вкладе в изучение ряда проблем аграрной истории России. Остановимся преимущественно на трудах этого исследователя, посвященных политике самодержавия в отношении удельного крестьянства России, где его достижения особенно весомы (тем более что данная тема остается до настоящего времени несколько «боковой» для историографии и поэтому мало разработанной), и на современном восприятии данной проблематики, во многих чертах повторяющей идеи на сей счет Горланова. В свое время сам Горланов писал о том, что многие аспекты темы «еще не рассмотрены», что отсутствуют обобщающие труды, а имеются лишь работы по регионам [3, с. 3]. Однако появившиеся с того времени подобные исследования, с нашей точки зрения, далеки от того уровня обобщения материала, который был характерен для исследований Горланова [9; 10; 13].

Главная его работа, по особенностям того времени (1986 г.), была оформлена как учебное пособие по спецкурсу. Она в сжатом виде содержит его воззрения по данной проблематике, поэтому и удобна для анализа [3]. Итак, известно, что дворцовые крестьяне, в 1797 г., переименованные в удельных, принадлежали императорской фамилии, занимали в XVIII – первой половине XIX вв. особое положение в сословной структуре империи, составляя на ту пору примерно 4 % сельского населения России (по сведениям «Истории уделов за столетие их существования», в 1797 г. их было до 460 тыс. д.м.п.; по данным «Советской исторической энциклопедии» – 463 тыс. д.м.п., в 1812 – 517 тыс. д.м.п., в 1857 – 837,9 тыс. д.м.п.). Рассматривая оформление этой категории крестьянства в период правления Павла I, Горланов обращал внимание на то обстоятельство, «что организация удельных имений явилась вынужденной мерой» самодержавия «в условиях разложения феодально-крепостнической системы», имея в виду необходимость содержания императорского семейства с его растущими запросами и расстроенные финансы империи к концу XVIII в. Цель реформы, связанной с преобразованием «дворцовых волостей в удельные имения», заключалась в том, чтобы изыскать способы повышения их доходности через оформление обособленной от государственных учреждений структуры управления ими (причем это явление имело тенденцию к развитию в первой половине XIX в.) и создать «образцовое феодальное хозяйство», которое могло бы «послужить примером для остальных помещиков Российской империи» [2, стб. 655; 3, с. 4–5, 8, 11–13, 15].

В историографии до сих пор отсутствует однозначная оценка их правового (и имущественного) положения. Одна группа исследователей трактует их статус как находящийся между государственными и помещичьими [1, с. 257–258; 2, с. 655; 8, с. 60; 12, с. 31–33; 14, т. 1, с. 9, 16; т. 2, с. 7; 18, с. 234; 20, с. 54–55, 58; 23]. Другая рассматривает их как категорию населения, близкую по положению к государственным крестьянам, относя их к «свободным сельским обывателям» [9, с. 114–201; 13, с. 556–557]. Наконец, имеет место и их сближение с другими владельческими (помещичьими) крестьянами. Именно эту позицию занимал Л. Р. Горланов. Его точка зрения на статус

удельного крестьянства выглядит достаточно определенной. Отмечая, что в литературе имели место разные толкования на сей счет, историк считал это явление следствием разного понимания вопроса в правительственных документах той эпохи. По его словам, в 1798, 1811, 1824 и 1826 гг. Департамент уделов (руководивший этим ведомством) в циркулярах о переходах этих крестьян в другие сословия или об освобождении от рекрутчины не раз отмечал, что, «поскольку удельные крестьяне находятся в том же отношении к императорской фамилии, как помещичьи к помещикам», то местным властям ведомства стоит поступать так, чтобы извлечь выгоду из подобной ситуации.

Когда в первой половине 1830-х гг. был поднят вопрос о так называемом «симбирском обмене» и встала проблема «лашманов», считавшихся тогда «свободными сельскими обывателями», Комитет министров и Государственный совет вынесли определение о том, что эти лица, являясь «свободными», не могут быть обменены на удельных крестьян, рассматривавшихся этими учреждениями в качестве «крепостных императорской фамилии». Эти же положения высказывались правящими лицами России и накануне крестьянской реформы, в частности Я. И. Ростовцевым, а освобождение удельных крестьян проходило, в целом, на тех же началах, что и крестьян помещичьих. Следовательно, замечал Горланов, удельные имения являлись одной «из разновидностей феодальной собственности в стране», а сами эти крестьяне «рассматривались как крепостные царской фамилии и соответственно с этим определялись их личные и имущественные права», одновременно автор указывал на то, что за первую половину XIX в. права их эволюционировали «в сторону все большего... ущемления». Историк обращал внимание и на то, что бывшие «дворцовые крестьяне», ставшие после 1797 г. удельными, имели и в прошлом свое самоуправление. Оно было санкционировано Павлом I, хотя постепенно его компетенция ограничивалась удельными властями. Правда, автор стремился доказать, что в действительности его и не было, а целой серией мер ведомства в дальнейшем оно дошло до такого состояния, что «существовало только на бумаге». И лишь перед освобождением, уже при Александре II, удельных крестьян уравнивали «в наиболее важных правах» с казенными [3, с. 5–7, 11, 13].

Мы не согласны с его уничижительным отношением к их самоуправлению, понимая, что тогдашние «правила игры» предполагали, что любые меры дореволюционных властей, хоть в чем-либо улучшавшие положение «народных масс», должны были быть в исследованиях историков дезавуированы. Полагаем, что надо признать, что степень опеки удельных властей над подведомственным им крестьянами не доходила до крайностей, как в помещичьих деревнях, хотя в последнее время в историографии и заметна тенденция к идеализации роли общины последних, их самоуправления и давления на помещичью власть с целью добиться сносных условий существования [17, с. 437–449]. Но мы не приемлем и крайнее выражение этой точки зрения в книге Н. П. Ерошкина, писавшего, что удельные крестьяне при Павле «испытывали более тяжелую феодальную эксплуатацию, чем государственные», а в отношении уже николаевской эпохи о том, что «сущность и формы эксплуатации казенных крестьян феодально-крепостническим государством... мало чем отличались от эксплуатации помещиками крепостных крестьян». В итоге, получалось, что за четверть века и правовое положение казенных крестьян оказывалось на уровне помещичьих, что выглядит парадоксом [5; 11, с. 131, 165–166]. Полагаем, что обе эти последние позиции преувеличивают значимость особенностей правового положения удельных крестьян, которые не позволяют как раз относить их ни к той, ни к другой категории, а лишь принять тезис об их промежуточном состоянии.

Вместе с тем, в своих цифровых выкладках (многие из которых используются до сих пор исследователями), в оценках конкретных актов самодержавия, имевших отношение к удельной деревне, Горланов следовал историческим источникам, что было особенно характерно для историков школы П. А. Зайончковского. Это обстоятельство проявляется, например, в достаточно принципиальном вопросе об указе 12 декабря 1801 г. о праве покупки ненаселенных земель, распространенном теперь на купцов, мещан и казенных крестьян. Заметим, что в тексте указа ничего не говорится о крестьянах удельных. Однако в литературе последних лет высказаны мнения на сей счет, не вытекающие из содержания данного документа [16, с. 87; 22, с. 83], в том числе заявлено, что его нормы по тому же указу были распространены и на крестьян удельных [9, с. 114, 137, 143, 149, 154]. Недостатки подобного рода связаны с утратой рядом исследователей профессионализма [4; 7]. Возможно, мысли о покупке ненаселенной земли имели место после данного указа и у удельных крестьян, акты такого рода, видимо, имели место («под рукой»), но вскоре само удельное ведомство взяло данное действие под свой контроль. При этом реализацию указа 1801 г. подобным способом и для владельческой деревни никто и не отрицал, и даже помещичьи крестьяне покупали ненаселенную землю на имя своих хозяев с их разрешения. Но это не означало того, что сам указ 1801 г. разрешал помещичьим и удельным крестьянам подобные действия. Горланов об этом писал, отмечая, что до 1856 г. такие покупки удельными крестьянами («у помещиков, священников, государственных крестьян, казаков, купцов и т. д.») «были сопряжены со многими трудностями» и оформлялись «на имя Департамента уделов», и лишь после издания законов 1858 – 1859 гг. им было разрешено покупать ненаселенные земли на свое имя. Историк замечал, что купленные удельными крестьянами земли «не подлежали налогообложению», «не принимались в расчет при распределении земли по тяглам», а крестьяне «не несли за них дополнительных повинностей» [3, с. 47; 21].

В отношении же реализации планов монархии, связанных с ростом доходов от удельных имений, поддержанием подобным способом достояния императорской фамилии, по мнению Горланова, серьезного эффекта достигнуто не было, несмотря на ряд обстоятельств, способствовавших этому. Назовем здесь покупки душ и земель у помещиков, выгодные обмены с государственной деревней, естественный прирост населения Уделов, увеличение числа «оброчных статей», продажу леса и добычу разных «видов сырья», развитие мануфактур на принудительном труде, (которые оказались мало прибыльными), повышение оброков и даже введение элементов барщины («общественной запашки») в удельной деревне, расширение возможностей крестьян для занятий внеземледельческими промыслами и отсутствие со стороны ведомства особых помех их предпринимательству [3, с. 9, 19–23, 26–27.]. Признавая эти явления, многие из которых вносили определенные новации в феодальную систему (например, введение в удельной деревне поземельной подати вместо подушной), историк тем не менее старался их элиминировать (что было в духе времени), обращая внимание в особенности на рост давления властей на крестьян, злоупотребления чиновников, сводивших на нет все достижения ведомства, в том числе в сфере попечительства (развития агрономических знаний, стимулирования посадок картофеля, привоза из-за границы семян высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур), а также, естественно, на наступление кризиса феодально-крепостнического строя, которым тогда объяснялось все и вся [3, с. 14–15, 17–21, 23–26].

По его словам, удельное ведомство, проводя многие из вышеуказанных мер в жизнь, «было в полной уверенности, что оно создало в своих имениях такую ситуацию, в которой крестьянам не оставалось ничего иного, как интенсифицировать свои хозяйства, и что нашло путь укрепления феодальных производственных отношений», в том числе и для помещичьих, и для государственных имений. Однако примерно к

середине 1830-х гг. произошел в правящих кругах крах подобных иллюзий, так как все эти «действия не только не укрепляли эти отношения, но, наоборот, способствовали дальнейшему их подрыву». Причиной этого было то явление, что сами крестьяне удельного ведомства «не были заинтересованы в резком повышении производительности земледельческого труда, поскольку отчетливо осознавали, что стоит им увеличить ее, как сразу же последует и новое повышение удельного налога». В силу этого они предпочитали «мелкотоварные формы производства, которые бы не давали возможности удельному ведомству жестко контролировать получаемые от них доходы», вследствие чего «кризисная ситуация в удельной деревне не только не исчезла, но продолжала углубляться» [3, с. 25, 27–28].

Руководители удельного ведомства постепенно все в большей степени брали курс на активизацию неземледельческой деятельности их крестьян, особенно заметной во второй трети XIX в., причем, как замечал Горланов, «ускорение роста производительных сил в удельной деревне» часто «происходило на базе новых производственных отношений». Он же обращал внимание на то, что ведущие деятели ведомства приходили к выводу о том, что «крепостнические отношения изжили себя, и на их основе уже невозможно получать приращение доходов в тех размерах, которые требовались на удовлетворение потребностей царской семьи». Примером этого стало обращение с особой запиской «Об уничтожении крепостного состояния в России» к Николаю I Л. А. Перовского, товарища министра императорского двора и уделов и министра внутренних дел, результатом чего стало создание очередного секретного комитета по крестьянскому делу [3, с. 10, 29].

Итак, политика удельного ведомства «претерпела весьма существенную эволюцию. В начальный период своего существования оно старалось добиться роста доходов с крестьян на основе укрепления крепостнических отношений...» Но по мере того, как в течение первой половины XIX в. «возрастали потребности членов императорской семьи» (что приводило к увеличению расходов на их содержание примерно от 3,3 млн руб. в 1797 – 1810 гг. до 30,4 млн руб. перед реформой – в 1851 – 1860 гг.), не считая затрат на аппарат ведомства (от 850 тыс. до 6,2 млн. руб.), прежняя система все более проявляла свою несостоятельность. «Данное обстоятельство вынудило удельное ведомство попытаться подтолкнуть крестьянские хозяйства на путь интенсификации, но в рамках феодально-крепостнических отношений этого невозможно было добиться, поэтому ему ничего не оставалось другого, как дать простор для развития промышленной и торговой деятельности крестьян, что прямо способствовало становлению капиталистического уклада в удельной деревне и подрывало феодально-производственные отношения в ней».

Общим тезисом в работе Горланова является постепенное ухудшение положения удельных крестьян на протяжении первой половины XIX в. по всем параметрам: уменьшение земельного надела на тягло с 4,3 до 3,4 дес., падение доли крупного рогатого скота на душу населения, общий рост налогообложения, резкое ухудшение бытовых условий и одновременно при этом постоянный рост населения, даже имея виду и его потери от ухода в армию или в другие сословия [3, с. 31, 36]. При этом у исследователя имели место здесь и определенные противоречия. Так, говоря об экономическом положении удельных крестьян, он одновременно приходил к выводу о том, что «в начале XIX в. оно было несколько лучше положения помещичьих, но затем стало довольно быстро ухудшаться и накануне отмены крепостного права в удельной деревне практически не отличалось от положения помещичьих» [3, с. 80]. Эти противоречия были свойственны советской историографии вообще. Однако нужно заметить, что подобного рода моменты не меняют тех фактов и тенденций, которые были отмечены Горлановым при рассмотрении данного вопроса.

Значительное место в его исследовании уделено и вопросу о крестьянском движении. Автор отмечал, что «удельные крестьяне не менее активно участвовали в антифеодальной борьбе, нежели помещичьи.... Но подъемы и спады ее в удельной деревне происходили в иное время... что ослабляло общий натиск крестьянской борьбы против феодально-крепостнической системы», что было связано с особым их положением как «крепостных императорской фамилии» [3, с. 90–91].

Мы коснулись лишь нескольких аспектов взглядов данного историка по этому предмету. Очевидно, что его вклад в изучение этой темы весьма значителен, а его «цифирь» в таблицах еще долго будет служить исследователям проблемы, которые не смогут и ступить вперед, не изучив труда Л. Р. Горланова.

Список источников и литературы

1. *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М.: Мысль, 1980. 342 с.
2. *Будаев Д. И.* Удельные крестьяне // Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 14. М.: Сов. энцикл., 1973. С. 655–656.
3. *Горланов Л. Р.* Удельные крестьяне России 1797 – 1865 гг. Смоленск: СГПИ, 1986. 109 с.
4. *Долгих А. Н.* К вопросу об интерпретации в современной историографии законодательства по крестьянскому вопросу рубежа XVIII – XIX вв. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 1 (6). С. 38–51.
5. *Долгих А. Н.* К вопросу о современных оценках советской историографии: Н. П. Ерошкин // Гуманитарные исследования Центральной России. 2020. № 1 (14). С. 31–41.
6. *Долгих А. Н.* Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. В 2 т. Т. 2. Липецк: ЛГПУ, 2006. 357 с.
7. *Долгих А. Н.* О крестьянском вопросе в России в предреформенную эпоху: к вопросу о кризисе современной исторической науки // Мавродинские чтения 2018 : материалы Всероссийской науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2018. С. 626–629.
8. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. В 2 т. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1946. 631 с.
9. *Дунаева Н. В.* Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в.: монография. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2010. 472 с.
10. *Дунаева Н. В.* Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.). СПб.: БАН, 2006. 282 с.
11. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России : учебник для студ. вузов по спец. «Историко-архивоведение». М.: Высш. шк., 1983. 352 с.
12. *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. 368 с.
13. *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
14. *История уделов за столетие их существования. 1797 – 1897.* В 3 т. Т. 1. СПб., 1901. Т. 1. 723 с.; Т. 2. 581 с.
15. *Ключевский В. О.* Сергей Михайлович Соловьев // Сочинения. В 9 т. Т. 7. М.: Мысль, 1989. С. 303–319.
16. *Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М.: Наука, 2005. 639 с.
17. *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2012. 911 с.
18. *Парусов А. И.* К вопросу о положении и борьбе удельных крестьян в России первой четверти XIX в. // Ученые записки Горьковского государственного педагогического института иностранных языков. Кафедры общественных наук. Вып. 12. 1959. С. 219–235.
19. *Петр Андреевич Зайончковский* : сб. статей и воспоминаний к столетию историка / сост. Л. Г. Захарова, С. В. Мироненко, Т. Эммонс ; МГУ им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. М.: РОССПЭН, 2008. 879 с.

20. Половинкин Н. С. К вопросу о положении удельных крестьян России в первой трети XIX в. // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России : научные труды Тюменского гос. ун-та. Тюмень: ТГУ, 1978. С. 54–68.
21. Сивков К. В. Важный этап в переходе от феодального к буржуазному землевладению в России: (О ликвидации монопольного права дворян на владение землей в XVIII – XIX вв.) // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 24–43.
22. Троцкий Н. А. Александр I и Наполеон. М.: Высш. шк., 1994. 304 с.
23. Майер А. А. Удельные крестьяне // Образовательный портал «Справочник». URL: https://spravochnick.ru/istoriya_rossii/udelnye_krestyane/ (дата обращения: 22.02.2023).

References

1. Buganov, VI, Preobrazhenskiy, AA & Tihonov, YA 1980, *Evolyutsiya feodalizma v Rossii: Sotsialno-ekonomicheskiye problemy* (Evolution of Feudalism in Russia: Socio-economic problems), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
2. Budaev, DI 1973, 'Udelnyye krestyane' (Appanage Peasants), *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* (Soviet Historical Encyclopedia), vol. 14, Sov. entsikl publ, Moscow (In Russ.)
3. Gorlanov, LR 1986, *Udelnyye krestyane Rossii 1797 – 1865 gg.* (Russian Appanage peasants 1797 – 1865), SGPI publ, Smolensk. (In Russ.)
4. Dolgikh, AN 2018, 'K voprosu ob interpretatsii v sovremennoy istoriografii zakonodatelstva po krestyanskomu voprosu rubezha XVIII – XIX vv.' (To the question of interpretation in modern historiography of legislation on the peasant question of the turn of the 18th – 19th centuries). *Humanitarian Researches of the Central Russia*, no. 1 (6), pp. 38–51. (In Russ.)
5. Dolgikh, AN 2020, 'K voprosu o sovremennykh otsenkakh sovetskoy istoriografii: N. P. Yeroshkin' (The study of modern assessments of Soviet historiography: N.P. Eroshkin). *Humanitarian Researches of the Central Russia*, no. 1 (14), pp. 31–41. (In Russ.)
6. Dolgikh, AN 2006, *Krestyanskiy vopros vo vnutrenney politike rossiyskogo samodержавiya v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX vv.* (The peasant question in the internal policy of the Russian autocracy at the end of the 18th – first quarter of the 19th centuries.), vol. 2, LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.)
7. Dolgikh, AN 2018, 'O krestyanskom voprose v Rossii v predreformennuyu epokhu: k voprosu o krizise sovremennoy istoricheskoy nauki' (On the Peasant question in Russia in the pre-reform era: on the crisis of modern historical science). *Mavrodinsky Readings 2018: Materials of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of Prof. V.V. Mavrodin*, St. Petersburg, pp. 626–629. (In Russ.)
8. Druzhinin, NM 1946, *Gosudarstvennyye krestyane i reforma P. D. Kiseleva* (State peasants and P.D. Kiselyov's reform), vol. 1, AN SSSR publ, Moscow, Leningrad (In Russ.)
9. Dunayeva, NV 2010, *Mezhdru sosloynoy i grazhdanskoyn svobodoy: evolyutsiya pravosuyektnosti svobodnykh selskikh obyvateley Rossiyskoy imperii v XIX v.* (Between class and civil freedom: the evolution of the legal personality of free rural inhabitants of the Russian Empire in the 19th century), SZAGS publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Dunayeva, NV 2006, *Udelnyye krestyane kak suyekty prava Rossiyskoy imperii (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.)* (Specific peasants as subjects of law of the Russian Empire (the end of the 18th – the first half of the 19th century)), BAN publ, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Eroshkin, NP 1983, *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii* (The history of state institutions of pre-revolutionary Russia), Vyssh. shk. publ, Moscow. (In Russ.)
12. Zayonchkovskiy, PA 1968, *Otmena krepostnogo prava v Rossii* (Abolition of serfdom in Russia), Prosveshcheniye publ, Moscow. (In Russ.)
13. Ivanova, NA & Zheltova, VP 2010, *Sosloynoye obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX veka)* (Estate society of the Russian Empire (18th – early 20th century)). *Novyy khronograf* publ, Moscow. (In Russ.)
14. *Istoriya udelov za stoletiyе ikh sushchestvovaniya. 1797 – 1897* 1901 (The history of the appanages for a century of their existence. 1797–1897), vol. 1-2, St. Petersburg. (In Russ.)
15. Klyuchevskiy, VO 1989, *Sergey Mikhailovich Solovyev. Sochineniya* (Sergey Mikhailovich Solovyov. Essays), vol. 7, Mysl publ, Moscow, pp. 303–319. (In Russ.)

16. Medushevskiy, AN 2005, *Proyekty agrarnykh reform v Rossii: XVIII – nachalo XXI veka* (Projects of agrarian reforms in Russia: 18th – the beginning of the 21st century), Nauka publ., Moscow. (In Russ.)
17. Mironov, BN 2012, *Blagosostoyaniye naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii. XVIII – nachalo XX veka.* (The welfare of the population and the revolution in Imperial Russia. 18th – early 20th century), Novyy khronograf publ, Moscow. (In Russ.)
18. Parusov, AI 1959, *K voprosu o polozhenii i borbe udelnykh krestyan v Rossii pervoy chetverti XIX v.* (On the question of the situation and struggle of the specific peasants in Russia in the first quarter of the 19th century). *Uchenyye zapiski Gor'kovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov. Kafedry obshchestvennykh nauk*, no. 12, pp. 219–235. (In Russ.)
19. Zakharova, LG, Mironenko, SV & Emmons, T 2008, *Petr Andreyevich Zayonchkovskiy. sb. statey i vospominaniy k stoletiyu istorika* (Pyotr Andreevich Zaionchkovsky. Collection of articles and memoirs to the centenary of the historian), ROSSPEN publ, Moscow (In Russ.)
20. Polovinkin, NS 1978, *'K voprosu o polozhenii udel'nykh krest'yan Rossii v pervoy treti XIX v.'* (To the question of the situation of the specific peasants of Russia in the first third of the 19th century). *Klassovaya borba i obshchestvenno-politicheskaya zhizn dorevolyutsionnoy Rossii* (Class struggle and socio-political life of pre-revolutionary Russia), vol. 56, Tyumen. pp. 54–68. (In Russ.)
21. Sivkov, KV 1958, *'Vazhnyy etap v perekhode ot feodalnogo k burzhuaznomu zemlevladieniyu v Rossii: (O likvidatsii monopol'nogo prava dvoryan na vladeniye zemley v XVIII – XIX vv.)'* (An important stage in the transition from feudal to bourgeois land ownership in Russia: (On the elimination of the monopoly right of nobles to own land in the 18th – 19th centuries.), *Voprosy istorii*, no. 3, pp. 24–43. (In Russ.)
22. Troitskiy, NA 1994, *Aleksandr I i Napoleon* (Alexander I and Napoleon), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
23. Mayyer, AA *Udelnyye krestyane* (Appanage peasants), *Obrazovatelnyy portal «Spravochnik»*, viewed 22 February 2023, https://spravochnik.ru/istoriya_rossii/udelnye_krestyane/ (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.03.2023
Одобрена после рецензирования: 24.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 11.03.2023
Approved after reviewing: 24.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023

Научная статья

УДК 930.85

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-33-43>

М. А. ВРУБЕЛЬ И Л. Н. ТОЛСТОЙ КАК «ГЕНИИ-ОХРАНИТЕЛИ» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

**Антонина Владимировна
Ключарева**

Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, Tony-kl@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-1941-5480>

Аннотация. Целью статьи является анализ восприятия творческого и религиозно-философского наследия Л. Н. Толстого одним из наиболее ярких представителей художественной культуры символизма М. А. Врубеля. В российской исторической науке личность Толстого редко рассматривается с точки зрения его влияния на художественную культуру России конца XIX – начала XX веков в целом. Традиционно Л. Н. Толстого связывают с реалистической живописью, творчеством художников-передвижников. Широко известно, что тесные дружеские отношения связывали Л. Н. Толстого и И. Е. Репина, Н. Н. Ге был другом и последователем писателя, его даже часто называют «толстовцем», И. Н. Крамской бывал в доме Л. Н. Толстого. Известно, что личность и творчество Л. Н. Толстого глубоко волновали, Е. Блаватскую, В. С. Соловьева, Вячеслава Иванова, Д. Мережковского и З. Гиппиус, А. Белого, А. Блока, А. Добролюбова, художников Н. Рериха, Л. О. Пастернака, А. Бенуа, К. Коровина, скульпторов П. П. Трубецкого, А. С. Голубкину. Особое место в этом ряду занимает Михаил Врубель. Сопоставив данные источников разных периодов жизни художника, можно прийти к выводу о том, что в системе мировоззрения Врубеля Л. Н. Толстой занимал важное место. Однако его восприятие изменялось в течение жизни художника. От уважения и почитания в юности пришло к открытому неприятию в последнее десятилетие жизни. Проанализировав имеющиеся источники, можно говорить о трех направлениях критики М. Врубелем Л. Н. Толстого – его художественное творчество; эстетическая концепция, выраженная в трактате «Об искусстве», «О Шекспире и драме»; религиозно-нравственная система, моральные принципы которой «о непротавлении злу насилем», «о всеобщей любви» и др. вызвали негодование художника, хотя в открытую полемику с Толстым он никогда не вступал.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, М. А. Врубель, история русской культуры, символизм, искусство, эстетика, живопись, литература.

Для цитирования: Ключарева А. В. М. А. Врубель и Л. Н. Толстой как «гении-охранители» русской культуры // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 33–43. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-33-43>.

Сведения об авторе: А. В. Ключарева – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 930.85
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-33-43>

MIKHAIL VRUBEL AND LEO TOLSTOY AS «GENIUSES-GUARDIANS» OF RUSSIAN CULTURE

Antonina V. Klyuchareva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, Tony-kl@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-1941-5480>

Abstract. The purpose of the article is to analyze the perception of the creative and religious-philosophical heritage of Leo Tolstoy by Mikhail Vrubel, one of the most prominent representatives of the symbolist art culture. Russian historical science rarely considers Tolstoy's personality in terms of his influence on the artistic culture of Russia in the late nineteenth and early twentieth centuries as a whole. Traditionally, Leo Tolstoy is associated with realistic painting, with works by Peredvizhniki movement (the Wanderers). It is widely known that close friendship bound Leo Tolstoy and Ilya Repin; Nikolay Ge was a friend and follower of the writer, he was even often called "Tolstoyian"; Ivan Kramskoy visited the house of Tolstoy. It is known that E. Blavatskaya, V. Solovyov, V. Ivanov, D. Merezhkovsky, Z. Gippius, A. Bely, A. Blok, A. Dobrolyubov, artists N. Roerich, L. Pasternak, A. Benois, K. Korovin, sculptors P. Trubetskoy, A. Golubkina were deeply moved by the personality and work of Leo Tolstoy. Mikhail Vrubel occupied a special place among these people. By comparing the sources from different periods of the artist's life, it is possible to conclude that Tolstoy took an important role in Vrubel's system of world-view. However, his perception changed throughout the artist's life. Respect and reverence in his youth turned into open rejection in the last decade of his life. Having analyzed the available sources, it is possible to speak about three vectors of M. Vrubel's criticism of Leo Tolstoy – his artistic creativity; aesthetic concept expressed in the treatise "On Art", "On Shakespeare and Drama"; religious and moral system, the moral principles "about non-resistance to evil by violence", "about universal love" etc. They aroused the artist's indignation, although he never engaged in an open polemic with Tolstoy.

Keywords: L. N. Tolstoy, M. A. Vrubel, History of Russian culture, symbolism, art, aesthetics, painting, literature.

For citation: Klyuchareva, AV 2023, 'Mikhail Vrubel and Leo Tolstoy as «Geniuses-Guardians» of Russian Culture', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 33–43, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-33-43> (in Russ.)

Information about the Author: *Antonina V. Klyuchareva* – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

Наращение кризисных явлений в общественной жизни способствовало появлению новых направлений в художественной жизни Европы, а затем и России. Очень многие творческие люди, в том числе и Л. Н. Толстой, пытались осмыслить происходящее. В то же время в 90-е годы XIX века в недрах классической культуры рождаются новые направления и движения, представители которых мыслили не традиционно, обращались к античной литературе и искусству, а также пытались взглянуть далеко в будущее. В данном контексте «новым ростком на дереве европейской культуры» стал русский символизм, который, по мнению Аврил Пайман, следует «рассматривать в тесной связи с современным ему искусством и литературой» [12, с. 10].

Для многочисленных представителей этого нового направления в русской культуре вопросы о социальной несправедливости, ставившиеся Л. Н. Толстым, его религиозные искания, размышления о проблемах культуры и искусства, были интересны и важны, а некоторыми взяты за основу творчества.

В российском искусствознании личность Л. Н. Толстого прежде рассматривалась в тесной связи с реалистической живописью, творчеством художников-передвижников. Актуальность заявленной темы определена недостаточным вниманием к проблеме восприятия творчества Л. Н. Толстого представителями художественной культуры символизма и, в свою очередь, отношения Толстого к ним.

Материалы и методы

Работа строится на комплексном анализе источников, круг которых ограничен эпистолярным наследием М. Врубеля и его окружения, перепиской Л. Н. Толстого, а также мемуарной литературой, представленной воспоминаниями близких и знакомых М. А. Врубеля, среди них особую ценность представляют воспоминания Е. И. Ге, К. А. Коровина, М. А. Нестерова, И. С. Остроухова. Важнейшим источниками являются труды Л. Н. Толстого, в которых он излагал свою позицию по вопросам культуры и искусства, прежде всего трактат «Об искусстве».

В комплексе исследований художественного творчества Михаила Врубеля специально вопрос о взаимоотношениях с Л. Н. Толстым не рассматривался, тем не менее, большую значимость имеют труды Н. А. Дмитриевой, П. К. Суздалева, В. Домитеевой, З. Д. Коган. С их помощью формируется представление о мировоззрении художника и его роли в художественной жизни России конца XIX – начала XX вв.

Результаты

Одним из крупнейших представителей модерна и символизма в русском изобразительном искусстве являлся Михаил Александрович Врубель, художник, обладавший невероятной индивидуальностью и самобытным характером.

Врубель родился через 28 лет после Толстого, но есть некоторые факты, которые обращают на себя наше внимание. И Врубель, и Толстой закончили свой жизненный путь в 1910 г. Размышлять о влиянии Льва Николаевича на творчество художника очень сложно, круг источников ограничен и не позволяет делать однозначные выводы. Тем не менее, будучи младшим современником Толстого, Михаил Александрович не мог оставаться в стороне от современных ему литературно-художественных дискуссий, и, конечно, имел собственное мнение о Толстом.

Не случайно Константин Бальмонт ставит Толстого и Врубеля в один ряд «гениев-охранителей великого царства России». «...четыре имени особенно значительны и указующи в наши дни крушения старого мира и стихийного приближения новой эпохи. Два имени мало известны Европе, два - обошли не только все страны Европы, но и весь земной шар. Эти имена - Достоевский, Толстой, Врубель и Скрябин.

Каждое из этих имен, по-своему, в корне опрокидывает старый мир и зовет к совершенно новому строительству. Врубеля, живопись которого есть не только живо-

пись, но и вдохновенное тайночтение человеческой души, знают те из французов, которые интересуются русским искусством. Огненную музыку Скрябина, нашедшего новые музыкальные пути, неведомые ни Вагнеру, ни высоким французским композиторами, могла создать только душа, которая сжигает целый лес, чтоб явить новое изумительное поле. Влияние Достоевского и Толстого на европейское художественное творчество уже многолетнее, и русла этих потоков широки» [3, с. 48]. К. Бальмонт был лично знаком с писателем и имел к нему особое отношение, говорил о нем как об исполине и полубоге. «Лев Толстой - истый сын земли, первородный, дух земли, творящей и желающей, олицетворенье всех ее хотений. Во всем, чего он ни хотел, к чему ни прикасался, он доходил до грани, приближался к полярности, упивался вот этим, во что он сейчас вошел, но, упившись, уже чувствовал зовущий голос, и смотрел дальше, и никогда себя не знал» [2]. Мнение К. Бальмонта можно рассматривать как личное и субъективное, но для нас имеет значение тот факт, что «гениями-охранителями» он называет только четырех представителей русской культуры, среди которых два писателя, один композитор и только один художник.

Бальмонт справедливо отмечает, что по сути весь жизненный путь Л. Н. Толстого состоял из постоянных поисков самого себя, попытках открыть нечто новое и проявить в этом новом самого себя. Но точно также жизнь Михаила Врубеля состояла из постоянных поисков себя и своего места в искусстве.

Уникальность данного исторического периода состоит в том, что современниками являлись абсолютно разные мастера художественной культуры, по-своему гениальные, но стоявшие на противоположных позициях. В данном контексте следует вспомнить Н. Н. Ге, ставшего последователем Толстого, их близкая многолетняя дружба базировалась на близости морально-общественных взглядов, прежде всего, а не восприятии Толстым творчества Ге. «Цена необычайно высоко Ге, как человека, признавая его исключительную роль, как пропагандиста в изобразительных формах близких себе идей, и помогая ему всячески внешне в этой пропаганде, он внутренне и органически чувствует себя чуждым его искусству... Наоборот, отношения Ге к Толстому складывались гораздо проще, потому что в Толстом два его облика и два пути его деятельности, как художника, и как моралиста, ко времени сближения его с Ге, резко обособились один от другого» [15].

Если Николай Николаевич Ге воспринимается критикой как последователь Л. Н. Толстого, то Михаила Врубеля противопоставляют ему как «воинствующего» антитолстовца. Известно, что родная сестра жены Михаила Врубеля Надежды Ивановны Забелы-Врубель Екатерина являлась женой младшего сына Н. Н. Ге Петра, Екатерина Ивановна была очень близка к семейству Врубелей и оставила любопытные мемуары о художнике. Данный факт свидетельствует о тесных связях внутри художественного мира России конца XIX – начала XX веков и возможности знакомства и общения художника с писателем.

Опосредованное воздействие личности Л. Н. Толстого на М. А. Врубеля мы можем проследить еще с юности художника. Не случайно в студенческие годы, во время обучения на юридическом факультете Петербургского университета, Врубель создает несколько рисунков-набросков к роману «Анна Каренина» - «Свидание Анны Карениной с сыном», «Анна Каренина» и «Анна перед гибелью». Роман вышел на страницах журнала «Русский вестник» в 1877 г., в настоящее время эти рисунки М. Врубеля хранятся в фондах Государственной Третьяковской галереи.

Исследователи отмечают, что более законченным является первый эскиз, посвященный одной из ключевых смысловых сцен романа, а именно свиданию Анны с сыном Сережей. Многие художники иллюстрировали роман Толстого, вариаций изображения Анны и этой сцены огромное количество, но версия, предложенная Врубелем, обладает характерной для художника индивидуальностью. Автор монографии

о М. Врубеле Д. З. Коган писала: «Рисунок, изображающий свидание Анны с сыном, характерен сочетанием в нем двух аспектов в решении образа – юридического и эстетического, которые вполне отвечают существованию Врубеля в это время. В самом деле, в этом рисунке Врубель, кажется, осмысляет судьбу героини с точки зрения правосудия: «преступление» и «наказание». Правда, правосудие не земное, а высшее, небесное – беспощадный божеский суд, божеский приговор, высказанный в эпитафии «Мне отмщение и аз воздам». Весь образ пронизан светом этой божеской беспощадности» [10, с. 30].

Как феномен интермедальности рассматривала эту иллюстрацию С. А. Асеева. Иллюстрирование художественных произведений представляет собой один из видов интермедальности, сущность которой состоит в воспроизведении явлений какого-либо искусства через средства другого. «В данном контексте иллюстрирование предстаёт как перевод литературно-художественного текста на язык живописи» [1]. По мнению С. А. Асеевой, «...несмотря на мировоззренческие расхождения писателя и художника, его рисунок «Свидание Анны Карениной с сыном» можно считать успешным примером интермедального взаимодействия эпизода в тексте романа с иллюстрацией Врубеля» [1]. Анализируя философско-мировоззренческие взгляды художника и писателя на данную сцену, С. А. Асеева приходит к выводу о том, что они имеют расхождения. «У Толстого для Анны кульминационна и в эмоциональном, и в провиденциальном плане. Именно этот эпизод – точка невозврата в прежнее состояние, начало духовного падения героини, в итоге приведшего её к физической гибели, самоубийству. В философском понимании Толстого трагедия Анны заключается в разрыве духовной связи с сыном и в невозможности исправить это положение». «Для Врубеля образ героини романа привлекателен сочетанием красоты, страстной любви и греха. Грехопадение Анны сближает её с Демоном, падшим Ангелом, одновременно эстетически прекрасным и ужасным» [1].

Действительно, многие критики отмечают, что образ Анны представляет собой первого демона Михаила Врубеля. Это выражается в страстности и порывистости ее фигуры, использовании мрачного рокового колорита, ее пламенный взгляд страшен, а вся фигура напоминает летящую хищную птицу. В то же время не стоит забывать, что это работа начинающего художника, что рисунки к «Анне Карениной» еще юношески незрелы. Об этом свидетельствует слишком явная красота Анны, ее нарядное салонное платье, придающее сходство с журнальной картинкой. В выражении лица есть черты театральности, а внешность Сережи несколько кукольна. Композиция включает не только главных действующих лиц, но и большое количество предметов, драпировок, что напоминает работу, основанную на переосмыслении опыта многих крупных мастеров, а возможно и гравюр. Как отмечала искусствовед Д. З. Коган, «во всей старательности, мелочной тщательности чувствуется, как упоен Врубель, как он стремится выточить свой шедевр. И при юношеской незрелости рисунок поражает экспрессией чувства и особенно некоторыми чертами исполнения: каллиграфической отточенностью, кружевной разработкой деталей. Здесь уже появляется особенная, чисто врубелевская филигранность, особенная нарядность самого рисунка, самой линии, формы. В развитом и измененном, конечно, виде эти черты будут присущи искусству Врубеля всю жизнь, и складываться они начали уже сейчас» [10, с. 32].

Л. Н. Толстой в самом начале романа сообщает читателю о неизбежности трагического финала, это понятно из эпитафии к произведению: «Мне отмщение и аз воздам». Эта неизбежность сразу же считывается и в образе, созданном М. Врубелем. В то же время Анне Михаила Врубеля свойственна двойственность – земного и небесного, божественного и человеческого, здесь поднимается один из главных вопросов христианства – возможность выбора для каждого человека, какой поступок совершить и на чьей стороне оказаться.

Через много лет уже известный художник Михаил Александрович отстранился от Л. Н. Толстого и его творчества. К сожалению, круг источников, к которым мы можем обратиться крайне узок.

В письмах самого Михаила Александровича несколько раз упоминается имя Толстого. В 1892 г. в письме сестре Анне встречается имя Толстого в контексте его сравнения как писателя с творчеством Г. Ибсена: «...я на днях в Малом театре видел «Северные богатыри» Ибсена, и мне страшно понравилось..., по-моему, это более гуманней Толстой и потому глубже, и шире видящий» [4, с. 58]. Таким образом, понятно, что с художественными произведениями Л. Н. Толстого Врубель был хорошо знаком.

Особую группу источников об отношении Врубеля к Толстому составляют косвенные свидетельства, переданные третьими лицами. Это, в первую очередь, записки Екатерины Ивановны Ге. Описывая последние годы жизни Михаила Александровича, она отмечала: «Толстого же он не любил. Учение Толстого было Михаилу Александровичу антипатично, но даже когда Врубель говорил о художественных произведениях Толстого, заметно было какое-то личное раздражение. Он уверял, что "Война и мир" и "Анна Каренина" только потому нравятся, что в них хорошо описана барская обстановка и простым смертным приятно, что разные князья и графы довольно похоже на них думают, что хорошо у Толстого только "Детство и отрочество" и "Севастопольские рассказы", хуже "Война и мир", а "Анна Каренина" — второстепенный роман. Врубель укорял Толстого, что он несправедлив к собственным героям, что он, например, Анну Каренину с самого начала не любит и потому и дает ей так ужасно погибнуть, не любит князя Андрея и потому все его раненым держит» [6].

Естественно, что имя Льва Николаевича Толстого так или иначе обсуждалось в кругу семьи Врубелей и их друзей, тем более, что есть упоминания о том, что Лев Николаевич однажды бывал в гостях на хуторе у своего друга Николая Николаевича Ге, где часто гостили и Врубели. Не сохранилось никаких свидетельств о том, встречались ли лично Толстой и Врубель, возможно, такая встреча и имела место, но была мимолетна и не значительна, так как в воспоминаниях Толстого и людей, окружавших его постоянно, также нет никакого упоминания имени Михаила Врубеля.

Любопытным источником являются записки Михаила Врубеля «Разговор с великой знаменитостью» [11, с. 195–197] о встрече с Толстым, с трудом расшифрованные и опубликованные в журнале «Звезда» в 1973 г. Основываясь на этом источнике, многие исследователи утверждают, что Врубель и Толстой встречались в Ясной Поляне. Однако, в самой Ясной Поляне, где секретари и домашние Толстого фиксировали все его встречи и беседы, никаких упоминаний о ней не имеется. Неприязнь художника к Толстому, вероятно, достигла тогда своей крайней точки и выражалась не только в критике взглядов, но и оценке внешности писателя: «угрюмые, пронзительные, волчьи, голодные очи» хозяина усадьбы. «Некоторое время оглянуться – не худо, но для этого надо иметь по крайней мере «Скучную Поляну» [11, с. 196]. В оценке Врубелем Толстого просматривается нечто личное, какая-то обида или неудовлетворенность. Эти черновые записки относятся хронологически к 1898 – 1899 годам, как раз тогда в свет вышел трактат Л. Н. Толстого «Об искусстве», вызвавший крайне противоречивые оценки. Врубель его воспринял отрицательно.

Как сообщает в своей книге о художнике В. М. Домитеева, «Врубель трактат Толстого прочел внимательно» [9]. Как известно, сам Михаил Александрович постоянно находился в поисках «истинного» искусства, обращение к истокам народной культуры, национальным традициям – эти постулаты модерна имеют общие черты с идеями, которые озвучивал Л. Н. Толстой, однако художники модерна, и прежде всего Врубель, на первое место возводили «прекрасное», «красоту» как цель своего творчества. По словам Н. А. Дмитриевой, «обращение к национальным народным истокам -

эта струя естественно вливалась в русло модерна; ведь в изобразительно-орнаментальном фольклоре любого народа так много сказочного, волнующего воображение. Но, конечно, модерн и эти традиции переосмысливал на свой лад, сообщая национальным мотивам свой собственный изыск... Главный нерв модерна как такового — культ красоты в ее меланхолически загадочных, мечтательных, пряных, заманчиво странных аспектах. Эстетический идеал модерна был достаточно хрупок, подвержен легкому соскальзыванию в манерность и поэтические штампы» [8]. Л. Н. Толстой в своем разгромном трактате «Что такое искусство?» писал о современных художниках: «Как богословы разных толков, так художники разных толков исключают и уничтожают сами себя. Послушайте художников теперешних школ, и вы увидите во всех отраслях одних художников, отрицающих других: в поэзии — старых романтиков, отрицающих парнасцев и декадентов; парнасцев, отрицающих романтиков и декадентов; декадентов, отрицающих всех предшественников и символистов; символистов, отрицающих всех предшественников и магов, и магов, отрицающих всех своих предшественников; в романе — натуралистов, психологов, натуралистов, отрицающих друг друга. То же и в драме, живописи и музыке. Так что искусство, поглощающее огромные труды народа и жизнью человеческих и нарушающее любовь между ними, не только не есть нечто ясно и твердо определенное, но понимается так разноречиво своими любителями, что трудно сказать, что вообще разумеется под искусством и в особенности хорошим, полезным искусством, таким, во имя которого могут быть принесены те жертвы, которые ему приносятся» [13, с. 32].

Толстой пишет о том, что «для того, чтобы удовлетворить требованиям людей высших классов», художники выработали приемы для создания предметов, «подобных искусству». Один из этих приемов — заимствование, именно так он характеризует обращение к сюжетам прежних поэтических произведений и их последующую переработку. Далее Толстой пишет о том, что «характерным образцом такого рода подделок под искусство в области поэзии может служить пьеса Ростана «Princesse Lointaine», «Принцесса Грёза», в которой нет искры искусства, но которая кажется многим и, вероятно, ее автору очень поэтичной» [13, с. 114]. Как известно, в 1896 г. Врубель написал свое панно для нижегородской ярмарки по мотивам именно этого произведения как некую мечту о прекрасном. История с панно «Принцесса Греза» была для Врубеля особенно болезненной, так как фактически привела к травле художника. «Толпа смеялась над работами г. Врубеля» [5, с. 2], — отмечал Н. П. Гарин-Михайловский на страницах газеты «Новое время». «О, новое искусство! — писал Горький в заключение своей ругательной статьи о работах Врубеля. — Помимо недостатка истинной любви к искусству, ты грешишь еще и полным отсутствием вкуса... В конце концов, что все это уродство обозначает? Нищету духа и бедность воображения? Оскудение идеализма и упадок вкуса? Это простое оригинальничанье человека, знающего что-то для того, чтоб стать известным». [7, с. 165] Однако следует понимать, что именно «Принцесса Греза» стала выражением творческого кредо художника: истина в красоте.

Трактат Толстого фактически перечеркивал все достижения мировой художественной культуры. Н. А. Дмитриева писала: «...Врубель и сам был максималистом, человеком крайностей. «Крайности» его и Толстого были несовместимы — только время, только история могут по справедливости отдать должное обоим. Символ веры Врубеля был — «истина в красоте», Толстой же подвергал сомнению само понятие красоты, как расплывчатое, темное и только мешающее ясному взгляду на вещи» [8, с. 100]. Для Врубеля более предпочтительными становятся идеи Ф. Ницше, таким образом мы можем говорить о том, что к началу 1900-х годов Врубель окончательно отвергает Толстого. Михаил Александрович писал в письме Е. И. Ге в 1902 г.: «Надя находит, что я тебя напрасно обижаю выходками против Толстого, нет, не напрасно:

надо вылечиться от привычки толочься, как комары в вечернем воздухе» [4, с. 95]. Он утверждал: «Когда искусство изо всех сил старается иллюзионировать душу, будить её от мелочей будничного величавыми образами, тогда он (Толстой) с утроенной злостью защищает свое половинчатое зрение от яркого света».

В 1900-е годы конфликт о месте искусства в эстетической культуре случился внутри объединения художников «Мир искусства». В письме И. С. Остроухову Врубель излагает свои мысли эмоционально и драматично, а имя Толстого упоминается как нарицательное: «Мы, Мир искусства, хотим найти для общества настоящий хлеб, а не кормить его московским Евангелием и Толстовской указкой. Помяните мои слова: не пройдет и 5 лет, вы вырождаетесь в эпигонов передвижничества, только поуже» [4, с. 77].

Многие критики рассматривают работу М. Врубеля над «Демоном поверженным» и представление ее на выставке «Мир искусства» 1902 года как некий вызов Толстому и последователям великого старца, ожидая острой критики и обвинений.

Примерно в то же время М. Врубель отправил письмо Е. И. Ге, в котором его язвительность и неприятие по отношению к Толстому достигают своего максимума. В письме Врубель противопоставляет Толстому и его пониманию искусства линию немецкой философии, идущую от Канта. «Когда наука открывает величественные горизонты «необходимостей», и гениальный немец показал бессилие и дрянность измышленных человеком «возможностей» перед «необходимостью», тогда милые скоты с Толстым во главе нашли своевременным отрыгнуть одну из «возможностей» и зачавкать эту застоявшуюся в их желудках кашу, которая имела в свое время свойства настоящей пищи, а с течением веков в желудках идиотов превратилась в американствующую хлыстовщину» [4, с. 95]. Однако многие исследователи склонны думать, что сознание Михаила Александровича в данный период было уже не вполне здоровым.

В том же 1902 г. художник создает своего знаменитого «Пана», некоторые современные исследователи высказывают свои предположения о сходстве внешних черт изображенного Врубелем сатира и писателя Льва Толстого [14]. Однако, известно, что картина была написана под впечатлением от прочитанного Михаилом Александровичем рассказа Анатоля Франса «Святой сатир». Особенностью интерпретации античного пана, предпринятой Врубелем, является его русификация. А. Ягодская в своей книге «М. А. Врубель» замечает: «...художник превратил античного лесного бога в русского лешего, фигура старика, обросшего серым мхом, словно старый пенёк, естественно вырастает из родного, чем-то знакомого пейзажа» [14]. В. Успенский, высказавший данную гипотезу, не приводит прямых доказательств, она основывается на косвенных упоминаниях и догадках, таким образом не может использоваться нами как достоверный материал. Он пишет в своей статье: «А был ли прообраз у врубелевского Пана? Рискую предположить, что был. И это, как мне кажется, Лев Николаевич Толстой. Не точный, конечно, его портрет, а только напоминание некоторых черт писателя, поскольку встреча или встречи Врубеля с ним были и внешний его образ сохранился в великолепной памяти художника» [14]. Хотя, конечно, некое сходство в изображении пронзительного взгляда, седой бороды и широкого носа, можно найти, но в таком случае, на наш взгляд, можно отметить также внешнее сходство с Толстым «Колдуна» - персонажа, изображенного в качестве эскиза к опере П. И. Чайковского «Чародейка», написанного в 1900 г.

В рамках данной работы мы попытались наметить основные направления, по которым можно анализировать восприятие художником Михаилом Александровичем Врубелем личности Льва Толстого – писателя, мыслителя, философа. Их можно сформулировать следующим образом: 1) М. Врубель и художественные произведения Л. Н. Толстого-писателя (роман «Анна Каренина» и иллюстрации к нему, «Война и

мир», «Детство», «Севастопольские рассказы» – несомненно Врубель читал главные произведения Толстого, об этом он упоминает в письмах Е. И. Ге); 2) эстетическое мировоззрение М. Врубеля как художника-символиста и Л. Н. Толстого; 3) восприятие Толстого как человека, бросившего вызов обществу в социальных, общественных и политических вопросах. Активная позиция Л. Н. Толстого раздражала Врубеля, он считал, что в своей деятельности и взглядах Толстой был неискренним, декларируя тезисы об опрощении и непротивлении, сам оставался таким же избалованным баринном, каковым являлся в молодые годы.

Любопытный разговор с М. Врубелем на тему жизни за границей передает в своих воспоминаниях К. Коровин. «Мне нравится: там как-то больше равенства, понимания. Но я не люблю одного: там презирают бедность... А в России есть доброта и нет меркантильной скупости. Там неплохо жить – я люблю, так как там л тебе никто не заботится. Здесь как-то все хотят тобой владеть и учить взглядам, убеждениям... Подумай, как трудно угодить, например, Льву Николаевичу Толстому. Просто невозможно» [4, с. 250]. Из этого фрагмента становится понятно, что так сильно раздражало Врубеля – это морализм Толстого, его образ великого учителя.

Е. И. Ге вспоминала в своих дневниках беседу на даче Н. Н. Ге от 30 июля 1897 г.: «За обедом говорили о толстовщине и очень горячились и сердились, - и даже мягкий, любезный Врубель горячился и говорил, что, читая Толстого, нельзя заснуть» [4, с. 268].

Знакомый с художником С. П. Яремич вспоминал: «Об одном только Толстом он мог спорить до ожесточения... Ненависть его к Толстому была так велика, что даже в шутку он не мог об этом говорить равнодушно» [16, с. 150–151].

Заключение

Масштаб личности Толстого и его мощное воздействие на культурную и в том числе художественную жизнь вызывали ненависть со стороны художника, который, возможно, таким образом реагировал на собственные неудачи, часто встречаясь с непониманием и насмешками. Тем не менее, игнорировать влияние Л. Н. Толстого на общественность невозможно, и М. А. Врубель испытывал его на себе. В последние годы жизни эстетические взгляды самого Михаила Александровича претерпели изменения. Н. А. Дмитриева приводит в своей книге выдержку из дневников Е. И. Ге начала 1902 г.: «Вкусы его артистические совершенно переменялись. Теперь он презирает художников, которые не интересуются смыслом, даже словами, а прежде он признавал только искусство для искусства» [8, с. 132].

В заключении следует признать, что однозначных выводов о возможном влиянии личности Льва Толстого на Михаила Врубеля мы сделать не можем, в связи с недостатком прямых источников. Остается ряд нерешенных вопросов, требующих дальнейшего изучения темы. Это, прежде всего, вопрос о встрече Толстого и Врубеля. Действительно ли она имела место, если – да, то где состоялась – в Ясной Поляне, московском доме Толстого или на даче Н. Н. Ге? В таком случае остается неясным, почему в дневниках и воспоминаниях самого Толстого, а также его секретарей или членов семьи нет никаких упоминаний об этом. Проблему возможного влияния личности Л. Н. Толстого на творчество Врубеля следует, на наш взгляд, определять в контексте косвенного воздействия мировоззренческой системы писателя, вызывавшей инициативу высказывания собственных идей со стороны художника.

Список источников и литературы

1. Асеева С. А. Иллюстрация М. А. Врубеля к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина» как феномен интермедальности // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. №

- 3 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/illyustratsiya-m-a-vrubelya-k-romanu-l-n-tolstogo-anna-karenina-kak-fenomen-intermedialnosti> (дата обращения: 24.02.2023).
2. *Бальмонт К. Д.* Избранник (Лев Толстой) : электрон. версия ст. // Русское слово. 1910. 25 нояб. (8 дек.). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/balmont-izbrannik.htm> (дата обращения: 24.02.2023). Доступна на сайте tolstoy-lit.ru.
3. *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6: Край Озириса; Где мой дом? Очерки (1920 – 1923); Горные вершины : сб. ст.; Белые зарницы: Мысли и впечатления. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 622 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://www.litmir.club/bd/?b=243324> (дата обращения: 20.02.2023). Доступна на сайте ЛитМир: электрон. б-ка.
4. *Врубель. Переписка: Воспоминания о художнике.* Л.: Искусство, 1976. 384 с.
5. *Гарин-Михайловский Н.* Жюри и художник // Новое время. 1896. № 7295.
6. *Ге Е. И.* Последние годы жизни Врубеля // Искусство и печатное дело. 1910. № 8-9; № 10.
7. *Горький М.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 23: Статьи, 1895-1906. М.: Худож. лит., 1953. 464 с.
8. *Дмитриева Н. А.* Михаил Врубель. Жизнь и творчество. М.: Дет. лит., 1988. 143 с.
9. *Домитеева В. М.* Врубель. М.: Мол. гвардия, 2014. 479 с.
10. *Коган Д. З.* Михаил Врубель. .: Терра-кн. клуб, 1999. 540 с.
11. *Кузьмина Л. И.* Л. Н. Толстой. Из неопубликованного // Звезда. 1973. № 8. С. 195–197.
12. *Пайман Аврил.* История русского символизма. М.: Республика, 2000. 415 с.
13. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Репр. воспроизведение изд. 1928–1958 гг. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Терра, 1992. Т. 30. 605 с.
14. *Успенский В.* Врубель рисует «Пана» : электрон. версия ст. // Нева. 2004. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2004/4/vrubel-risuet-8220-pana-8221.html> (дата обращения: 01.02.2023). Доступна на портале Журнальный зал: литературный интернет-проект.
15. *Фабрикант М.* Толстой и изобразительные искусства (контуры проблемы) : электрон. версия ст. // Эстетика Льва Толстого : сб. ст. / под ред. П. Н. Сакулина. М.: Гос. академ. худож. наук, 1929. С. 309–324. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/fabrikant-tolstoj-i-izobrazitelnye-iskusstva.htm> (дата обращения: 20.02.2023). Доступна на сайте tolstoy-lit.ru.
16. *Яремич С. П.* М. А. Врубель. М.: И. Кнебель, 1911. 188 с.

References

1. Aseeva, SA 2015, 'Illyustratsiya M. A. Vrubelya k romanu L. N. Tolstogo «Anna Karenina» kak fenomen intermedialnosti' (Mikhail Vrubel's illustration to Leo Tolstoy's novel «Anna Karenina» as a phenomenon of intermediality), *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, no. 3 (21), viewed 24 February 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/illyustratsiya-m-a-vrubelya-k-romanu-l-n-tolstogo-anna-karenina-kak-fenomen-intermedialnosti> (In Russ.)
2. Balmont, KD 1910, 'Izbrannik (Lev Tolstoy)' (The Chosen One (Leo Tolstoy), *Russkoye slovo*, 25 November (8 December), viewed 24 February 2023, <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/balmont-izbrannik.htm> (In Russ.)
3. Balmont, KD 2010, *Sobraniye sochineniy. Kray Ozirisa. Gde moy dom? Ocherki (1920 – 1923). Gornyye vershiny. Belyye zarnitsy: Mysli i vpechatleniya* (Collected works. The land of Osiris. Where is my home? Essays (1920 – 1923). Mountain peaks. White Lightning: Thoughts and Impressions), vol. 6, Knizhnyy Klub Knigovok publ, Moscow, viewed 20 February 2023, <https://www.litmir.club/br/?b=243324&p=48> (In Russ.)
4. *Vrubel. Perepiska: Vospominaniya o khudozhnike* (Vrubel. Correspondence. Memories of the artist) 1976, Iskusstvo publ, Leningrad (In Russ.)
5. *Garin-Mikhaylovskiy, N* 1896, 'Zhyuri i khudozhnik' (Jury and artist), *Novoye vremya*, no. 7295. (In Russ.)
6. *Ge, EI* 1910, 'Posledniye gody zhizni Vrubelya' (The last years of Vrubel's life), *Iskusstvo i pechatnoye delo*, no. 8-10. (In Russ.)

7. Gorkiy, M 1953, *Sobraniye sochineniy. Statyi 1895-1906* (Collected workst. Articles 1895 – 1906), vol. 23, Khudozh. lit. publ, Moscow (In Russ.)
8. Dmitriyeva, NA 1988, *Mikhail Vrubel. Zhizn i tvorchestvo* (Mikhail Vrubel. Life and creativity), Det. lit. publ, Moscow (In Russ.)
9. Domiteyeva, VM 2014, *Vrubel* (Vrubel), Molodaya gvardiya publ, Moscow (In Russ.)
10. Kogan, DZ 2013, *Mikhail Vrubel* (Mikhail Vrubel), Terra-kn. Klub publ, Moscow (In Russ.)
11. Kuzmina, LI 1973, 'L. N. Tolstoy. Iz neopublikovannogo' (Leo Tolstoy. From unpublished), *Zvezda*, no. 8, pp. 195–197. (In Russ.)
12. Pyman, A *Istoriya russkogo simvolizma* (A history of Russian symbolism) 2000, trans. V. V. Isakovich, Respublika publ, Moscow (In Russ.)
13. Tolstoy, LN 1992, *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete Works), vol. 30, Terra publ, Moscow (In Russ.)
14. Uspenskiy, V 2004, 'Vrubel risuyet «Pana»' (Vrubel draws "Pan"), *Neva*, no.4, viewed 1 February 2023, <https://magazines.gorky.media/neva/2004/4/vrubel-risuet-8220-pana-8221.html> (In Russ.)
15. Fabrikant, M 1929, 'Tolstoy i izobrazitel'nyye iskusstva (kontury problemy)' (Tolstoy and fine arts (contours of the problem)), *Estetika Lva Tolstogo*, Gos. akadem. khudozh. nauk publ, Moscow, pp. 309–324, viewed 20 February 2023, <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/fabrikant-tolstoj-i-izobrazitelnye-iskusstva.htm> (In Russ.)
16. Yaremich, SP 1911, *M. A. Vrubel*, I. Knebel publ, Moscow (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.03.2023
Одобрена после рецензирования: 23.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 18.03.2023
Approved after reviewing: 23.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023

Научная статья

УДК 94 (47).083

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-44-59>

«ПРИНИМАТЬ... В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ...»: ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЭВАКУАЦИИ РАНЕННЫХ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

***Александр Дмитриевич
Любушкин***

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, kia@tsput.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс организации и осуществления эвакуации раненых в годы Первой мировой войны в условиях тыловой Тульской губернии. Исследование выполнено на основе опубликованных источников и документов Государственного архива Тульской области. Основной задачей тыловых губерний в начале войны было разворачивание сети медицинских учреждений с определенным количеством койко-мест для обеспечения эвакуируемых солдат стационарной медицинской помощью. Основанная на принципе «вывоза всех», эвакуационная система страны уже к осени 1914 г. привела к переполнению тыла прибывающими с фронта ранеными. В этой связи тыловые губернии при осуществлении эвакуации руководствовались не своими реальными возможностями, а задачей приема всех направляемых в тыл раненых. Реализовано это было путем консолидации усилий общества и государства, в лице земского и городского союзов, военного ведомства, и иных субъектов, развернувших активную работу по открытию медучреждений и разворачиванию койко-мест в тылу. В результате исследования было установлено, что основу всего коечного фонда, предназначавшегося для размещения эвакуируемых солдат, в Тульской губернии и ряде соседних с ней тыловых губерниях, составляли госпитали и лазареты, действовавшие на базе земского и городского союзов, а также военного ведомства. Территориально в губернии эти учреждения на начальном этапе войны располагались преимущественно в губернском и уездных центрах, что было обусловлено транспортной доступностью, ресурсами для открытия новых медучреждений, а также темпами разворачивания койко-мест. Автор приходит к выводу, что на начальном этапе войны (1914 – 1915 гг.) в Тульской губернии объем имеющегося коечного фонда, развернутого для нужд эвакуации, а также темпы его прироста не соответствовали количеству поступающих раненых.

Ключевые слова: Первая мировая война, Тульская губерния, эвакуация, раненые, госпиталь.

Для цитирования: Любушкин А. Д. «Принимать... в полном объеме...»: организация системы эвакуации раненых в Тульской губернии в годы Первой мировой войны // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 44–59. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-44-59>.

Сведения об авторе: А. Д. Любушкин – аспирант кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 94 (47).083
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-44-59>

**«TO RECEIVE... IN FULL...»:
ORGANIZATION OF THE EVACUATION SYSTEM OF THE WOUNDED
IN TULA PROVINCE DURING WORLD WAR I**

Aleksandr D. Lyubushkin

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, kia@tspu.ru

Abstract. The article discusses the process of organizing and implementing the evacuation of the wounded during World War I in the home front of Tula Province. The study is based on published sources and documents from the State Archive of Tula Oblast. The main task of the rear provinces at the beginning of the war was to deploy a network of medical institutions with a certain number of beds to provide evacuated soldiers with inpatient medical care. The country's evacuation system, based on the principle of "taking everyone out", had already by autumn 1914 resulted in the home front being overcrowded with wounded arriving from the battlefield. In this regard, the rear provinces were not guided in their evacuations by their real capacities, but by the task of receiving all the wounded sent to the home front. By consolidating the efforts of society and the state, represented by the Zemstvo and municipal unions, the military department, and other actors who were active in opening medical centres and deploying beds on the home front, such efforts were realised. The study establishes that hospitals and infirmaries operated by Zemstvo and municipal unions, as well as by the military department, formed the basis of the entire bed capacity of the evacuated soldiers in Tula Province and a number of neighbouring rear provinces. Geographically, in the early stages of the war, these institutions were located mainly in the provincial and district capitals of the province, due to transport accessibility, resources for opening new medical centres, and the rate at which inpatient beds were being created. The author concludes that at the initial stage of the war (1914 – 1915) the number of hospital beds available in Tula Province for evacuation, and the rate of its growth did not match the number of the incoming wounded.

Keywords: World War I, Tula Province, evacuation, the wounded, hospital.

For citation: Lyubushkin, AD 2023, '«To Receive... in Full...»: Organization of the Evacuation System of the Wounded in Tula Province During World War I', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 44–59, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-44-59> (in Russ.)

Information about the Author: *Aleksandr D. Lyubushkin* – Postgraduate Student of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

Качественно новая реальность тотального конфликта XX в., которым стала Первая мировая война, требовала максимальной концентрации государственных и общественных усилий для обеспечения нужд фронта в ведении боевых действий во всех без исключения воюющих странах и в том числе в Российской империи. Наиболее ярко это отобразилось на организации и осуществлении эвакуации раненых, главной целью которой было построение системы оказания стационарной медицинской помощи раненым в тыловых медицинских учреждениях.

Россия в этом отношении находилась в особенном положении в силу протяженности линии фронта, численности армии и масштабов военных операций. Эти обстоятельства требовали построения эффективной и работоспособной эвакуационной системы, начиная от районов фронта и заканчивая тыловыми районами страны, которыми были провинциальные губернии центральной России. Их главным направлением деятельности являлось обеспечение койко-местами эвакуируемых с фронта солдат как в существующих, так и в специально создаваемых медучреждениях. От того насколько эффективна и работоспособна была данная система в целом в стране, и в условиях отдельных тыловых губерний в частности, зависело функционирование всего комплекса медико-санитарного обеспечения армии.

Данная тематика представлена достаточно широким кругом исследований как военных медиков, так и историков [5; 9; 29]. Общая для большинства этих работ мысль, заключается в том, что существовавшая в годы Первой мировой войны эвакуационная система была одной из самых уязвимых составляющих военно-медицинского обеспечения армии. Основную свою задачу по сохранению людских ресурсов для нужд армии она в итоге не выполнит. Обусловлено это было рядом факторов, таких как просчеты планирования, низкий уровень управляемости и координации деятельности различных органов осуществления эвакуации, начиная от прифронтовых районов и заканчивая глубоким тылом и др. В последние годы увеличивается количество работ [1; 28; 30], которые рассматривают систему эвакуации страны в условиях отдельных тыловых губерний, учитывая их региональную специфику, что в свою очередь влияло на осуществление эвакуационных мероприятий в целом в стране.

Целью настоящей статьи является рассмотрение организации и осуществления эвакуации раненых в годы Первой мировой войны на примере типичной тыловой Тульской губернии. Основу данного процесса составляло разворачивание сети медицинских учреждений с койко-местами в них для оказания стационарной медицинской помощи эвакуируемым солдатам. Для достижения поставленной цели необходимо ответить на ряд вопросов: что собой представляла система эвакуации в Российской империи в годы Первой мировой войны? Каким образом в губернии планировали организацию работы по приему раненых в начале войны? Каковы были масштабы движения раненых в тыловых районах страны и, в частности в Тульской губернии, в начале войны? Какое влияние оказал данный фактор на дальнейший процесс осуществления эвакуации? Какие основные типы медучреждений существовали в губернии, принимавшие эвакуируемых раненых, в зависимости от их ведомственной принадлежности, коечной вместимости, заполняемости и территориального размещения?

Материалы и методы

Основу источниковой базы статьи составили документы Государственного архива Тульской области (далее ГУ ГАО). В первую очередь это делопроизводственные документы фондов врачебного отделения тульского губернского правления (Ф. 744), канцелярии тульского губернатора (Ф. 90), 40-го сводного эвакуационного госпиталя (Ф. 820), которые содержат информацию по основным аспектам организации и осуществления эвакуации в губернии. Это материалы переписок с различными органами

власти по вопросу открытия новых медучреждений, ежедневные и ежемесячные отчеты и рапорты о количестве раненых, поступающих в губернию, и их распределении по медучреждениям и т.п.

Также, в работе привлекались опубликованные источники – очерки и обзоры деятельности Всероссийского земского и городского союзов, Российского общества красного Креста. В них содержится информация по количеству имеющихся койко-мест в империи в годы войны, их ведомственной принадлежности и заполняемости. Эти источники формировались на основе информации, поступающей от местных органов данных организаций. В отдельных случаях в них прослеживаются некоторые расхождения с архивными документами, в частности, по количеству медучреждений и их коечной вместимости. Зачастую это было связано с тем, что в сложных условиях войны положение дел на местах стремительно видоизменялось. В этой связи при расхождении данных по Тульской губернии в указанных источниках информация архивных документов ГУ ГАТО представляется более приближенной к реальному положению дел.

Кроме того, в статье используются материалы сборника документов «Санитарная служба русской армии в войне 1914 – 1917 гг.» [20], в котором собраны документы по основному кругу вопросов связанных как с общими аспектами медико-санитарных основ русской армии, так и с планированием и осуществлением эвакуационной деятельности в годы войны. Уникальность данного сборника состоит в том, что в нем собраны документы центрального государственного военно-исторического архива, хранящиеся в фондах Главного военно-санитарного управления, главного управления генерального штаба, Российского общества Красного Креста, Всероссийского земского и городского союза и др.

В статье применялись такие методы как: историко-типологический, (который позволил осуществить типологию медицинских учреждений губернии периода Первой мировой войны, предназначавшихся для размещения и лечения эвакуируемых раненых воинов, определив их ведомственную принадлежность, коечную вместимость, территориальное размещение); историко-сравнительный (позволил выявить общегосударственные тенденции и провинциальные особенности в организации системы эвакуации и ее последующего функционирования в годы войны). Количественные методы были использованы при обработке статистических материалов различных источников, при изучении процесса разворачивания коечного фонда губернии, а также динамики движения раненых в годы войны.

Результаты

Проблема организации эвакуации раненых из фронтовых районов для русской императорской армии была относительно новой. Первым серьезным испытанием для командования стала русско-японская война (1904 – 1905 гг.). Эвакуационная деятельность армии во время этой войны была основана на принципе «эвакуация прежде всего» [29, с. 174], который предполагал вывоз максимального числа раненых за пределы линии фронта и их последующее лечение в тыловых медицинских учреждениях. Такой подход порождал две основные и, как вследствие выяснится, фатальные проблемы: чрезвычайную загруженность тыловой эвакуационной части, коллапс путей сообщения и транспорта, а также большой процент смертности по пути в тыл [2; 6].

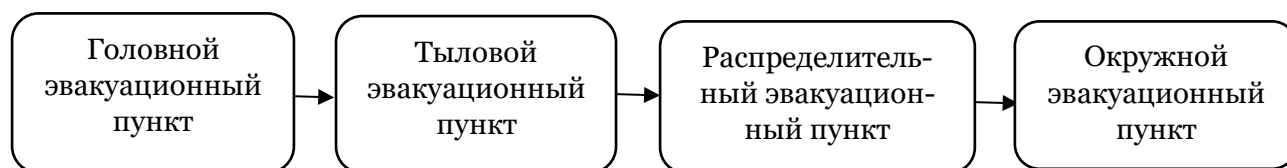
В межвоенный период на основе анализа полученного военного опыта предпринимались попытки пересмотра основ организации эвакуации. Однако существенных изменений в данном направлении деятельности армии накануне мировой войны не произошло. Все последующее планирование и расчеты военного ведомства исходили из установки на эвакуацию максимального числа раненых и больных воинов в глубокий тыл. Это было одной из ключевых проблем функционирования всей системы эвакуации империи в годы Первой мировой войны. В силу затяжного характера

войны, а также масштабов направившихся уже в первые месяцы в глубокий тыл раненых, обеспечивать эффективно и в полном объеме такого характера эвакуацию было крайне затруднительно.

В августе 1914 г. было утверждено положение об эвакуации больных и раненых солдат, которое стало главным документом, регламентирующим эвакуационные мероприятия в империи. Эвакуационная система была основана на принципе вертикали (схема 1), где каждый пункт отвечал за прием, транспортировку и размещение раненых в зависимости от удаленности от театра боевых действий. Головной эвакуационный пункт, состоящий из подвижных полевых госпиталей, должен был принимать и размещать раненых и больных до их отправки в тыловые районы страны, если такая была необходима. Тыловой пункт учреждался в определенном районе, который связывался с конкретным направлением эвакуации раненых в значительном удалении от передовых позиций. Распределительный пункт открывался во внутренних тыловых районах для приема раненых и больных из тылового пункта и их дальнейшей эвакуации. Замыкающими были окружные эвакуационные пункты, открываемые в каждом военном округе, как правило, при узловых железнодорожных станциях. В Тульской губернии в августе 1914 г. был сформирован Тульский окружной эвакуационный пункт Московского военного округа, для которого распределительным пунктом являлся Орел.

Схема 1

Схема эвакуации раненых с театра боевых действий в годы Первой мировой войны

(Сост. по: Назин И. С. Санитарная служба русской армии в войне 1914 – 1917 гг. Сборник документов / Центр. воен.-ист. архив СССР и Гл. воен.-сан. упр. Кр. Армии. Куйбышев : Куйб. воен.-мед. акад. Кр. Армии, 1942. С. 3–5)

Однако стройная, на первый взгляд, схема эвакуации уже в первые дни войны стала давать серьезные сбои. По факту, эвакуационный пункт представляли собой чисто канцелярское учреждение, призванное вести регистрацию и учет прибывших и убывших раненых. Он не мог подавать необходимые размеры перевязочной и хирургической помощи в силу отсутствия необходимых ресурсов. Хирург В. А. Оппель, основываясь на своем опыте работы в годы войны, справедливо отмечал, что «... эвакуационные пункты... только эвакуируют... здесь, нет места лечению ...» [21, с.354]. Уже на рубеже августа – сентября поступала информация из разных районов страны о том, что на некоторых станциях эшелоны с ранеными скапливаются в огромных количествах (до 5 тыс. человек в каждом) и находятся в простое по два – три дня без должной медицинской помощи. В сентябре 1914 г. в предписании генштаба констатировалось, что «... перевозка раненых с головных пунктов производится без системы и плана. Раненые перевозятся не только в санитарных поездах... но и в возвращающихся порожних составах... не очищенных иногда от конского навоза, без соломы, фонарей... поезда следуют не по расписанию, без предварительного уведомления... отсутствует должная сортировка раненых...» [22, с. 214].

Раненые и больные воины поступали в Тульскую губернию из Московского и Орловского распределительных пунктов по линиям Московско-Курской и Сызранско-Вяземской железных дорог. За Орловским распределителем, отправляющим значительную часть раненых и больных в Тулу, было закреплено 4 военно-санитарных поезда № 39, 42, 44 и 71 [26, с.233]. Санитарные поезда прибывали в Тулу в основном после 12 часов ночи. Согласно установленным требованиям, разгружать раненых следовало в течение 4 часов, для того чтобы быстрее доставлять их в медучреждения и освобождать поезда для обратной отправки. Однако пакгауз эвакуационного пункта в Туле был крайне тесен и принять, а также разместить всех за короткое время не представлялось возможным. В телеграмме на имя Верховного начальника санитарной и эвакуационной части в империи А. П. Ольденбургского от 27 октября 1914 г., тульский губернатор А. Н. Тройницкий писал, что развозить раненых ночью по госпиталям невозможно в силу нехватки транспортировочных средств, а разносить на носилках нельзя по причине плохой освещенности [17, л. 7]. Губернатор ходатайствовал разрешить оставлять поезда на запасных путях и выгружать раненых с наступлением утра. Такое положение негативно сказывалось на раненых, которые не получали помощи в срок, а также препятствовало своевременному движению поездов, которые были вынуждены задерживаться в среднем на сутки. Эти обстоятельства отражают критичность складывающейся в первые месяцы войны ситуации с движением раненых в губернии, что во многом было обусловлено недостатками действующей эвакуационной системы.

В этой связи первоочередной задачей всей эвакуационной системы империи в начале войны было разворачивание необходимого числа койко-мест для эвакуируемых раненых в тыловых районах империи, для их оперативного размещения и последующего стационарного лечения. Раненные во внутренние районы эвакуации поступали с фронта мировой войны уже на рубеже августа – сентября 1914 г. по мере разворачивания и хода Восточно-Прусской и Галицийской операций, ставшими самыми масштабными наступательными операциями русской армии в начальный период войны. Уже в сентябре их общее число равнялось 204 000 человек ежемесячно [24, с. 179], в то время как довоенное планирование исходило из 14 – 48 тыс. раненых в месяц [25, с. 175]. К декабрю 1914 г. во внутренние районы империи было эвакуировано 501 879 человек [27, с. 185], что значительно превосходило предвоенные прогнозы. По мере разворачивания событий на фронтах поток раненых, направляемый в эвакуацию, постоянно возрастал. Это обстоятельство создавало принципиально новые условия осуществления эвакуации при неизменности ее общих основ, направленных на вывоз всего объема выбывающих из строя солдат в глубокий тыл. В связи с этим на тыловые губернии был направлен основной поток эвакуируемых с фронта воинов, которых требовалось в полном объеме принять, наращивая объемы разворачивания койко-мест.

В каждом эвакуационном пункте как в распределительном, так и в окружном, открывались и функционировали в первую очередь медучреждения военного ведомства, которые должны были по всем предвоенным планам принять на себя основной поток эвакуируемых раненых воинов. К таковым относились военные лазареты и сводные эвакуационные госпитали. В городах, где действовали окружные пункты, госпиталей было, как правило, немного (в Костроме – 3, во Владимире – 2, в Калуге – 4, в Тамбове – 4) по сравнению с городами с распределительными пунктами (в Москве – 20, в Орле – 10). Это было связано с тем, что в последние поступал значительный поток раненых, часть которого размещалась на месте, а часть распределялась между окружными пунктами. В Туле к августу 1914 г. было открыто два сводных госпиталя на 420 мест каждый [13, л. 81]. В сентябре приказом № 37 по Тульскому окружному эвакуационному пункту было сформировано еще два сводных госпиталя на 210 и 420

мест [11, л. 7]. Всего в Туле по военному ведомству к 1915 г. было развернуто 1818 кроватей [14, л. 467] в четырех сводных госпиталях и тульском военном лазарете. В основном принимались раненые с повреждениями конечностей различной степени тяжести, органов дыхания и пищеварения.

Однако масштабы потока раненых и больных в первые месяцы войны поставили военное ведомство и вверенные ему медицинские учреждения в империи в чрезвычайное трудное положение. Уже к концу августа 1914 г. стало очевидным, что усилиями одних военных медицинских учреждений удовлетворить потребность в размещении и последующем лечении раненых воинов в тыловых губерниях страны не удастся. В связи с этим потребовалось привлечение сил общественности, в первую очередь, местных органов самоуправления. Флагманом в объединении земских и городских усилий было Московское земство, которое на экстренном собрании 25 июля 1914 г. выступило с инициативой учредить общеземскую организацию для развертывания помощи больным и раненым русским воинам.

Одной из главных задач, образованных в августе 1914 г., Всероссийского земского и городского союзов (далее ВЗС и ВСГ соответственно) и их местных губернских комитетов, было «... приискание свободных помещений для размещения легко раненых... забота об устройстве этих помещений, снабжение раненых одеждой и т.п. ...» [18, с. 33]. Устраиваемые союзами госпитали делились на три разряда: первого, предназначенные для тяжелораненых, второго, для легкораненых и третьего, где размещались воины с легкими ранениями конечностей, не требующих постоянной врачебной помощи. Союзы в вопросах приема и размещения раненых строго следовали заданиям генерального штаба армии. Военное ведомство к сентябрю 1914 г. определило общее число койко-мест для больных и раненых воинов, требуемых к открытию во внутренних районах империи в 280 000, из которых 155 400 коек должны были быть открыты силами ВЗС и ВСГ [8, с. 11]. К 1 сентября 1914 г. в ВЗС числилось 59 688 кроватей, к 1 октября 1914 – 118 954 кроватей, к 1 ноября – 148 818 кроватей [8, с. 11].

На местах деятельность по открытию госпиталей и лазаретов имела некоторую специфику. В самом начале войны Тульская губерния сообщала в центр о своей готовности принять для лечения в лечебных заведениях губернского земства следующее количество раненых и больных воинов: 12 чел. – с глазными ранениями, 30 чел. – с травматическими психозами, 25 чел. – с психическими заболеваниями, 358 чел. – требующих общей и хирургической помощи [13, л. 7]. Уезды были готовы принять: Алексинский – не более 20 чел., Богородицкий – до 80 чел., Белевский – до 80 чел., Епифанский – до 40 чел., Крапивенский – до 150 чел., Новосильский – до 100 чел., Ефремовский – до 25 чел., Каширский – до 110 чел. [13, л. 8–10, 22, 25, 33]. Эти цифры были определены управами исходя из материальных возможностей уездов, а также с учетом нанесения минимального ущерба текущим больным в земских больницах и лечебницах. Епифанская управа в ответ на запрос о возможности размещения раненых и больных вовсе ответила отказом, сославшись на то, что на развертывание и содержание дополнительных коек не имеется городских средств и уезд готов принимать раненых только на пожертвования частных лиц [13, л. 19]. Таким образом, изначально в губернии планировали исходить, в первую очередь, из своих реальных материальных, а также рациональных организационных возможностей. Однако дальнейшее развитие ситуации потребовало кардинально пересмотреть эти планы.

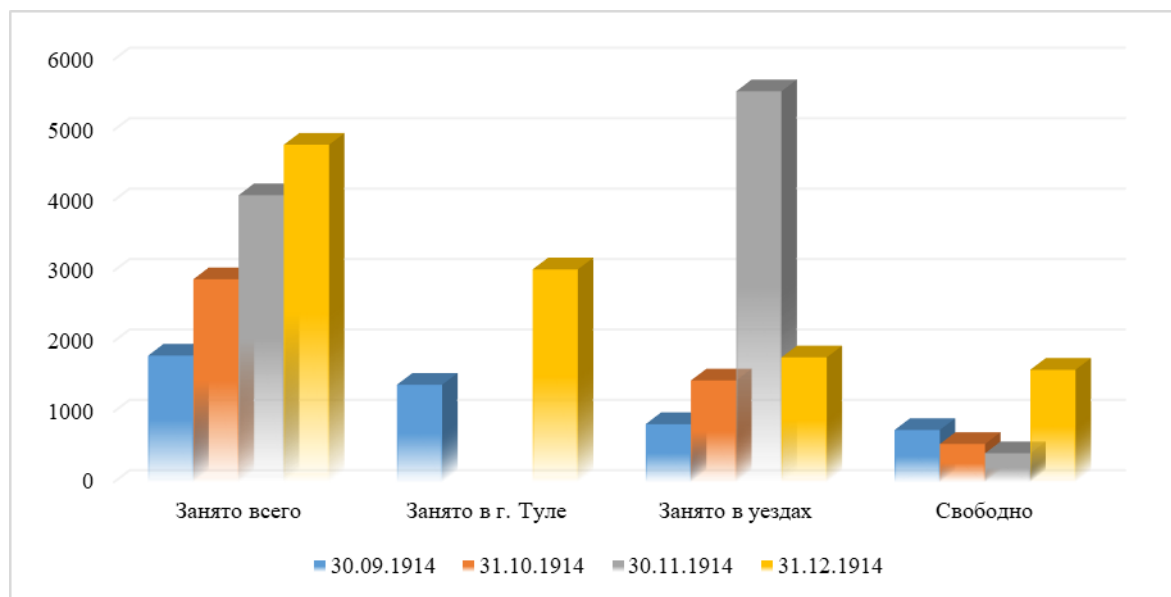
В начале сентября 1914 г. в телеграмме начальника генштаба М. А. Беляева сообщалось, что эвакуация раненых из районов боевых действий приняла усиленный характер [13, л. 108]. Тыловые районы страны стали испытывать существенные затруднения в приеме и распределении эвакуируемых воинов. Однако генштаб постановил невозможным остановить эвакуацию и призвал принимать раненых и больных в полном объеме. В связи с этим на первом этапе войны (1914 – начало 1915 г.) средняя

заполняемость лазаретов и госпиталей внутренней эвакуации по линии союзов составляла около 50 %, а к началу 1915 г. этот показатель возрос до 70 – 77 % [8, с. 12]. Сводные госпитали военного ведомства заполнялись в среднем до 80 – 100 % практически весь период войны, что свидетельствует о чрезвычайной загрузке внутренних районов эвакуации.

Процесс заполнения медучреждений ранеными в сентябре – декабре 1914 г. в Тульской губернии отражен в диаграмме 1.

Диаграмма 1

**Движение эвакуируемых раненых в Тульской губернии
в сентябре – декабре 1914 г.**

(Сост. по: ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 39638. Л. 1, 5, 448, 453, 467)

Судя по этим данным, основной поток раненых в губернию пришелся на конец 1914 г., когда их общее число в губернии составило почти 5 тыс. человек, из которых более 3 тыс. приходилось на губернский центр [14, л. 467]. В этих условиях к сентябрю 1914 г. в Туле в силу значительного наплыва раненых практически все подготовленные лазареты и госпитали были заняты полностью [14, л. 62]. Требовалось нарастить число лазаретов и койко-мест, поэтому раненых стали размещать в госпиталях и лазаретах, разворачиваемых в складских помещениях, учебных заведениях, частных квартирах и т.п., что наглядно отражает сложность складывающейся в губернии ситуации с коечной обеспеченностью эвакуируемых солдат.

Для оперативного решения данной проблемы в сентябре 1914 г. вводилось правило, которое действовало на протяжении всего периода войны. Губернатор требовал от окружного эвакуационного пункта сообщать ему сведения о числе раненых, а также занятых и свободных кроватях для них, ежедневно не позднее десяти часов утра. В свою очередь, он также ежедневно направлял эти данные в управление Верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Это было необходимо для координации деятельности на различных этапах эвакуации. Однако часто информация задерживалась на несколько дней или поступала уже в не соответствующем действительности виде. В архивных делах ГУ ГАТО встречаются в большом количестве телеграммы в уездные управы с запросами относительно числа имеющихся койко-мест и не всегда ответы на них подавались в срок, а иногда вовсе отсутствовали. Это свидетельствует о

том, что информационная вертикаль, как один из ключевых элементов организации эвакуации, на самом трудном начальном этапе войны функционировала в губернии с переборами, что сказывалось на адекватной оценке возможностей тылов в вопросе приема и размещения раненых.

Таким образом, уже первые месяцы войны продемонстрировали, что в работе эвакуационной системы империи сложилось такое положение, при котором эвакуация раненых в тыл по масштабам и темпам значительно превосходила реальные возможности отдельных тыловых губерний к их принятию и размещению. В связи с этим в разных частях страны, задействованных в осуществлении эвакуации, наблюдалась во многом типичная ситуация: «...Первые раненые прибыли в Калугу 20 августа 1914 г., в количестве свыше 2,5 тыс. человек непосредственно из действующей армии... Имевшиеся лечебные учреждения были не в состоянии одновременно принять такое количество пациентов...» [3, с. 132]. Даже Московская губерния, несмотря на все свои возможности, испытывала схожие с остальными тыловыми губерниями проблемы: «... в сентябре 1914 г. в Москве находилось свыше 35 тысяч раненых, мест в больницах не хватало, и многие из них вынуждены были побираться на улицах...» [4, с. 82].

К декабрю 1914 г. из всех подготовленных в Тульской губернии 6383 кроватей занято было 4789, т.е. 75 % всего имеющегося в губернии коечного фонда, где большая доля приходилась именно на губернский центр. Уезды были готовы и станут принимать раненых только ближе к концу 1914 г., поскольку там медленнее разворачивались и заполнялись койко-места. Кроме того, их число было гораздо меньше, чем в Туле, где уже к рубежу 1914 – 1915 года из 41 городского лазарета 15 были заняты полностью, а еще в 11 оставалось от 1 – 5 свободных коек [15, л. 5–8]. Такое положение дел было вызвано тем, что в губернском центре было больше возможностей ускоренного принятия и размещения раненых, поступавших практически нескончаемым потоком, по нескольким ключевым причинам. Во-первых, в крупных городах, коими являлись губернские и уездные центры, имелось большое число подходящих для быстрого открытия госпиталей и лазаретов помещений и зданий. Во-вторых, здесь было значительное число медицинского персонала, часть которого можно было привлечь для работы в данных учреждениях. В-третьих, доставку раненых в больших количествах в уездные медучреждения осложняла нехватка транспорта, а также неразвитость дорожной сети. В-четвертых, в условиях уездных медучреждений зачастую было невозможно выполнять сложные хирургические и иные вмешательства, которые могли потребоваться определенной доли раненых. Соответственно, их необходимо было размещать в условиях тех городских госпиталей и лазаретов, которые могли обеспечить такой вид помощи и только через некоторое время отправлять в уезды на так называемое долечивание.

К концу 1914 г. в губернии ситуация с количеством и подчиненностью госпиталей и лазаретов, предназначенных для принятия эвакуируемых раненых, выглядела следующим образом.

Так, основу всех медучреждений губернии, предназначавшихся для раненых, составляли те, которые были изначально открыты на средства ВЗС или использовали его помощь, как финансовую, так и материально-хозяйственную и, впоследствии, присоединились к нему. Это было связано с тем, что лазареты и госпитали открывались и функционировали на базе земских больниц или в помещениях, предоставляемых земствами. Если в 1914 г. еще были отдельные уездные земства, которые имели ресурсы для того, чтобы самостоятельно открывать и содержать медучреждения для раненых, то уже в 1915 г. все они, так или иначе, присоединились в ВЗС, поскольку самостоятельно осуществлять такого масштаба деятельность они зачастую были уже не в состоянии. Союз городов имел менее развитую сеть медучреждений в силу того, что до 90 % из них концентрировались в уездных городах и губернском центре. К

1915 г. в Тульской губернии было развернуто в общей сложности 7327 койко-мест в 138 учреждениях, из которых 4 военного ведомства, 18 РОКК, 83 ВЗС и 33 ВГС [16, л.82].

В губерниях центральной России, соседних с Тульской, задействованных в эвакуационных мероприятиях, ситуация с ведомственной принадлежностью лазаретов и госпиталей к началу 1915 г. была в целом схожей и останется таковой на всем протяжении войны.

Таблица 1

**Кочный фонд Тульской губернии для размещения
эвакуируемых раненых воинов к концу 1914 г.**

Место нахождения	Всероссийский земский союз (или с его помощью)		Уездное земство		Всероссийский союз городов (или с его помощью)		Красный Крест		Частных учреждений или лиц	
	Число учреждений	Койко-мест (штук)	Число учреждений	Койко-мест (штук)	Число учреждений	Койко-мест (штук)	Число учреждений	Койко-мест (штук)	Число учреждений	Койко-мест (штук)
Алексинский уезд	6	115	2	29	2	42	2	21	3	22
Богородицкий уезд	8	279	-	-	-	-	1	10	2	30
Белевский уезд	4	145	2	62	-	-	1	12	2	20
Веневский уезд	5	222	-	-	2	175	-	-	-	-
Елифанский уезд	1	25	6	64	1	10	-	-	6	54
Ефремовский уезд	3	115	-	-	-	-	2	40	-	-
Каширский уезд	15	353	-	-	-	-	-	-	-	-
Крапивенский уезд	-	-	3	85	1	10	1	10	6	64
Новосильский уезд	3	105	-	-	-	-	-	-	4	54
Одоевский уезд	2	54	-	-	-	-	2	35	3	27
Тульский уезд	3	215	-	-	1	120	-	-	6	89
Чернский уезд	1	50	-	-	-	-	1	20	1	5
Всего по губернии	51	1 678	13	240	7	357	10	148	33	363

(Сост. по: ГУГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 39636. Л. 12–42)

Наибольшее число коек было подготовлено и функционировало на базе ВЗС, поскольку он стал главным руководящим органом для всех земских губерний в вопросе организации необходимого объема кочного фонда, сосредоточив значительные финансовые и управленческие ресурсы. Земства располагали очевидными возможностями для приема раненых на базе земских медицинских учреждений, что

ставило ВЗС в более выгодное по сравнению с тем же ВСГ положение. Поэтому земский союз развернет одну из самых масштабных сетей медицинских учреждений за годы войны, доведя количество лазаретов и госпиталей к концу 1916 г. до 4 тыс. с 194 786 тыс. койко-местами в них [19, с. 29]. На втором месте по объемам коечного фонда шли военные госпитали и лазареты, развертываемые по общему плану эвакуации. В целом, военные медицинские учреждения и, в первую очередь, сводные госпитали имели ряд преимуществ, таких как существенная материальная и кадровая основа, что зачастую выгодно отличало их по сравнению с остальными.

Таблица 2

Распределение койко-мест в ряде центральных губерний Российской империи в зависимости от их ведомственной принадлежности на рубеже 1914 – 1915 гг.

Губерния	Военное ведомство		Всероссийский земский союз		Всероссийский союз городов		Российское общество Красного Креста		Частные	
	Число учреждений	Койко-мест (штук)	Число учреждений	Койко-мест (штук)	Число учреждений	Койко-мест (штук)	Число учреждений	Койко-мест (штук)	Число учреждений	Койко-мест (штук)
Калужская губерния	4	1680	28	1584	18	876	2	35	37	605
Орловская губерния	9	3600	67	7915	7	339	9	216	21	374
Рязанская губерния	5	2100	54	2573	14	855	6	208	32	434
Тамбовская губерния	4	1680	54	2289	10	900	6	379	90	782
Тульская губерния	4	1680	83	3426	33	1097	18	565	3	38

(Сост. по: ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 763. Л. 82; Список лечебных заведений внутреннего района империи, находящихся в ведении главноуполномоченного Российского общества Красного Креста и других учреждений и ведомств: к 1-му января 1915 года. Пг.: Гос. тип., 1915. 364 с.)

Иные медучреждения военного времени, а именно лазареты Всероссийского союза городов, Российского Общества Красного Креста и частных лиц, выполняли скорее вспомогательную по отношению к первым двум, составлявшим основу всей системы эвакуации, роль. Широкие слои общества в годы войны стремились оказать любую посильную помощь в вопросе приема и последующего размещения раненых, которая могла быть самой разнообразной: от предоставления собственных квартир для приема 1 – 2 раненых воинов, до учреждения полномасштабных лазаретов и госпиталей.

Следующий 1915 г. войны стал переломным в движении раненых в тыловые районы страны. Связано это было в первую очередь с общим ходом военных действий: невозможность проведения крупномасштабных операций и дальнейшее отступление русской армии. Показательным в этом стал тот факт, что в июне 1915 г. в докладе собрания уполномоченных губернских земств констатировалось, что развертывание

коек во внутренних районах эвакуации закончилось [7, с. 37]. Это косвенно свидетельствует о сокращении потока раненых и достижении достаточного количества койко-мест для приема поступающих. За весь период 1914 – 1915 гг. общее число раненых, доставленных в тыл, составило 1 210 493 чел. причем среднемесячное движение раненых в 1914 г. было выше, чем в 1915 – 73674 и 70177 чел. соответственно [23, с. 25]. В Тульской губернии в 1915 г. поток эвакуируемых раненых с фронта также стабилизировался, что отражается в колебании их численности в пределах 5000 тыс. и последующем снижении к 1916 г. [15, л. 5–6; л. 12–17].

Всего к концу 1915 г. на Тульский окружной эвакуационный пункт поступило 33 632 раненых [11, л. 149], из которых 538 офицеров и 33 094 нижних чинов, что составило максимальное значение за весь период войны. В 1916 – 1917 гг. движение раненых значительно сократилось, что было обусловлено общим ходом военных действий. К весне 1916 г. из всех койко-мест в губернии, заготовленных для нужд эвакуации, в количестве 6337, занято было 2777 и свободно 3560 кроватей [10, л. 17]. Впервые за весь военный период число свободных коек стало больше занятых. К лету 1916 г. эта тенденция окончательно закрепилась: из 6257 кроватей в губернии занято было 1897, а свободно 4360. Таким образом, сокращение притока поступающих в губернию раненых свидетельствовало о существенном замедлении течения процесса эвакуации и его последующей остановке.

Заключение

Таким образом, организация и осуществление эвакуации раненых воинов в годы Первой мировой войны в Тульской губернии отражает ряд характерных для тыловых губерний страны особенностей. Несоответствие довоенного планирования и реальности военного времени сказались на функционировании ключевых элементов обеспечения армии, в том числе в вопросах эвакуации раненых. Основанная на принципе «вывозе всех» эвакуационная система страны уже к осени 1914 г. привела к переполнению тыловых районов центральной России эвакуируемыми с фронта ранеными солдатами.

В связи с этим в тыловых губерниях страны, которые приняли на себя основную нагрузку по приему раненых, к сентябрю 1914 г. сложилась критическая ситуация со стационарным размещением эвакуируемых солдат на конкретных койко-местах. Укрепившийся принцип, при котором в основе деятельности тыловых губерний в вопросе эвакуации лежал не реальный потенциал, а задача приема всех направляемых в тыл раненых, был характерным для всего начального этапа войны. Имеющихся возможностей отдельных губерний было очевидно недостаточно для организации подобного рода работы. Только совместными усилиями государства и общества в лице земского и городского союзов были выполнены основные задачи по размещению и дальнейшему лечению эвакуируемых в тыл раненых. Тульская губерния за годы войны подготовила более 7500 коек для приема раненых и больных воинов, что в целом было средним показателем по тыловым губерниям со статусом окружных эвакуационных пунктов.

Основным типом медучреждений в провинции, предназначенных для размещения эвакуируемых с фронта раненых солдат, в годы войны были госпитали или лазареты на базе земского союза и военного ведомства, которые составляли основу всего коечного фонда в тылу и по масштабам развернутой сети и по максимальной заполняемости. На первом этапе войны (август – декабрь 1914 г.) в Тульской губернии территориально эти учреждения сосредотачивались преимущественно в крупных городах и в первую очередь в Туле. Связано это было с тем, что губернский и уездные центры располагали ресурсным преимуществом для оперативного развертывания койко-мест. Такое положение приводило к быстрому переполнению имеющихся в городах медучреждений эвакуируемыми с фронта ранеными. Только к началу 1915 г.

они начнут массово направляться в уезды по мере подготовки там необходимого количества койко-мест.

В самый напряженный начальный этап войны в целом для страны, и Тульской губернии, в частности, было характерно такое положение, при котором количество направляемых в тыл раненых значительно превосходило возможности губернии по их принятию и стационарному размещению. Только к середине 1915 г. коечный фонд в тылу сначала достигнет равенства, а затем станет превалировать над объемом эвакуируемых с фронта солдат. Однако к этому времени война перейдет в качественно новое состояние, связанное с отсутствием полномасштабных наступательных операций и замиранием фронта, при котором актуальность и значение эвакуационных мероприятий будут уже значительно меньшими.

Список источников и литературы

1. Алферова И. В., Турлакова Е. С. Организация приема раненых и больных в годы Первой мировой войны во внутренних районах Российской империи (на примере уездов Орловской губернии) // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций : сб. науч. ст. Вып. 1. Брянск: Курсив, 2016. С. 110–118.
2. Аранович А. В. Система устройства военно-врачебных заведений и обеспечение их интендантским довольствием в годы Первой мировой войны // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Великая и забытая»: к 94-й годовщине окончания Первой мировой войны, 10-11 ноября 2012 г. Калининград ; Гусев, 2013. С. 73–81.
3. Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция, 1914 – февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011. 283 с.
4. Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914 – 1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. 714 с.
5. Буравцов В. И., Меараго Ш. Л. К 100-летию Первой мировой войны. Медицинская служба Русской армии в годы Первой мировой войны (сообщение второе – год 1914) // Скорая медицинская помощь. 2014. Т. 15, № 2. С. 31–38.
6. Война с Японией 1904 – 1905 гг. : санитар.-стат. очерк. Пг.: Гл. воен.-сан. упр., 1914. 303 с.
7. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. Собрание уполномоченных губернских земств в Москве, 5 июня 1915 г. : журнал заседания. М.: тип. т-ва Рябушинских, 1915. 39 с.
8. Всероссийский земский союз. Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза, январь 1916 г. М.: тип. т-ва Рябушинских, 1916. 52 с.
9. Гладких П. Ф. Военная медицина императорской России в Первой мировой войне в 1914-1917 годы // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 2. С. 5–24.
10. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Ф. 744. Оп. 2. Д. 375.
11. ГУ ГАТО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 2а.
12. ГУ ГАТО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 41.
13. ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 39637.
14. ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 39638.
15. ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 39823.
16. ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 763.
17. ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 5. Д. 151.
18. Казимиров Н. Я. Земство и Всероссийский земский союз. М.: т-во И. Н. Кушнерев и К, 1917. 39 с.
19. Кузьмин В. Ю. Участие Всероссийского земского союза в деле оказания медицинской помощи воинам в период Первой мировой войны (1914 – 1916 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24, № 2. С. 26–32.
20. Санитарная служба русской армии в войне 1914 – 1917 гг. : сб. док. / Центр. воен.-ист. архив СССР и Гл. воен.-сан. упр. Кр. Армии ; сост. И. С. Назин, Е. Д. Ефимова, З. М. Новикова. Куйбышев: Куйбышевск. воен.-мед. акад. Кр. Армии, 1942. 464 с.

21. *Опель В. А.* Очерки хирургии войны. Л.: Медгиз, Ленингр. отд-ние, 1940. 400 с.
22. *Предписание и.д. начальника генерального штаба главным начальникам снабжения армии северо-западного и юго-западного фронтов от 5 (18) сентября 1914 г.* // Санитарная служба русской армии в войне 1914 – 1917 гг. : сб. док. Куйбышев, 1942. С. 214–215.
23. *Россия в мировой войне 1914 – 1918 года (в цифрах)* / Центр. стат. упр. отд. воен. стат. М.: Тип. МКХ им. Ф. Я. Лаврова, 1925. 103 с.
24. *Сведения о размерах и потребности эвакуации раненых и больных воинов и необходимые для военного ведомства виды помощи всероссийского земского и городского союзов (сентябрь 1914 г.)* // Санитарная служба русской армии в войне 1914 – 1917 гг. : сб. док. Куйбышев, 1942. С. 179–182.
25. *Сведения отдела военных сообщений ГУГШ о приблизительных размерах эвакуации из районов армий в распределительные пункты от 8 (21) ноября 1910 г.* // Там же. С. 175.
26. *Сведения отдела военных сообщений ГУГШ о распределении санитарных поездов между эвакуационными пунктами и направлении эвакуации. 1915 г.* // Там же. С. 233–235.
27. *Справка управления дежурного генерала при верховном главнокомандующем о количестве эвакуированных внутрь империи от 19 января 1915 года* // Там же. С. 185–186.
28. *Сыроегина Ю. В.* Организация и устройство лазаретов и госпиталей на территории Рязанской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2018. № 3. С. 45–53.
29. *Шапошников Г. Н., Айрапетова И. В., Лямзин А. В.* Эвакуация раненых и больных воинов русской армии в годы первой мировой войны // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2014. № 2 (48). С. 173–176.
30. *Щербинин П. П.* Тамбовское земство и оказание помощи больным и раненым воинам (1914-1917 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 11 (127). С. 278–287.

References

1. Alferova, IV 2016, 'Organizatsiya priyema ranenyykh i bolnykh v gody Pervoy mirovoy voyny vo vnutrennikh rayonakh Rossiyskoy imperii (na primere uyezdov Orlovskoy gubernii)' (Organization of the reception of the wounded and sick during the First World War in the interior of the Russian Empire (on the example of the counties of the Oryol province)), *Rossiya v epokhu politicheskikh i kulturnykh transformatsiy. Sbornik nauchnykh statey (Russia in the era of political and cultural transformations. Collection of scientific articles)*, vol. 1, "Kursiv" publ, Bryansk, pp. 110–118. (In Russ.)
2. Aranovich, AV 2013, 'Sistema ustroystva voyenno-vrachebnykh zavedeniy i obespecheniye ikh intendantskim dovolstviyem v gody Pervoy mirovoy voyny' (The system of organizing military medical institutions and providing them with quartermaster allowance during the First World War), *Velikaya i zabytaya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Great and forgotten: materials of the international scientific and practical conference)*, Kaliningrad-Gusev, pp. 73–81. (In Russ.)
3. Belova, IB 2011, *Pervaya mirovaya voyna i rossiyskaya provintsiya. 1914 – fevral 1917 g.* (The First World War and the Russian province. 1914 – February 1917), AIRO – XXI publ, Moscow. (In Russ.)
4. Buldakov, VP 2015, *Voyna, porodiushaya revolyutsiyu (The War that fostered revolution)*, Novyy khronograf publ, Moscow. (In Russ.)
5. Buravtsov, VI 2014, 'K 100-letiyu Pervoy mirovoy voyny. Meditsinskaya sluzhba Russkoy armii v gody Pervoy mirovoy voyny (soobshcheniye vtoroye – god 1914)' (To the 100th anniversary of the First World War. Medical service of the Russian army during the First World War (second message –1914)), *Emergency Medical Care*, vol. 15, no. 2, pp. 31–38. (In Russ.)

6. *Voyna s Yaponiyey 1904 – 1905 gg. Sanitarno-statisticheskoy. Ocherk* (War with Japan 1904 – 1905: Sanitary-statistical. Feature article) 1914, Gl. voyen.-san. upr. publ, Petrograd. (In Russ.)
7. *Vserossiyskiy zemskiy soyuz pomoshchi bolnym i ranenym voynam. Sobraniye upolnomochennykh gubernskikh zemstv v Moskve 5 iyunya 1915 g: zhurnaly zasedaniy* (All-Russian Zemstvo Union for Assistance to Sick and Wounded Soldiers. Meeting of authorized provincial zemstvos in Moscow on June 5, 1915: meeting journals) 1915, tip. t – va Ryabushinskikh publ, Moscow. (In Russ.)
8. *Vserossiyskiy zemskiy soyuz. Kratkiy ocherk deyatel'nosti Vserossiyskogo zemskogo soyuza. Yanvar 1916 g.* (All-Russian Zemstvo Union. A brief outline of the activities of the All-Russian Zemstvo Union. January 1916) 1916, tip. t – va Ryabushinskikh publ, Moscow. (In Russ.)
9. Gladkikh, PF 2017, 'Voyennaya meditsina imperatorskoy Rossii v Pervoy mirovoy voyne v 1914 – 1917 gody' (Military medicine of imperial Russia in the First World War in 1914 – 1917), *Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*, no. 2, pp. 5–24. (In Russ.)
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO)* (State Archive of Tula Oblast), fund 744, inventory 2, file 375. (In Russ.)
11. GATO, fund 820, inventory 1, file 2a. (In Russ.)
12. GATO, fund 820, inventory 1, file 41. (In Russ.)
13. GATO, fund 90, inventory 1, vol. 46, file 39637. (In Russ.)
14. GATO, fund 90, inventory 1, vol. 46, file 39638. (In Russ.)
15. GATO, fund 90, inventory 1, vol. 46, file 39823. (In Russ.)
16. GATO, fund 90, inventory 6, file 763. (In Russ.)
17. GATO, fund 90, inventory 5, file 151. (In Russ.)
18. Kazimirov, NYa 1917, *Zemstvo i Vserossiyskiy zemskiy soyuz* (Zemstvo and the All-Russian Zemstvo Union), t – vo I.N. Kushnerev i K publ, Moscow. (In Russ.)
19. Kuzmin, VYu 2018, 'Uchastiye Vserossiyskogo zemskogo soyuza v dele okazaniya meditsinskoy pomoshchi voynam v period Pervoy mirovoy voyny (1914 – 1916 gg.)' (Participation of the All-Russian Zemstvo Union in the provision of medical care to soldiers during the First World War (1914 – 1916)), *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, no.2, pp. 26–32. (In Russ.)
20. Nazin, IS 1942, 'Sanitarnaya sluzhba russkoy armii v voyne 1914 – 1917 gg. Sbornik dokumentov' (Sanitary service of the Russian army in the war of 1914 – 1917. Collection of documents). *Tsentr. voyen.-ist. arkhiv SSSR i Gl. voyen.-san. upr. Kr. Armii*, Kuyb. voyen.-med. akad. Kr. Armii publ, Kuybyshev. (In Russ.)
21. Opiel, VA 1940, *Ocherki khirurgii voyny* (Essays on war surgery), Narkomzdrav SSSR publ, Leningrad. (In Russ.)
22. 'Predpisanie i.d. nachal'nika general'nogo shtaba glavnym nachal'nikam snabzheniya armii severo-zapadnogo i yugo-zapadnogo frontov ot 5(18) sentyabrya 1914 g.' (Order i. d. chief of the general staff to the chief supply chiefs of the army of the northwestern and southwestern fronts from September 5 (18) 1914) 1942, *Sanitarnaya sluzhba russkoy armii v voyne 1914 – 1917 gg. Sbornik dokumentov* (Sanitary service of the Russian army in the war of 1914 – 1917. Collection of documents), Kuyb. voyen.-med. akad. Kr. Armii publ, Kuybyshev, pp. 214–215. (In Russ.)
23. *Rossiya v mirovoy voyne 1914 – 1918 goda v tsifrah* (Russia in the world war of 1914 – 1918 in figures) 1925, Tsentr. stat. upr. Otd. voyen. Statistiki publ, Moscow. (In Russ.)
24. 'Svedeniya o razmerakh i potrebnosti evakuatsii ranenyykh i bolnykh voynov i neobkhodimyey dlya voyennogo vedomstva vidy pomoshchi vserossiyskogo zemskogo i gorodskogo soyuzov (sentyabr 1914 g.)' (Information on the size and need for the evacuation of wounded and sick soldiers and the types of assistance necessary for the military department of the All-Russian Zemstvo and City Unions (September 1914)) 1942, *Sanitarnaya sluzhba russkoy armii v voyne 1914 – 1917 gg. Sbornik dokumentov* (Sanitary service of the Russian army in the war of 1914 – 1917. Collection of documents), Kuyb. voyen.-med. akad. Kr. Armii publ, Kuybyshev, pp. 179–182. (In Russ.)
25. Information from the department of military communications of the GUGSH on the approximate size of evacuation from army areas to distribution points dated November 8 (21), 1910 /

- / Nazin I. S. Sanitary service of the Russian army in the war of 1914 – 1917. Collection of documents / Center. military-ist. archive of the USSR and Ch. military-san. ex. Cr. Army. Kuibyshev: Kuib. military-med. acad. Cr. Army, 1942. P. 175.
26. ‘Svedeniya otdela voyennykh soobshcheniy GUGSH o priblizitelnykh razmerakh evakuatsii iz rayonov armiy v raspredelitelnyye punkty ot 8 (21) noyabrya 1910 g’ (Information from the military communications department of the General Staff Headquarters on the approximate size of evacuations from army areas to distribution points dated 8 (21) November 1910) 1942, *Sanitarnaya sluzhba russkoy armii v voyne 1914 – 1917 gg. Sbornik dokumentov* (Sanitary service of the Russian army in the war of 1914 – 1917. Collection of documents), Kuyb. voyen.-med. akad. Kr. Armii publ, Kuybyshev, pp. 233–235. (In Russ.)
 27. Spravka upravleniya dezhurnogo generala pri verkhovnom glavnokomanduyushchem o kolichestve evakuirovannykh vnutri imperii ot 19 yanvarya 1915 goda (Certificate issued by the Office of the General on Duty to the Supreme Commander-in-Chief concerning the number of evacuees inside the Empire, 19 January 1915) 1942, *Sanitarnaya sluzhba russkoy armii v voyne 1914 – 1917 gg. Sbornik dokumentov* (Sanitary service of the Russian army in the war of 1914 – 1917. Collection of documents), Kuyb. voyen.-med. akad. Kr. Armii publ, Kuybyshev, pp. 185–186. (In Russ.)
 28. Syroyegina, YuV 2018, ‘Organizatsiya i ustroystvo lazaretoy i gospi-taley na territorii Ryazanskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny’ (Organization and arrangement of infirmaries and hospitals on the territory of the Ryazan province during the First World War), *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, no.3, pp. 45–53. (In Russ.)
 29. Shaposhnikov, GN 2014, ‘Evakuatsiya ranenyykh i bol’nykh voynov russkoy armii v gody pervoy mirovoy voyny’ (Evacuation of the wounded and sick soldiers of the Russian army during the First World War), *Vestnik Ural’skoy meditsinskoy akademicheskoy nauki*, no. 2 (48), pp. 173–176. (In Russ.)
 30. Shcherbinin, PP 2013, ‘Tambovskoye zemstvo i okazaniye pomoshchi bolnym i ranenym voynam (1914 – 1917 gg.)’ (Tambov Zemstvo and assistance to sick and wounded soldiers (1914 – 1917)), *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, no. 11(127), pp. 278–287. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.03.2023
Одобрена после рецензирования: 23.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 01.03.2023
Approved after reviewing: 23.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 60–71.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 1 (13). P. 60–71.

Научная статья
УДК 94(430)87
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-60-71>

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕС И НАТО: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

**Юрий Владиславович
Родович**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, yura.rodovich@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сотрудничества между Европейским союзом и НАТО. Предпосылки для налаживания отношений Североатлантического союза с «объединенной Европой» возникли в середине XX в. После подписания в феврале 1992 г. Маастрихтского договора Европейский союз стал важным партнером Североатлантического альянса. Окончательное формирование отношений между ЕС и НАТО произошло в начале 2000-х гг. Активная деятельность ЕС в сфере безопасности и обороны, а также события на Украине в 2014 г. привели к возрождению идеи европейской армии, что встретило недовольство Вашингтона. Однако проект PESCO (о постоянном структурированном сотрудничестве ряда стран ЕС по вопросам безопасности и обороны) не стал альтернативой НАТО, а лишь дополнением к существующей системе евроатлантической безопасности. Декларации 2016, 2018, 2023 гг. определили приоритеты сотрудничества между ЕС и НАТО. Декларация 2023 г. поднимала партнерские отношения на новый уровень. Основное внимание уделялось стратегическому соперничеству с Россией и Китаем.

Ключевые слова: Европейский союз, НАТО, США, Россия, Китай.

Для цитирования: Родович Ю. В. Отношения между ЕС и НАТО: исторический анализ // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 60–71. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-60-71>.

Сведения об авторе: Ю. В. Родович – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 94(430)87
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-60-71>

EU-NATO RELATIONS: A HISTORICAL ANALYSIS

Yuri V. Rodovich

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, yura.rodovich@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of cooperation between the European Union and NATO. The prerequisites for establishing relations between the Alliance and the "united Europe" arose in the middle of the 20th century. After the signing of the Maastricht Treaty in February 1992, the European Union became an important partner of the North Atlantic Alliance. The final formation of relations between the EU and NATO took place in the early 2000s. The EU's active activities in the field of security and defense, as well as the events in Ukraine in 2014, led to the revival of the idea of a European army, which met Washington's discontent. However, the PESCO project (on permanent structured cooperation of a number of EU countries on security and defense issues) has not become an alternative to NATO, but only an addition to the existing Euro-Atlantic security system. The Declarations of 2016, 2018, and 2023 defined the priorities of cooperation between the EU and NATO. The Declaration of 2023 raised partnership relations to a new level. The main focus was on strategic rivalry with Russia and China.

Keywords: The European Union, NATO, the USA, Russia, China.

For citation: Rodovich, YuV 2023, 'EU-NATO Relations: a Historical Analysis', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 60–71, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-60-71> (in Russ.)

Information about the Author: *Yuri V. Rodovich* – Professor, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

Европейский союз (ЕС) и Организация Североатлантического договора (НАТО) – две основные западные организации сотрудничества между государствами-членами. Их основная задача заключалась и заключается в обеспечении безопасности по обе стороны Атлантики, а также в содействии стабильности на европейском континенте и за его пределами. В то же время их взаимодействие призвано обеспечить сохранение гегемонии группы государств, входящих в «золотой миллиард» после ликвидации Организации Варшавского Договора и распада СССР.

Проблемы взаимоотношений между Европейским союзом и НАТО находятся в поле зрения историков и политологов.

Н. Ю. Тузовская впервые в отечественной науке провела комплексный анализ развития отношений ЕС и НАТО в период с 1991 по 2008 гг. [8]. А. Боков рассмотрел вопросы военно-политического сотрудничества двух организаций с 1954 г. по 2017 г. [2]. Взаимоотношения ЕС и НАТО в контексте евроатлантической безопасности с середины 1990-х гг. по 2010 г. нашли отражение в статье белорусской исследовательницы О. М. Бычковой [3]. Ссылаясь на работы зарубежных авторов, Н. К. Арбатова отметила три возможных сценария развития отношений между ЕС и НАТО – структурного размежевания, когда партнерам, имеющим собственные, не совпадающие интересы, будет все труднее формировать общую политическую платформу; прочного партнерства, что предполагает совпадение и взаимодополняемость стратегических целей Европы и США и наряду с прочной институциональной основой трансатлантических отношений позволит преодолеть неизбежные разногласия и расхождения по практическим вопросам; сценарий функционального партнерства, когда традиционные партнеры будут неизбежно отдаляться друг от друга, но тем не менее, им удастся определить сферы функционального или ограниченного сотрудничества [1, с. 35–36]. Анализ различных аспектов стратегического партнерства между обоими блоками на современном этапе содержится в работе обозревателя журнала «Международная жизнь» С. Филатова [9].

В статьях ученого из Германского института международной политики и безопасности Н. Хелвига [16], а также директора по внешней политике Центра европейских реформ в Лондоне Я. Бонда и старшего научного сотрудника Центра европейских реформ Л. Скацциери [12] рассматриваются задачи взаимного сотрудничества, стоящие перед обеими организациями в конце второго – начале третьего десятилетия XXI в. Три общих сценария, представляющих возможные будущие перспективы трансатлантических отношений, описаны в работе крупных итальянских специалистов в области международных отношений Р. Алькаро и Н. Точчи [23]. Вопросы, связанные с событиями на Украине в контексте подписанной Декларации 2023 г. между ЕС и НАТО затрагиваются в статье М. Колба и М. Шимански [19].

Целью настоящей статьи является исследование на основе новых документов и современных научных публикаций предпосылок формирования отношений между Европейским союзом и НАТО и проблем их сотрудничества вплоть до начала 2023 г.

Методы

Автор статьи руководствовался общенаучными методами анализа и синтеза, индукции и дедукции, принципами работы с информацией, связанной с установлением причинно-следственных связей между событиями. Из специальных методов исследования использовался историко-сравнительный метод, заключающийся в сопоставлении совместно принятых ЕС и НАТО Деклараций о сотрудничестве в различные периоды времени.

Анализ

Предпосылки складывания трансатлантических отношений следует отнести к середине 1950-х гг., когда рухнул «План Плевена» по созданию Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) и европейской армии, предложенный французским премьер-министром Р. Плевеном в 1950 г. в ответ на призыв США осуществить перевооружение военных сил Западной Европы. Национальное собрание Франции в августе 1954 г. не ратифицировало подписанный в 1952 г. Договор о создании ЕОС.

На смену ему пришли Парижские соглашения от 23 октября 1954 г. (вступили в силу 5 мая 1955 г.). Было решено изменить Брюссельский пакт от 17 марта 1948 г. и преобразовать Западный союз в Западноевропейский союз (ЗЕС), а также включить ФРГ в блок НАТО (создан в апреле 1949 г.). К этому времени уже все государства-члены союза входили в Альянс. Опираясь на Ж. Монне, Комиссара Французской комиссии по планированию, американская разведка, Белый дом, американские банки и фонды способствовали созданию 25 марта 1957 г. Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС) – основы будущего Европейского союза. А. Папайоанну, сотрудник Управления по политическим вопросам и политике безопасности Североатлантического блока, в «Вестнике НАТО» (16 июля 2019 г.) отметил, что начиная с 1954 г. Альянс стал единственной структурой, обеспечивающей сдерживание и оборону в Европе, и под его защитным зонтиком было учреждено и процветало Европейское Экономическое Сообщество [20]. 7 февраля 1992 г. был подписан Маастрихтский договор, оформивший Европейский союз со штаб-квартирой в Брюсселе.

Имея общие стратегические интересы и сталкиваясь с одинаковыми вызовами, НАТО и ЕС сотрудничают по вопросам, представляющим общий интерес, проводят политические консультации, а также оказывают поддержку своим общим партнерам.

Вследствие прекращения деятельности Организации Варшавского Договора и распада СССР в начале 1990-х годов в мире произошли кардинальные геостратегические изменения в пользу стран Запада. Западноевропейские государства взяли курс на повышение своей оборонной самостоятельности. В Петербургской декларации ЗЕС от 19 июня 1992 г., подписанной министрами иностранных дел стран-членов союза, предусматривалось проведение автономных миротворческих и гуманитарных операций. В документе отмечалось, что государства-члены ЗЕС имеют соответствующие задачи, структуры и инструменты для усиления оперативной роли ЗЕС. Были рассмотрены и определены средства, которые, в частности, включали в себя штаб планирования ЗЕС и воинские части, приписанные к ЗЕС. Государства-члены союза согласились предоставить военные подразделения всего спектра своих обычных вооруженных сил для выполнения военных задач, выполняемых под командованием ЗЕС. Отмечалось, что организация готова «участвовать вместе с ЕС в строительстве европейской архитектуры безопасности». В то же время в Декларации подчеркивалось, что Атлантический союз является непреложной основой безопасности в Европе [21].

В 1999 г. функции ЗЕС почти в полном объеме перешли к Европейскому союзу.

Отношения между Евросоюзом и Североатлантическим блоком окончательно сформировались в начале 2000-х гг. В Декларации ЕС- НАТО от 16 декабря 2002 г. о европейской политике безопасности и обороне (ЕПБО) приветствовалось стратегическое партнерство, установленное между Европейским союзом и НАТО [15].

Однако активное участие стран ЕС в программах НАТО и в Европейской политике безопасности и обороны в рамках ЕС представлялось трудноосуществимым, в первую очередь, вследствие ограниченности ресурсов, выделяемых в рамках государственных бюджетов на подобные статьи [3].

Ниццкий договор 2001 г. предусматривал создание военно-политических структур ЕС. Возник вопрос: как состыковать эти изменения с НАТО. Ответом стало

создание ряда механизмов между Европейским союзом и Североатлантическим союзом.

Соглашение «Берлин плюс» от 16 декабря 2002 г. стало основой для оказания Североатлантическим союзом поддержки в проведении операций под руководством ЕС, в которых НАТО в целом не участвует. 17 марта 2003 г. путем обмена письмами Высокого представителя ЕС Х. Соланы и тогдашнего Генерального секретаря НАТО лорда Робертсона было заключено соглашение, определявшее рамки взаимоотношений между двумя союзами. В Соглашении о безопасности между НАТО и ЕС предусматривался обмен секретной информацией, доступ к активам и возможностям НАТО по планированию операций по управлению кризисами (СМО) под руководством ЕС. Были достигнуты договоренности о включении в оборонное планирование НАТО военных потребностей и возможностей, необходимых для военных операций под руководством ЕС. Предусматривалось создание механизмов консультаций ЕС – НАТО в контексте СМО, возглавляемого ЕС, с использованием активов и возможностей НАТО [11]. При штабе стратегического командования операций объединенных вооруженных сил НАТО был сформирован отдел военного планирования и взаимодействия Европейского союза.

По схеме «Берлин плюс» были проведены две операции: в Северной Македонии в 2003 г. и в Боснии и Герцеговине в 2004 г.

Лиссабонский договор 2007 г., вступивший в силу 1 декабря 2009 г., внес институциональные изменения в сферы безопасности и обороны. Они основывались на реформе центральных органов ЕС с целью повышения их эффективности и предотвращения конкуренции с НАТО в этой области. На Лиссабонском саммите 2010 г. союзники подчеркнули свою решимость улучшить стратегическое партнерство.

Примерами успешного совместного взаимодействия структур стали многонациональные операции по урегулированию ситуации в Косове, где полицейские силы Евросоюза тесно сотрудничали с Международными силами по обеспечению безопасности в регионе (КФОР) под руководством НАТО. С 2007 г. по 2016 г. совместно с Международными силами содействия безопасности в Афганистане ЕС проводил полицейскую миссию по оказанию помощи в реформировании правоохранительных органов в стране. Механизм «Берлин плюс» был задействован и в рамках военной операции Евросоюза в Боснии и Герцеговине «Алтея», возглавлял которую заместитель верховного главнокомандующего ОВС НАТО, а группировкой войск (сил) руководил представитель страны ЕС [2].

В то же время до 2014 г. сотрудничество между двумя союзами оставалось ограниченным. Ему препятствовали противоречия между Турцией (членом НАТО) и Кипром (членом ЕС), в связи с которыми указанные страны блокировали большинство совместных инициатив. Кроме того, ведущие государства Европы Франция и ФРГ также очень сдержанно относились к сближению Евросоюза с Альянсом, пытаясь таким образом ограничить влияние США на оборонную политику в регионе [2]. Сложности были связаны также с вопросом финансирования организаций: только 6 из 26 европейских союзников по НАТО расходовали на эти цели более 2 % ВВП. Кроме того, в сфере военного кризисного реагирования Брюссель сохранил зависимость от Вашингтона в вопросах планирования, командования, контроля и системы коммуникаций. НАТО стал брать на себя в большей степени военные задачи в конфликтах «высокой интенсивности», а Евросоюз стремился реализовывать задачи более широкого спектра, включая гражданское кризисное реагирование в конфликтах «низкой интенсивности» [3].

Активная деятельность ЕС в сфере безопасности и обороны, а также события на Украине в 2014 г., когда выяснилось отсутствие у ЕС возможностей силового давления на Россию, привели в итоге к тому, что вновь возродилась идея европейской армии. С

этой идеей выступил в марте 2015 г. Глава Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер [5]. Его предложение было поддержано тогдашним министром обороны ФРГ У. фон дер Ляйен [24]. Спустя три года слова Юнкера практически слово в слово повторила канцлер ФРГ А. Меркель. По ее мнению, необходимость такой армии обусловлена тем, что за последние пять лет мир изменился, а «старые союзники ставят под вопрос наши основные ценности». Меркель, по-видимому, намекала на Д. Трампа. Президент США требовал увеличения европейскими членами НАТО военных расходов на содержание блока, что негативно воспринималось многими лидерами стран Европы. По мнению президента Франции Э. Макрона, его страна должна быть суверенной, а ее оборона – автономной. С подачи Макрона в ЕС снова начали активно обсуждать создание независимой общеевропейской армии, но по другую сторону Атлантики этот проект встретил негативную реакцию [6]. 13 ноября 2017 г. 23 государства-члена Евросоюза подписали документ о Постоянном структурированном сотрудничестве по вопросам безопасности и обороны (PESCO) [13]. 11 декабря 2017 г. главы МИД 25 государств-членов ЕС в Брюсселе одобрили расширение оборонного сотрудничества в Европе в рамках программы PESCO. Но проект PESCO не стал альтернативой НАТО, а лишь дополнением к существующей системе евроатлантической безопасности.

Эскалация напряженности в Европе вследствие событий вокруг Украины стимулировала кардинальные изменения в характере отношений между ЕС и НАТО.

Европейский союз имел основу для общей обороны, создав две структуры: Постоянное структурированное сотрудничество и Европейский фонд обороны (учрежден в 2017 г.). Сотрудничество ЕС с НАТО стало третьим «столпом» европейской обороны и отразило органическую связь между организациями [20].

В результате этих событий радикально изменился алгоритм совместной работы организаций. В ходе заседания Европейского совета в Брюсселе 28-29 июня 2016 г. лидеры стран-участниц поддержали необходимость укрепления связей с Североатлантическим союзом «в условиях беспрецедентных вызовов с Востока и Юга» [2]. Данная позиция нашла отражение в Совместной декларации ЕС – НАТО, принятой на саммите Альянса 6 – 7 июля 2016 года в Варшаве. Предусматривалось сотрудничество в семи сферах: гибридные угрозы, оперативное взаимодействие, кибербезопасность, оборона, промышленность и оборонные исследования, учения, наращивание потенциала в области обороны и безопасности [17].

Но тогда государства-члены ЕС не имели единого мнения о роли ЕС и НАТО в европейской обороне. По мнению немецкого ученого Н. Хелвига, ЕС мог бы более тесно согласовать постоянное структурированное сотрудничество (PESCO) в рамках Общей политики безопасности и обороны (GSVP) с целями НАТО [16].

На саммите НАТО 10 июля 2018 г. в Брюсселе руководство обеих организаций приняло очередную совместную Декларацию. В ней определялись приоритеты в пяти направлениях: военная мобильность, кибербезопасность, гибридные угрозы, борьба с терроризмом, женщины и безопасность. При этом обращалось внимание на автономию ЕС в рамках партнерства [18]. Следует подчеркнуть, что в этом документе, как и в Декларации 2016 г. угроза обоим союзам со стороны России только подразумевалась.

Сдерживающим фактором развития евроатлантического сотрудничества, являлось нежелание Вашингтона видеть Евросоюз равноправным партнером, а также стремление сохранить статус НАТО в качестве единственного гаранта европейской безопасности.

Следует отметить, что воинские формирования ЕС одновременно входили в состав сил универсального применения НАТО, и их использование по совместным планам имело приоритет.

В проекте резолюции Европейского парламента о сотрудничестве между ЕС и НАТО в рамках трансатлантических отношений (май 2021 г.), предложенным А. Лопес-Истурис Уайтом, представителем Комитета по иностранным делам, подводились итоги 70-летнего сотрудничества двух организаций и намечались перспективы их взаимодействия. В документе было поддержано предложение президента Комиссии и вице-президента по персоналу от декабря 2020 г. о проведении диалога по вопросам безопасности и обороны между ЕС и НАТО, ЕС и Соединенных Штатов Америки; приветствовалось четко выраженное намерение американской администрации Дж. Байдена сотрудничать с партнерами по ЕС и НАТО во всех областях. Также было подчеркнуто, что присутствие вооруженных сил США в Европе имеет решающее значение для безопасности Европы. В резолюции отмечалось, что ЕС и НАТО должны оказывать более активную поддержку странам Западных Балкан в противодействии «злонамеренному влиянию» со стороны таких стран, как Китай, Турция и Саудовская Аравия, а также радикальных групп и негосударственных субъектов из-за рубежа. Было подтверждено, что сотрудничество НАТО со странами-членами ЕС, не входящими в НАТО, является неотъемлемой частью сотрудничества между ЕС и НАТО. Было указано на серьезные проблемы политики безопасности и экономики. Подчеркивалось, что все европейские усилия по обеспечению устойчивости в качестве основы для усилий Европы в области обороны должны сопровождаться четкой коммуникационной стратегией [14]. Положения этого документа были, по-видимому, учтены при разработке новой Декларации о сотрудничестве между ЕС и НАТО.

10 января 2023 г. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг, председатель Европейской Комиссии (ЕК) У. фон дер Ляйен и глава Европейского совета Ш. Мишель подписали в Брюсселе третью по счету Декларацию о сотрудничестве между Евросоюзом и НАТО. Документ обсуждался в течение двух лет, а его подписание откладывалось из-за напряженности в отношениях между Турцией и Кипром, также противоречий между Турцией и НАТО по вопросу вступления Швеции и Финляндии в Альянс. Декларация была призвана поднять взаимоотношения обоих союзов на новую ступень. В документе после дежурных фраз о стратегическом партнерстве НАТО – ЕС, основанного на общих ценностях, решимости решать общие проблемы, указывалось на возникновение «самой серьезной угрозы евроатлантической безопасности за последние десятилетия». Новым моментом стало также указание на рост стратегического соперничества с Китаем. В Декларации подчеркивалось, что НАТО остается «основой коллективной обороны для своих союзников и имеет важное значение для евроатлантической безопасности». Отмечалась ценность более сильной и боеспособной европейской обороны, «которая вносит позитивный вклад в глобальную и трансатлантическую безопасность и дополняет и совместима с НАТО». В документе содержались призывы к максимально полному участию союзников по НАТО, которые не являются членами ЕС, в его инициативах, а также к максимально полному участию членов ЕС, которые не являются частью Североатлантического союза, в его инициативах. Таким образом, речь шла о новом этапе в формировании западного фронта против России и Китая.

Ссылки на автономию принятия решений «соответствующими организациями» и без ущерба для специфического характера политики безопасности и обороны любого из членов союзов не могут заслонить тот факт, что ЕС во все большей степени подчиняется НАТО.

Было принято решение рассмотреть вопросы геостратегического соперничества, устойчивости, защиты критически важных объектов инфраструктуры. К числу других важнейших направлений работы решено отнести новые и прорывные технологии, экономическую сферу, последствия изменения климата для безопасности, про-

блемы манипулирования информацией и вмешательства из-за рубежа. Обе организации намерены мобилизовать совокупный набор инструментов, будь то политические, экономические или военные, как отмечалось в Декларации, «для достижения наших общих целей на благо *нашего миллиарда граждан*» (курсив мой. – Ю. Р.). Тем самым указывалось на то, в чьих интересах будут взаимодействовать ЕС и НАТО [22].

Представитель МИД России М. В. Захарова, характеризуя принятую Декларацию, заявила о полном подчинении Евросоюза задачам Североатлантического блока, который является инструментом силового обеспечения интересов США. Под вывесками «упрочения трансатлантической связки», «укрепления стратегического партнерства ЕС и НАТО» продвигаются задачи, зафиксированные в принятой на саммите в Мадриде в июне 2022 года новой стратконцепции альянса». По словам М. В. Захаровой, декларация закрепила положение о «вторичности» по отношению к альянсу оборонной политики Евросоюза, что фактически обнуляет претензии ЕС на автономию в этой сфере. Она подчеркнула, что ссылки в документе на нормы международного права и принципы Устава ООН лицемерны с учетом действий Альянса в отношении Югославии, Ирака и Ливии [7].

По мнению обозревателя журнала «Международная жизнь» С. В. Филатова, в случае эскалации конфликта на Украине может произойти метаморфоза: в военные действия вместо НАТО вступят отдельные страны под флагом Евросоюза. Иными словами – НАТО переложит ответственность на ЕС юридически. ЕС предлагают воевать с Россией без флага НАТО. При этом США ставят задачу – уничтожить ЕС в столкновении с Россией, как сильного экономического конкурента [9].

«В НАТО практически главенствуют США. Но ЕС все еще пытается вести независимую дипломатию. Однако у Вашингтона есть свой расчет – свести на нет усилия Евросоюза по обеспечению собственной безопасности», – отметил в интервью китайскому изданию *Global Times* военный эксперт Сун Чжунпин. По его мнению, США подготавливают Европейский Союз к противостоянию с Китаем, упомянув страну в совместной декларации [4].

Французский политик, лидер партии «Патриоты» Ф. Филиппо у себя в Twitter написал, что заключено «гиперагрессивное соглашение против России. Эти безумцы планируют мировую войну». Как отметил политик, декларация «окончательно помещает ЕС в американское лоно НАТО» [10].

Заключение

Предпосылки для налаживания отношений между Североатлантическим союзом и «объединенной Европой» возникли в середине XX в. – после провала планов создания Европейского оборонительного сообщества и европейской армии, возникновения Западноевропейского союза и включения ФРГ в НАТО. С оформлением в 1992 г. Европейского союза эта организация стала важнейшим партнером НАТО. Отношения между Евросоюзом и Североатлантическим блоком в институционально окончательно сформировались в начале 2000-х гг. В Декларации ЕС-НАТО от 16 декабря 2002 г. о европейской политике безопасности и обороне приветствовалось стратегическое партнерство, установленное между двумя организациями. Но до 2014 г. сотрудничество между Североатлантическим и Европейским союзами оставалось ограниченным. События на Украине 2014 г. способствовали активизации трансатлантического сотрудничества, хотя в условиях давления на европейские страны американского президента Д. Трампа с целью увеличения военных расходов на содержание Североатлантического блока предпринимались попытки добиться большей самостоятельности ЕС в вопросах обороны. Декларации ЕС и НАТО 2016, 2018 и 2023 гг. определили перспективы взаимодействия обоих союзов. Декларация от 10 января 2023 г.

поднимала партнерство ЕС и НАТО на новую ступень. Можно констатировать, что Декларация означала новый этап в формировании западного фронта против России и КНР.

По мнению автора настоящей статьи, в настоящее время реализуется сценарий прочного, но неравноправного партнерства между ЕС и НАТО. Декларация 2023 г. подчиняет ЕС интересам Североатлантического блока, а США могут использовать страны Евросоюза в столкновении с Россией, чтобы устранить ЕС как сильного экономического конкурента.

Список источников и литературы

1. *Арбатова Н. К.* Евroatлантические отношения в XXI веке: проблемы и сценарии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. Т. 59, № 11. С. 31–37.
2. *Боков А.* Военно-политическое сотрудничество Европейского союза и НАТО // *Зарубежное военное обозрение*. 2020. № 2. С. 9–14. Электрон. версия печ. изд. URL: http://factmil.com/publ/strana/evrosojuz/voenno_politicheskoe_sotrudnichestvo_evropejskogo_sojuza_i_nato_2020/125-1-0-1731 (дата обращения: 05.01.2023). Доступна на сайте Fact Military.
3. *Бычковская О. М.* Взаимоотношения ЕС и НАТО в контексте евроатлантической безопасности // *Журнал международного права и международных отношений*. 2011. № 1. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2011-1/2011-1-bichkovskaya> (дата обращения: 05.01.2023).
4. *В Китае раскрыли истинную цель совместной декларации НАТО и ЕС по России* // РИА Новости: информ. агентство : офиц. сайт. URL: <https://ria.ru/20230112/nato-1844322393.html>. Дата публикации: 12.01.2023.
5. *Глава Еврокомиссии призвал создать армию Евросоюза* // РИА Новости: информ. агентство : офиц. сайт. URL: <https://ria.ru/20150308/1051471092.html>. Дата публикации: 08.03.2015.
6. *Громов А.* Европейская армия. Почему Макрон считает, что она нужна, а Трамп выступает против? // ТАСС: информ. агентство России : сайт. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5795341>. Дата публикации: 15.11.2018.
7. *МИД заявил о подчинении Евросоюза НАТО* // РИА Новости: информ. агентство : офиц. сайт. URL: <https://ria.ru/20230111/nato-1844144007.html>. Дата публикации: 11.01.2023.
8. *Тузовская Н. Ю.* Отношения ЕС и НАТО в процессе трансформации европейской системы безопасности : дис. ... канд. полит наук : 23.00.02 / Тузовская Наталья Юрьевна. М., 2009. 247 с.
9. *Филатов С.* НАТО + Евросоюз – новый военный блок «золотого миллиарда» // *Международная жизнь* : интернет-версия журнала. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38557>. Дата публикации: 12.01.2023.
10. *Французский политик Филиппо: ЕС и НАТО подписали гиперагрессивное соглашение против РФ и планируют начать мировую войну* // РИА Новости: информ. агентство : офиц. сайт. URL: <https://ria.ru/20230111/voyna-1844069940.html?in=t>. Дата публикации: 11.01.2023.
11. *Berlin Plus agreement* // NATO (North Atlantic Treaty Organisation) : official website. 17.03.2003. Updated: 21.06.2006. URL: http://www.nato.int/shape/news/2.003/shape_eu/se030822a.htm (accessed: 10.01.2023).
12. *Bond I., Scazzieri L.* Wie kann die Zusammenarbeit zwischen der Nato und der EU verstärkt werden? // DER STANDARD. 24.08.2022. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000138446114/wie-kann-die-zusammenarbeit-zwischen-der-nato-und-der-eu> (accessed: 10.01.2023).
13. *Defence cooperation: 23 member states sign joint notification on the Permanent Structured Cooperation (PESCO)* // Council of the European Union : official website. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/11/13/defence-cooperation-23-member-states-sign-joint-notification-on-pesco/>. Datum der Platzierung: 13.11.2017.

14. *Entwurf einer Entschliessung des Europäischen Parlaments zu der Zusammenarbeit zwischen der EU und der NATO im Rahmen der transatlantischen Beziehungen* // Europäisches Parlament : official website. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2021-0192_DE.html#_section1. Datum der Platzierung: 27.05.2021.
15. *EU-NATO Declaration on ESDP* // NATO (North Atlantic Treaty Organisation) : official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_19544.htm. Issued on 16.12.2002.
16. *Helwig N. Neue Aufgaben für die Zusammenarbeit zwischen EU und Nato* // SWP-Aktuell : Webseite. 2017/A 80. 4 S. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/zusammenarbeit-zwischen-eu-und-nato>. Datum der Platzierung: 18.12.2017.
17. *Joint declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization* // NATO : official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133163.htm. Issued on 08.07.2016.
18. *Joint Declaration on EU-NATO Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization* // NATO : official website. URL: https://www.nato.int/cps/us/natohq/official_texts_156626.htm?selectedLocale=en1. Issued on 10.01.2018.
19. *Kolb M., Szymanski M. Angriffskrieg: Das ist der aktuelle Stand in der Kampfpanzer-Debatte* // Süddeutsche Zeitung. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/nato-eu-ukraine-krieg-kampfpanzer-von-der-leyen-1.5729750>. Datum der Platzierung: 11.01.2023.
20. *Papaioannou A. Укрепление отношений ЕС с НАТО* // Вестник НАТО : интернет-журнал. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2019/07/16/ukreplenie-otnoshenij-es-s-nato/index.html>. Дата публикации: 16.07.2019.
21. *Petersberg-Erklärung (Bonn, 19 Juni 1992)* // CVCE : website. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/petersberg_erklarung_des_weu_ministerrates_bonn_19_juni_1992-de-16938094-bb79-41ff-951c-f6c7aae8a97a.html (accessed: 10.01.2023).
22. *The EU-Nato Joint Declaration on Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization* // NATO : official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_210549.htm. Issued on 10.01.2023.
23. *Tocci N., Alcaro R. Three Scenarios for the Future of the Transatlantic Relationship* // Transworld Working Papers. 2012. № 4. P. 1–33. URL: https://www.academia.edu/36729160/Three_Scenarios_for_the_Future_of_the_Transatlantic_Relationship (accessed: 14.01.2023).
24. *Verteidigungsministerin von der Leyen «Europäische Armee ist die Zukunft»* / U. von der Leyen ; K. Remme // Deutschlandfunk : website. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/verteidigungsministerin-von-der-leyen-europaeische-armee-100.html> Datum der Platzierung: 08.03.2015.

References

1. Arbatova, NK 2015, 'Yevroatlanticheskiye otnosheniya v XXI veke: problemy i stsenarii' (Euro-Atlantic relations in the 21th century: problems and scenarios), *World Economy and International Relations*, vol.59, no.11, p. 31–37. (In Russ.)
2. Bokov, A 2020, 'Voyenno-politicheskoye sotrudnichestvo Yevropeyskogo soyuza i NATO' (European Union and NATO politico-military cooperation), *Zarubezhnoye voyennoye obozreniye*, no. 2, pp. 9–14, viewed 5 January 2023, http://factmil.com/publ/strana/evrosojuz/voenno_politicheskoe_sotrudnichestvo_evropejskogo_soyuza_i_nato_2020/125-1-0-1731 (In Russ.)
3. Bychkovskaya, OM 2011, 'Vzaimootnosheniya ES i NATO v kontekste yevroatlanticheskoy bezopasnosti' (EU-NATO relations in the context of Euro-Atlantic security), *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*, no. 1, viewed 5 January 2023, <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2011-1/2011-1-bichkovskaya> (In Russ.)

4. 'V Kitaye raskryli istinnuyu tsel' sovmestnoy deklaratsii NATO i ES po Rossii' (China reveals true purpose of NATO-EU joint declaration on Russia), *RIA Novosti*, viewed 12 January 2023, <https://ria.ru/20230112/nato-1844322393.html> (In Russ.)
5. 'Glava Yevrokomissii prizval sozdat armiyu Yevrosoyuza' (European Commission chief calls for an EU army), *RIA Novosti*, 8 March 2015, viewed 5 January 2023, <https://ria.ru/20150308/1051471092.html> (In Russ.)
6. Gromov, A 2018, 'Yevropeyskaya armiya. Pochemu Makron schitayet, chto ona nuzhna, a Tramp vystupayet protiv?' (A European army. Why does Macron think it is needed and Trump opposes it?), *TASS*, viewed 4 January 2023, <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5795341> (In Russ.)
7. 'MID zayavil o podchinenii Yevrosoyuza NATO' (Foreign Ministry says EU subordinate to NATO), *RIA Novosti*, viewed 12 January 2023, <https://ria.ru/20230111/nato-1844144007.html> (In Russ.)
8. Tuzovskaya, NYu 2009, *Otnosheniya ES i NATO v protsesse transformatsii yevropeyskoy sistemy bezopasnosti* (EU-NATO relations in the transformation of the European security system), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
9. Filatov, S 2023, NATO + Yevrosoyuz – novyy voyennyi blok «zolotogo milliarda» (NATO + EU - a new military bloc for the Golden Billion), *Mezhdunarodnaya zhizn*, viewed 13 January 2023 <https://interaffairs.ru/news/show/38557> (In Russ.)
10. 'Frantsuzskiy politik Filippo: ES i NATO podpisali giperagressivnoye soglasheniye protiv RF i planiruyut nachat mirovuyu voynu' (French politician Filippo: the EU and NATO signed a hyper-aggressive agreement against the Russian Federation and plan to start a world war), *RIA Novosti*, viewed 12 January 2023, <https://ria.ru/20230111/voyna-1844069940.html?in=t> (In Russ.)
11. 'Berlin Plus agreement' 2003, *NATO (North Atlantic Treaty Organisation)*, viewed 10 January 2023, http://www.nato.int/shape/news/2.003/shape_eu/se030822a.htm
12. Bond, I & Scazzieri, L 2022, Wie kann die Zusammenarbeit zwischen der Nato und der EU verstärkt werden?, *DER STANDARD*, viewed 10 January 2023, <https://www.derstandard.at/story/2000138446114/wie-kann-die-zusammenarbeit-zwischen-der-nato-und-der-eu> (In German)
13. 'Defence cooperation: 23 member states sign joint notification on the Permanent Structured Cooperation (PESCO)' 2017, *Council of the European Union*, <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/11/13/defence-cooperation-23-member-states-sign-joint-notification-on-pesco/>
14. 'Entwurf einer Entschliessung des Europäischen Parlaments zu der Zusammenarbeit zwischen der EU und der NATO im Rahmen der transatlantischen Beziehungen' 2021, *Europäisches Parlament*, https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2021-0192_DE.html#_section1 (In German)
15. 'EU-NATO Declaration on ESDP' 2002, *NATO (North Atlantic Treaty Organisation)*, viewed 10 January 2023, https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_19544.htm.
16. Helwig, N 2017, 'Neue Aufgaben für die Zusammenarbeit zwischen EU und Nato', *SWP-Aktuell 2017/A 80*, viewed 10 January 2023, <https://www.swp-berlin.org/publikation/zusammenarbeit-zwischen-eu-und-nato> (In German)
17. *Joint declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization* 2016, viewed 10 January 2023, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133163.htm
18. *Joint Declaration on EU-NATO Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization*, 10 July 2018, viewed 10 January 2023, https://www.nato.int/cps/us/natohq/official_texts_156626.htm?selectedLocale=en1
19. Kolb, M & Szymanski, M 2023, 'Angriffskrieg: Das ist der aktuelle Stand in der Kampfpanzer-Debatte', *Süddeutsche Zeitung*, viewed 14 January 2023, <https://www.sueddeutsche.de/politik/nato-eu-ukraine-krieg-kampfpanzer-von-der-leyen-1.5729750> (In German)

20. Papaioannou, A 2019, 'Ukrepleniye otnosheniy ES s NATO (Strengthening EU relations with NATO)', *NATO Review*, viewed 10 January 2023, <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2019/07/16/ukreplenie-otnoshenij-es-s-nato/index.html> (In Russ.)
21. 'Petersberg-Erklärung', *CVCE*, 19 June 1992, Bonn, viewed 10 January 2023, https://www.cvce.eu/en/obj/petersberg_erklarung_des_weu_ministerrates_bonn_19_juni_1992-de-16938094-bb79-41ff-951c-f6c7aae8a97a.html (In German)
22. The EU-Nato Joint Declaration on Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization, *NATO*, 10 January 2023, viewed 12 January 2023, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_210549.htm
23. Tocchi, N & Alcaro, R 2021, 'Three Scenarios Three Scenarios for the Future of the Transatlantic Relationship', *Transworld Working Papers*, no. 4, pp. 1-33, viewed 14 January 2023 https://www.academia.edu/36729160/Three_Scenarios_for_the_Future_of_the_Transatlantic_Relationship
24. 'Verteidigungsministerin von der Leyen «Europäische Armee ist die Zukunft»', *Deutschlandfunk*, 8 March 2015, viewed 10 January 2023, <https://www.deutschlandfunk.de/verteidigungsministerin-von-der-leyen-europaeische-armee-100.html> (In German)

Статья поступила в редакцию: 17.01.2023
Одобрена после рецензирования: 27.02.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 17.01.2023
Approved after reviewing: 27.02.2023
Accepted for publication: 27.03.2023

ЧИСЛОВОЙ КОД ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: АНАЛИЗ НУМЕРАТИВА ЧЕТЫРЕ КАК КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)

*Михаил Алексеевич Бредис¹,
Ольга Валентиновна Ломакина²,
Бохао Сюэ³*

^{1,2,3}Российский университет дружбы народов,

Москва, Россия,

¹briedis@yandex.ru

²rusoturisto07@mail.ru

³xuebohao1997@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются фразеологизмы, в том числе различные малые жанры паремий, с числовым компонентом ‘четыре’, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических источников русского, бурятского, тувинского, кумыкского, хакасского, татарского, чувашского и китайского языков. Данные языки являются типологически разнородными и относятся к славянской, тюркской группам и китайской ветви сино-тибетской семьи языков, представляя флективный, агглютинативный и изолирующие типы.

Анализ научных работ, посвященных числовым компонентам в составе устойчивых единиц, продемонстрировал исследовательский интерес к этим компонентам, который объясняется их универсальным характером и символическим значением в различных лингвокультурах.

Цель работы состояла в том, чтобы представить значение компонента-нумератива ‘четыре’ в составе устойчивых единиц разноструктурных языков. В исследовании использовались методы историко-этимологического, описательно-аналитического и лингвокультурологического анализа, позволившие провести межъязыковое сопоставление фразеологизмов и паремий в аспекте сравнительной этнолингвокультурологии.

Проведенный анализ показал, что символика числового компонента ‘четыре’ является универсальной для всех сопоставляемых лингвокультур. Именно на символической семантике основано активное использование данного нумератива в устойчивых единицах языка (фразеологизмах и паремиях) и его роль в создании числового культурного кода. Наиболее тесной в этом плане оказалась связь числового кода лингвокультуры с пространственным. При этом была выявлена и национальная специфика, связанная с символикой числа ‘четыре’. Так китайская лингвокультура демонстрирует негативное отношение к рассматриваемому нумеративу, в отличие от других лингвокультур, а в русской этот компонент не обладает яркой символикой. Также анализ показал, что типологическое разнообразие языков не оказывает влияния на роль рассматриваемого компонента в фразеологизмах и паремиях, так как его роль связана, прежде всего, с символической семантикой.

Ключевые слова: фразеологическая единица, паремия, пословица, загадка, число, культурный код, числовой код.

Благодарности: Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования: Бредис М. А., Ломакина О. В., Сюэ Б. Числовой код лингвокультуры: анализ нумератива четыре как компонента фразеологизмов и паремий (на материале разноструктурных языков) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 72–82. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-72-82>.

Сведения об авторах: М. А. Бредис – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов; О. В. Ломакина – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов; Бохао Сюэ – аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

© Бредис М. М., Ломакина О. В., Сюэ Б., 2023

Scientific Article

UDC 81.119

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-72-82>**NUMERICAL CODE OF LINGUOCULTURE: ANALYSIS OF THE NUMERAL *FOUR*
AS A COMPONENT OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND PAREMIAS
(BASED ON EXAMPLES OF TYPOLOGICALLY DIFFERENT LANGUAGES)****Mikhail A. Bredis¹,
Olga V. Lomakina²,
B. Xue³**

^{1,2,3}Peoples' Friendship University of Russia,

Moscow, Russia,

¹briedis@yandex.ru²rusoturisto07@mail.ru³xuebohao1997@yandex.ru

Abstract. The article analyzes phraseological units, including various small genres of paremias, with a numerical component 'four', extracted by continuous sampling from lexicographic sources of the Russian, Buryat, Tuvan, Kumyk, Khakass, Tatar, Chuvash and Chinese languages. These languages are typologically different and belong to the Slavic, Turkic language groups and the Chinese branch of the Sino-Tibetan family of languages, representing inflectional, agglutinative and isolating types.

An analysis of scientific papers devoted to numerical components in the composition of stable units has demonstrated the interest of researchers in these components, which is explained by their universal nature and symbolic meaning in various linguocultures.

The purpose of the work was to present the meaning of the numerative component 'four' as part of stable units of languages with typologically different structures. The study used the methods of historical-etymological, descriptive-analytical and linguoculturological analysis, which made it possible to conduct an interlingual comparison of phraseological units and paremias in the aspect of comparative ethnolinguoculturology.

The analysis showed that the symbolism of the numerical component 'four' is universal for all compared linguocultures. It is the symbolic semantics that underlies the active use of this numeral in stable language units (phraseological expressions and paremics) and its role in the creation of the numerical cultural code. In this regard, the connection between the numerical code of linguoculture and the spatial one turned out to be the closest.

At the same time, national specifics associated with the symbolism of the numeral 'four' were also revealed. Thus, the Chinese linguoculture demonstrates a negative attitude towards the considered numeral, unlike other linguocultures, and in Russian linguoculture this component does not have bright symbolism. The analysis also showed that the typological diversity of languages does not affect the role of the considered component in phraseological units and paremias, since its role is associated primarily with symbolic semantics.

Keywords: phraseological unit, paremia, proverb, mystery, number, cultural code, numeric code.

Acknowledgement: This publication was supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No D.2-F/S2022.

For citation: Bredis MA, Lomakina OV, Xue, B 2023, 'Numerical Code of Linguoculture: Analysis of the Numeral *Four* as a Component of Phraseological Units and Paremias (Based on Examples of Typologically Different Languages)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 72–82, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-72-82> (in Russ.)

Information about the Authors: *Mikhail A. Bredis* – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; *Lomakina O. V.* – Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; *Xue B.* – Postgraduate Student of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia.

© Bredis M. A., Lomakina O. V., Xue B., 2023

Термин *код* является междисциплинарным: получив широкое применение в работах по семиотике, данный термин стал использоваться лингвистами применительно к анализу как лексических, так и фразеологических единиц. Согласно Н. Н. Изотовой, цель культурного кода – «связать знак со значением, перевести и интерпретировать мир номинаций в мир смыслов» [18, с. 125]. В основе выделения, по мнению Г. В. Токарева, лежит базовый образ, который объединяет систему знаковых средств [30, с. 20].

В. М. Савицкий показывает корреляцию понятий культурный код – лингвокультурный код следующим образом: «Если код представляет собой знаковую систему, выступающую в определённых функциях, а культурный код – образную систему культуры, рассматриваемую в её знаковом аспекте, то лингвокультурный код – это культурный код, обретший естественно-языковое воплощение» [27, с. 126].

Числовой код культуры, наряду с колоративным, соматическим, природно-ландшафтным, зооморфным и др., выделяется в разных языках вне их генетической характеристики. «В наивной языковой картине мира число привычно вписывается в систему ориентиров и норм человеческого сообщества» [11, с. 138].

Числовой код культуры в языке представляют имена числительные, слова и устойчивые единицы, обозначающие количество. «В свободном употреблении определённо-количественное числительное обозначает отвлечённое число или количество предметов и играет утилитарно-прагматическую роль. Кроме того, числа обладают и культурными смыслами, приобретают символическую значимость, что находит отражение во фразеологической системе языка» [8, с. 204].

Обзор работ, посвящённых изучению нумеративных единиц в составе фразеологизмов и паремий, показал интерес исследователей к данным компонентам в составе устойчивых единиц, что объясняется, во-первых, универсальным характером компонентов-числительных, во-вторых, символическим значением нумеративов в разных лингвокультурах [5; 7; 8; 9]. Нумеративы в составе пословиц, как правило, национально-культурно маркированы и являются самостоятельно значимым предметом лингвокультурологического комментария в паремиографии [6; 15].

Цель данной статьи – представить смыслообразующее и культураносное значения компонента-нумератива *четыре* в составе устойчивых единиц (фразеологизмов и паремий) русского, бурятского, тувинского, кумыкского, хакасского, татарского, чувашского, китайского языков, являющихся разноструктурными.

Символическое значение числа *четыре* имеет универсальный характер, поскольку опирается на символизм квадрата, лежащего в основе образа города и обозначающего твёрдость и целостность [31, с. 111], и символизм четырехконечного креста [32].

В славянских языках числительное *четыре* не обладает яркой символикой, в отличие от нумеративов *один, два, три, семь, девять, двенадцать, сорок* [9]. Этот нумератив представляет пространственные отношения, служит прообразом «статической целостности, крепости, идеально устойчивой структуры, полнее всего реализующейся в горизонтальном плане Вселенной» [31, с. 122]. Анализ исследований числового кода культуры в славянских языках на фразеологическом и паремиологическом материале показал, единодушный интерес авторов в рассмотрении «символьной семантики чисел в составе фразеологии и мифологической их интерпретации», а также универсальный характер символики числа, что объясняется появлением счётных слов в праславянском языке и их широкой употребительностью [8, с. 203–204].

В русском языке выделяется группа фразеологических единиц и пословиц, где числительное *четыре* участвует в создании пространственной семантики, где указано количество сторон света: *на все четыре стороны* [33, т. 2, с. 283], *В чистом поле*

четыре воли [*хоть туда, хоть сюда, хоть инаково*] [21, с. 684]; говорится о количестве как необходимом условии устойчивости, надёжности строения: *жить в четырёх стенах* [33, т. 2, с. 279], *Без четырёх углов изба не рубится* [21, с. 921], *Без Троицы дом не строится, без четырёх углов изба не становится* [21, с. 914], *Дом о четырёх углах* [21, с. 290]. Количественное (прямое) значение *четыре* имеет в загадке о воле: *Был мал – в четыре дудки играл: вырос велик – землю поднял* [12, с. 409]. Порядковое числительное *четвёртый* является компонентом фразеологических единиц *четвёртая власть* и *четвёртое измерение*, объединённых общей семой 'излишний, находящийся за пределами общепринятого'.

В монгольских и тюркских языках нумеративы также обладают фразеобразующим потенциалом [5; 7]. В рассматриваемых лингвокультурах некоторые числа считаются «счастливыми», получают сакральное значение: например, в башкирской лингвокультуре к сакральным относятся не только числительные (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 12, 40, 100, 1000), но и слова *яңғыз* – одинокий, *һыңар* – беспарный, *таүге* и *беренсе* – первый, *игез* – двойня, *куш* – парный, двойной, *иш* – пара [22, с. 148].

Число *четыре* в тюркских языках традиционно обозначает пространство: четыре стороны, четыре угла. В древнеуйгурском языке *весь мир* обозначался сочетанием, дословно переводимым как *четыре угла* [28, с. 582]. В монгольских мифопоэтических текстах *четыре* встречается в единицах с пространственным значением и традиционным фольклорным членением предметов [28, с. 583]. Для монголов число *четыре* также символизирует «четыре благородные истины», принесенные человечеству Буддой [19, с. 95]. В бурятском и тувинском языках с числом *четыре* (бурят. *дүрбэн*, тувинск. *дөрт*) также связано «горизонтальное освоение окружающего пространства – есть четыре стороны света: север – юг, восток – запад; четыре времени года – зима, весна, лето, осень» [1, с. 95]. Пространственное измерение числа *четыре*, связанное с народными обычаями, наблюдается в пословице цэнгэльских тувинцев: *С четырёх шагов – ловят арканом, с сорока шагов – устанавливают жертвенник* [25, с. 130]. Бурятская поговорка расширяет семантику: кроме образов сторон света, вводится удвоенное число направлений: *Дүрбэн зүг, найман тээшээ арилха* – Убираться на все четыре стороны и в восемь направлений [2, с. 102].

Кумыкская поговорка подтверждает символику числа *четыре* во временном измерении: *Гъар гюнню дёрт бёлмю: биринчиси – ишлемек, экинчиси – Аллагъгъа къуллукъ этмек, уьчюнчюсю – ял алмак, дёртюнчюсю – юхламак* – День делится на четыре части: первая – для труда, вторая – для служения Аллаху, третья – для отдыха, четвертая – для сна [10, с. 122].

В обществе тюрков-кочевников социальный статус человека определяло наличие четырех видов домашнего скота, а именно овец, коров, верблюдов и лошадей, что указано в киргизском эпосе «Манас» [19, с. 95]. *Четыре* символизирует и четыре стихии, и четыре конечности у животных. В этом плане интересна тувинская поговорка *Ийи холдап бээр, дөрт буттап алыр* (Отдаешь двумя руками, забираешь четырьмя ногами) [из картотеки М. А. Бредиса]. По словам тувинских информантов, современные тувинцы произносят эту поговорку, когда человек долго не отдаёт свой долг. В отличие от аналогичной русской поговорки *Отдашь деньги руками, а ходить будешь ногами* [21, с. 266], в тувинской поговорке конкретизируется число конечностей: *две* руки и *четыре* ноги. Смысл в том, что, отдав деньги в долг, человек вынужден ходить к должнику, напоминая об отдаче.

В этой тувинской поговорке, как и в многих других поговорках двухчастной структуры, весьма распространенных в тюркских и монгольских языках, реализуется два семантических типа отношения поговорочного содержания к действительности. В первой части поговорки, где говорится «о двух руках», использование нумеративного

компонента не несет никакой эпистемологически значимой информации (все известно, что у человека именно две руки), поэтому содержание первой части относится к «трюистическому» типу пословичной семантики [17, с. 325]. Вторая часть пословицы, где говорится «о четырех ногах» содержательно противоречит действительности, поэтому относится к семантическому типу «ситуативных» (или «эпистемологических») парадоксов, в которых моделируются невозможные в реальном мире ситуации [16, с. 22; 14, с. 1380]. В этой связи логично предположить, что использование компонента *четыре* во второй части имеет ярко выраженный символический смысл. Однако обращение к национально-культурному плану содержания пословицы показывает, что и во второй части нумератив *четыре* имеет вполне конкретный и не менее тривиальный смысл, чем нумератив *два* в первой части.

На наш взгляд, в тувинской паремии отражаются местные реалии. Метафора «четырьмя ногами» говорит, скорее всего, о коне, верном спутнике тувинцев. Эта пословица отражает ситуацию, когда чтобы напомнить о долге, кредитор должен сесть на коня и пуститься в путь в другой аал. Четыре конечности коня упоминаются в европейских языках (ср.: рус. *Конь о четырёх ногах – и то споткнётся* [21, с. 428]), на что указывают [35, с. 155–158; 24, с. 58–60], а также в тюркских и монгольских языках (ср.: татар. *Дүрт аяклы ат та сөртенә – Четвероногий конь тоже спотыкается* [29, с. 63]; чуваш. *Лаша тават урлă пулсан та тапăнать – Лошадь с четырьмя ногами, но и она спотыкается* [35, с. 155]; бурятск. *Хоёр хүнтэй хүнөө болохо дүрбэн хүлтэ адаһан будэрдэг – И человек двуногий, и конь четырёхногий спотыкаются* [2, с. 258]).

Тувинская пословица *Карак-биле көргени шын, / Кулак-биле дыңнааны дамчыыр* [26, с. 103] – Что видели глаза – правда, / Что слышали уши – молва) не содержит образов, выраженных числительными, но ряд пословиц тюркских языков выражает эту мысль с помощью нумеративов. Так, интересный образ, связанный с измерением, число *четыре* создаёт в алтайской пословице *Кулак ла көстин ортозы төрт өлү, / Төгүн ле чыннын ортозы төрт өлү* (Между ухом и глазом четыре вершка, / Между ложью и истиной четыре вершка); (вариант) *Төгүн ле чыннын ортозы төрт өлү* (Между ложью и истиной – четыре вершка) [23, с. 59]. Слово *өлү* обозначает старинную меру длины (букв. *палец*). Первая часть двухчастной паремии поясняет вторую. Между ухом и глазом совсем небольшое расстояние (четыре пальца), но между тем, что видят глаза, и тем, что слышат уши, большой разрыв. Считается, что увиденное своими глазами – правда, в отличие от услышанного ушами. Подобную семантику отражает хакасская пословица, в которой упоминаются традиционные меры длины: *Харах аразы – харыс, / Хулах аразы – хулас* (Между глазами – харыс, / Между ушами – хулас) [23, с. 59]. Хакасское *харыс* обозначает меру длины, равную расстоянию между концами раздвинутых большого и указательного пальцев, а *хулас* – длину, равную сажени (*хуласнаң синирге – измерять саженьями*). Кумыкская пословица называет самую большую меру: *Ялгъан булан гертини арасы – дёрт элли* – Расстояние между ложью и правдой – четырежды пятьдесят [10, с. 324]. В этой паремии ложь и правда образно находятся на огромном расстоянии друг от друга. Наиболее близка к тувинской пословице по образности и структуре бурятская паремия, также не использующая числительных: *Шэхээр дуулаһан – худал, нюдөр хараһан – үнэн* [2, с. 328] (Услышанное ушами – ложь, увиденное глазами – правда).

Пространственное измерение числа четыре присутствует в тувинской паремии: *Бак кижиниң чоруу, / Баарда, кээрде – дөрт* [26, с. 20] (Нерадивый за одним два раза ходит; букв. У нерадивого уходов-приходов четыре). Это пословица конкретизирует все действия нерадивого забывчивого человека – приход за делом и уход обратно, новый приход и уход: всего получается четыре. Русский семантический аналог: *Глуп да ленив одно дважды делает* [21, с. 178].

Китайская лингвокультура отличается от рассмотренных выше: «особенностью китайских космогонических систем и соответствующих им космологических структур была их тотальная числовая оформленность», поэтому каждое число до 10 получало культурную семантику [20, с. 94]. Четвёртому уровню, по наблюдениям А.И. Кобзева, соответствовали «"четыре символа" (сы сянь): малый и великий янь, малая и великая инь, "четыре страны света" (сы фан), "четыре времени (сезона) (сы ши)"» [20, с. 94–95].

Цифра *четыре* также демонстрирует культурно-значимые для китайской этноязыковой системы концептуальные представления. Начертание иероглифа *четыре* (四) с древнейших времен соотносится с понятием «смерть», «убийство», «убивать», также иероглиф символизировал труп казненного. Именно поэтому в китайском языковом сознании число *четыре* имеет негативное значение, символизируя нечто страшное и нехорошее. Это представление настолько стереотипно, что во многих китайских многоэтажных домах четвёртый этаж может именоваться 3+1.

Однако в процессе развитие языка под влиянием европейской культуры нумератив *четыре* утрачивает свою отрицательную коннотацию, появляются паремии с нейтральным значением: 四海皆兄弟 – Среди четырех морей все люди братья, 今日三明日四。 – Сегодня получится три, а завтра получится четыре [34, с. 51] и 朝三暮四 Утром три – вечером четыре. Если в первом примере рассматриваемое числительное входит в состав устойчивой единицы *четыре моря*, имеющей символическое значение всеобщности, то во втором – значение 'много'.

Любопытно, что в китайском языке устойчивая единица *четыре моря* обладает фразеомобразующим потенциалом. Яогуанг Ди и Л. А. Киселева приводят 11 примеров: 放之四海而皆准 (букв. 'пусти его по четырём морям – и везде оно окажется точным') «верный повсюду; универсальный, всеобщий»; 九州四海 «весь Китай»; 囊括四海 «единая страна»; 四海波静 «всё тихо, всё спокойно»; 四海承风 «все образованные в стране»; 四海鼎沸 «всё беспокойно»; 四海升平 «всё тихо, всё спокойно»; 四海为家 «повсюду (в любом месте) находить себе дом; везде чувствовать себя как дома; жить между небом и землёй»; 四海之内皆兄弟 «все люди – братья»; 五湖四海 (букв. 'на пяти озёрах и четырёх морях') «повсюду, повсеместно, во всех уголках»; 眼空四海 «относиться с глубоким презрением ко всему; высокомерно смотреть на мир» [13, с. 37]. В то время как в русском языке сохранились фразеологические единицы фольклорного происхождения *за тридевять земель, в тридесятом царстве* со значением локативности, которые включают в состав компоненты-числительные, не употребляющиеся в современном языке; это примеры диахронического эллипсиса.

По наблюдениям Л. Л. Банковой, в китайском языке числительное *четыре*, наряду с числительными *пять* и *шесть*, являются биномами наиболее распространённых компонентов [3, с. 391]

Представленный иллюстративный материал показал, что числительное *четыре* употребляется в составе фразеологических единиц и пословиц, которые демонстрируют числовой код определённой лингвокультуры. Однако нельзя не упомянуть о наличии в авторской картотеке бурятских паремиологических единиц загадок-четвериад, в которых числительное *четыре* обладает текстообразующим потенциалом:

Дүрбэн улаан. Четыре красных. **Жабартай тэнгэриин хаяа улаан, жаргалтай хүнэй шарай улаан, залаада байдаг дэнзэ улаан, жортогор хүнэй нюдэн улаан.** К холоду закат красный, у счастливого человека лицо красное, а на верхушке шапки – кисточка красная, у подслеповатого человека глаза покрасневшие [2, с. 102].

Дүрбэн улаан. Четыре красных. *Хурдан мориной тоохон улаан, хулгайша хүнэй хутага улаан, хорото могойн хэлэн улаан, худалша хүнэй хасар улаан.* За быстрым конем – пыль красная, у скотокрада – нож красный, у ядовитой змеи – язык красный, у лжеца – щеки красные [2, с. 102].

Дүрбэн ногоон. Четыре зеленых. *Уулада байдаг хүжэ ногоон, уһанда байдаг замаг ногоон, ургажа байһан үбһэн ногоон, үнэр һайтай арса ногоон.* Горный кедр – зеленый, болотная тина – зеленая, растущая трава – зеленая, благовонный можжевельник – зеленый [2, с. 103].

Дүрбэн хара. Четыре черных. *Һүгүй сай хара, хирээ хара, дасангүй лама хара, дошхоной сэдхэл хара.* Чай без молока – черный, ворон – черный, лама без дацана – черный, у грозного – помыслы черны [2, с. 103].

Дүрбэн дошхон. Четыре свирепый. *Эмээлһээ айһан морин дошхон, эрээ айлгаһан һамган дошхон, ургада ороһон зээрэн дошхон, улада айлгаһан ноён дошхон.* Седлом напуганный конь свирепый, напугавшая мужа жена свирепая, заарканенный джейран свирепый, мелкий начальник свирепый [2, с. 103].

Дүрбэн һайхан. Четыре прекрасных. *Хүүгэдэй наадан һайхан, хүжын үнэр һайхан, гэр уужамаараа һайхан, баатар хүн барилдахадаа һайхан.* Свадьба детей прекрасна, запах благовоний прекрасен, дом простором прекрасен, поединок баторов прекрасен [2, с. 103].

Дүрбэн һайхан. Четыре красивых. *Үүлэгүй үдэр һайхан, үб- шэнгүй бэе һайхан, баатар хүн барилдахадаа һайхан, эрдэм ехэтэй хүн һайхан.* Безоблачный день красив, здоровое тело красиво, батор борец красив, образованный человек красив [2, с. 103].

Дүрбэн холо. Четыре дали. *Хашан мориндо харгы холо, харуу хүндэ нүхэр холо, хараха гэхэдэ шэхэн холо, хазаха гэхэдэ альган холо.* Ленивому коню расстояния далеки, скупому человеку – друзья далеки, свои уши далеки, не рассмотришь, при укусе своя ладонь далека [2, с. 104].

Дүрбэн хүндэ. Четыре тяжести. *Тулажа үргэхэдэ шулуун хүндэ, тодожо буулгахада ураг хүндэ, тураг шубуунай дали хүндэ, тоомотой хүнэй үгэ хүндэ.* Камень поднять тяжело, гостей привечать тяжело, у большой птицы крылья тяжелые, у мудрого человека – слова не легковесные [2, с. 104].

Как видно из представленных примеров, четвериادا представляет собой числовую загадку, состоящую из двух частей: вопроса, включающего компонент-нумератив *дүрбэн*, и ответа. Стоит обратить внимание, что лишь вопросы разноплановы: некоторые требуют буквального ответа и носят очевидный характер (*Дүрбэн ногоон* – Четыре зелёных), другие – представляют собой приметы (*Жабартай тэнгэриин хаяа улаан* – К холоду закат красный), а большая часть ответов абстрактна и субъективна. С. С. Бардаханова отмечает наличие связи между звеньями загадок, которая заключается «в принципе их отбора и освещения» [4, с. 119]. Загадки-триады и четвериады являются распространённым в тувинском, калмыцком и бурятском языках малым жанром фольклора. Кроме того, подобные паремии можно считать синкретичным жанром: некоторые задания представляют собой законченные высказывания, по своим признакам напоминающие пословицы.

Таким образом, анализ фразеологических единиц и различных малых жанров паремий с компонентом-нумеративом *четыре* русского, бурятского, тувинского, кумыкского, хакасского, татарского, чувашского, китайского языков, являющихся разноструктурными, показал наличие общего в символическом содержании всех сопоставляемых лингвокультур: связь числового кода культуры с пространственным выделяется чаще других. Числительное *четыре* обладает текстообразующим и фразеобразующим потенциалом: бурятские загадки-четвериады построены на числе

дүрбэн, ряд китайских фразеологических единиц содержит в своём составе устойчивый компонент 四海 (букв. четыре моря).

Список источников и литературы

1. *Бабуева В. Д.* Мир традиций бурят. Улан-Удэ: Улзы, 2001. 144 с.
2. *Бальбурова Б.* Буряад арадай оньһон уран үгэ=Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ: [б. и.], 2020. 367 с.
3. *Банкова Л. Л.* Фразеологические единицы китайского языка с числительными в своем составе // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2016. Вып. 34. С. 389–392.
4. *Бардаханова С. С.* Малые жанры бурятского фольклора. Пословицы, загадки, благопожелания. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. 208 с.
5. *Бредис М. А.* Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков). DOI 10.25178/nit.2023.1.13 // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 230–244. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1212> (дата обращения: 03.02.2023).
6. *Бредис М. А., Иванов Е. Е.* Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц. DOI 10.17223/22274200/26/1 // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koHa:000927149> (дата обращения: 03.02.2023).
7. *Бредис М. А., Ломакина О. В., Борисова А. С., Лазарева О. В.* Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России). DOI 10.25178/nit.2022.4.20 // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 276–293. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1191> (дата обращения: 03.02.2023).
8. *Бредис М. А., Ломакина О. В., Мокиенко В. М.* Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 202–212.
9. *Бредис М. А., Ломакина О. В., Мокиенко В. М.* Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. 2020. № 60. С. 198–212. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rusinskaya-frazeologiya-kak-primer-kulturno-yazykovogo-transfera-v-slavyanskih-yazykah-na-materiale-numerativnyh-edinits> (дата обращения: 03.02.2023).
10. *Гаджиахмедов Н. Э.* Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок : более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала: Лотос, 2015. 350 с.
11. *Гуревич Т. М., Войцехович А. А.* Счастливые числа в Китае и Японии. DOI 10.24833/2541-8831-2020-3-15-137-148 // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, № 3 (15). С. 137–148. URL: <https://concept.mgimo.ru/jour/article/view/416/350> (дата обращения: 03.02.2023).
12. *Даль В. И.* Пословицы русского народа : сборник. В 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА : Книжная лавка – РТР, 1996. 424 с.
13. *Ди Яогунг, Киселева Л. А.* Отражение этнокультурного своеобразия числовой символики в русской и китайской фразеологии // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2018. Вып. 2. С. 34–40.
14. *Иванов Е. Е.* Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики). DOI 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388 // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. URL: <https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view/4056> (дата обращения: 03.02.2023).
15. *Иванов Е. Е.* Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре. // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 245–260. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14> (дата обращения: 03.02.2023).
16. *Иванов Е. Е.* Парадоксальные пословицы в русском и белорусском языках // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2014. № 77. С. 21–24.

17. Иванов Е. Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты). DOI 10.25178/nit.2022.4.22 // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1193> (дата обращения: 03.02.2023).
18. Изотова Н. Н. Культурный код: семиотический аспект // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 1-1. С. 122–127.
19. Каратаева С. Т. Символика чисел в тюркских и монгольских языках // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. 2020. № 2. С. 91–97.
20. Кобзев А. И. Учение о символах и числах в классической китайской философии. М.: Наука : Вост. лит., 1993. 432 с.
21. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц : около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
22. Муратова Р. Т. Символика чисел в языке и культуре башкир. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 180 с.
23. Ойноткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск: Ин-т филологии, 2012. 354 с.
24. Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік : больш за 950 беларускіх, каля 8600 іншамоўных прыказак. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2020. 316 с.
25. Подношение в серебряной чаше : сб. фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия). Новосибирск: Наука : НГОПО Союза писателей России, 2018. 176 с.
26. Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувин. кн. изд-во ; Радуга Тувы, 2020. 112 с.
27. Савицкий В. М. Порождение речи: дискурсивный подход : моногр. Самара: ПГСГА, 2013. 226 с.
28. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов и др.; отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.
29. Татар халык мәкальләре һәм әйтемнәре / [төз. Л. Мөхәммәтҗанова, И. Ямалтдинов]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2020. 271 б.
30. Токарев Г. В. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула: ТППО, 2022. 57 с.
31. Топоров В. Н. К семантике четверичности (анатолийское *тең- и др.) // Этимология. 1981. М.: Наука, 1983. С. 108–130.
32. Трессиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.
33. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. / сост. А. И. Федоров. М.: Цитадель, 1997.
34. Чжан Ц., Чжан Х. Числительное в пословицах и поговорках в русском, английском и китайском языках» : моногр. Новосибирск: СибАК, 2021. 82 с.
35. Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Sanskrit, Persian, Chinese and Japanese. Hobart, Tasmania (Australia): DeProverbio, 2002. 527 p.

References

1. Babueva, VD 2001, *Mir traditsiy buryat* (The world of Buryat traditions), Ulzy publ, Ulan-Ude. (In Russ.)
2. Balburova, B 2020, *Буряад арадай оньһон уран үгэ. Poslovitsy i pogovorki buryat* (Proverbs and sayings of Buryats), Ulan-Ude. (In Russ.)
3. Bankova, LL 2016, 'Frazеologicheskiye yedinitsey kitayskogo yazyka s chislitelnyymi v svoem sostave' (Phraseological units containing numerals in the chinese language). *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskiye i metodicheskiye aspekty*, no. 34, pp. 389-392. (In Russ.)
4. Bardakhanova, SS 1982, *Malyye zhanry buryatskogo folklorа. Poslovitsy, zagadki, blagopozhelaniya* (Small genres of Buryat folklore. Proverbs, riddles, good wishes). Burjat. kn. izd-vo publ, Ulan-Ude. (In Russ.)
5. Bredis, MA 2023, 'Simvolika chisla devyat v tuvinskoy lingvokulture (na fone ryada tyurkskikh i mongolskikh yazykov)' (The symbolism of the number nine in Tuvan linguistic culture (against the background of a number of Turkic and Mongolian languages), *Novyye issledovaniya Tuvy* (New Research of Tuva), no.1, pp. 230 – 244, viewed 3 February 2023, <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13> (In Russ.)

6. Bredis, MA & Ivanov, EE 2022, 'Lingvokulturologicheskiy kommentariy v polilingvalnykh slovaryakh poslovits'. (Linguistic and cultural commentary in multilingual proverb dictionaries), *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–30, viewed 3 February 2023, <https://doi.org/10.17223/22274200/25/1> (In Russ.).
7. Bredis, MA, Lomakina, OV, Borisova, AS & Lazareva, OV 2022, Chislovoy kod tuvinskoy lingvokultury v poslovitsakh (na fone ryada tyurkskikh i mongolskikh yazykov narodov Rossii) (Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)), *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293, viewed 3 February 2023, <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1191> (In Russ.).
8. Bredis, MA, Lomakina, OV & Mokiyeenko, VM 2021, 'Chislovoy kod rusinskoy lingvokultury (na frazeologicheskom materiale)' (Numerical code of Rusin linguoculture (based on phraseological material)), *Cognitive Studies of Language*, no. 2 (45). 202–212. (In Russ.).
9. Bredis, MA, Lomakina, OV & Mokiyeenko, VM 2020, 'Rusinskaya frazeologiya kak primer kulturno-yazykovogo transfera v slavyanskikh yazykakh (na materiale numerativnykh yedinit)' (Rusin Phraseology as an Example of Cultural and Linguistic Transfer in the Slavic Languages (Based on Numerical Units)), *Rusin*, no. 60, pp. 198–212, viewed 3 February 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/rusinskaya-frazeologiya-kak-primer-kulturno-yazykovogo-transfera-v-slavyanskikh-yazykah-na-materiale-numerativnykh-edinit> (In Russ.).
10. Gadzhiakhmedov, NE 2015, *Kumyksko-russkiy slovar poslovits i pogovorok : boleye 5000 poslovits i pogovorok* (Kumyk-Russian dictionary of proverbs and sayings. Over 5000 proverbs and sayings), Lotos publ, Makhachkala. (In Russ.).
11. Gurevich, TM & Voytsekhovich, AA 2020, 'Schastlivoye chislo v Kitaye i Yaponii' (Lucky numbers in China and Japan), *Concept: philosophy, religion, culture*, vol. 4. no. 3(15), pp. 137–148, viewed 3 February 2023, <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-137-148> (In Russ.).
12. Dal, VI 1996, *Poslovitsy russkogo naroda* (Russian Proverbs), vol. 2, TERRA publ, Knizhnaya lavka – RTR publ, Moscow. (In Russ.).
13. Di, Jaoguang & Kiseleva, LA 2018, 'Otrazheniye etnokulturnogo svoyeobraziya chislovoy simboliki v russkoy i kitayskoy frazeologii' (Reflection of the ethno-cultural performance of a numerical symbolic in Russian and Chinese phraseology), *BSU Bulletin. Language. Literature. Culture*, no. 2, pp. 34–40. (In Russ.).
14. Ivanov, EE 2022a, 'Absurdnyye i paradoksal'nyye poslovitsy v tuvinskom yazyke (ontologicheskiy i logicheskiy aspekty kategorizatsii poslovichnoy semantiki) (Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics)', *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388, viewed 3 February 2023, DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388, <https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view/4056> (In Russ.).
15. Ivanov, EE 2023, 'Lingvokulturologicheskiy kommentariy v tuvinsko-russko-angliyskom paremiologicheskom slovare' (Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English paremiological dictionary), *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 245–260, viewed 3 February 2023, DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14> (In Russ.).
16. Ivanov, EE 2014, 'Paradoksal'nyye poslovitsy v russkom i belorusskom yazykakh' (Paradoxical proverbs in Russian and Belarusian languages), *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskiye nauki*, no. 77, pp. 21–24. (In Russ.).
17. Ivanov, EE 2022b, 'Semanticheskaya tipologiya tuvinskikh poslovits (empiricheskiy i aksiologicheskiy aspekty)' (Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)), *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337, viewed 3 February 2023, DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22> (In Russ.).
18. Izotova, NN 2020, 'Kulturnyy kod: semioticheskiy aspekt' (Cultural code: semiotic aspect), *Culture and civilization*, vol. 10. no.1-1, pp. 122–127. (In Russ.).
19. Karataeva, ST 2020, 'Simvolika chisel v tyurkskikh i mongol'skikh yazykakh' (Symbolism of numbers in the Turkic and Mongolian languages), *Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Arabaeva*, no. 2, pp. 91–97. (In Kyrgyz)
20. Kobzev, AI 1993, *Ucheniye o simvolakh i chislakh v klassicheskoy kitayskoy filosofii* (The doctrine of symbols and numbers in classical Chinese philosophy), Nauka publ, Vost. lit. publ, Moscow. (In Russ.).
21. Mokiyeenko, VM, Nikitina, TG & Nikolaeva, EK 2010, *Bolshoy slovar russkikh poslovits : okolo 70 000 poslovits* (Big dictionary of Russian proverbs), OLMA Media Grupp publ, Moscow. (In Russ.).
22. Muratova, RT 2012, *Simvolika chisel v yazyke i kulture bashkir* (Symbolism of numbers in the Bashkir language and culture), IYAL UNTS RAN publ, Ufa, (In Russ.).

23. Oynotkinova, NR 2012, *Altayskiye poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov* (Altai Proverbs and Sayings: Poetics and Pragmatics of Genres), Institut filologii publ, Novosibirsk. (In Russ.)
24. Petrushjeŭskaya, YuA 2020, *Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамойны слоўнік : больш за 950 беларускіх, каля 8600 іншамойных прыказак.* (Universal and international components in the paremiological fund of the Belarusian language), MDU im. A. A. Kulyashova publ, Mogilev. (In Belarus.)
25. *Podnosheniye v serebryanoy chashe : sb. folklornykh i literaturnykh proizvedeniy tuvintsev Tsengela (Mongoliya)* (Offering in a silver bowl. Folklore and literary works of the Tuvans of Tsen-gel (Mongolia)) 2018, Nauka publ, NGOPO Soyuza pisateley Rossii publ, Novosibirsk. (In Russ.)
26. Budup, BK 2020, *Poslovitsy i pogovorki tuvinskogo naroda* (Proverbs and sayings of the Tuvan people), В. К.. Tuvinskoe knizhnoye izdatelstvo publ, Raduga Tuvy publ, Kyzyl. (In Russ.)
27. Savitskiy, VM 2013, *Porozhdeniye rechi: diskursivnyy podkhod* (Speech production: a discursive approach), PGSGA publ, Samara (In Russ.)
28. Tenishev, ER, Blagova, GF & Dobrodomov, IG 2001, *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* (Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
29. *Татар халык мәкальләре һәм әйтемнәре* (Proverbs and sayings of the Tatar people) 2020, Татар. кит. нәшр publ, Kazan. (In Tatar.)
30. Tokarev, GV 2022, *Slovar lingvokulturologicheskikh terminov* (Dictionary of linguoculturological terms), TPPO publ, Tula. (In Russ.)
31. Toporov, VN 1983, *K semantike chetverichnosti (anatoliyskoye *meṯ- i dr.)* (On the semantics of quaternary (Anatolian *meṯ- etc.)), *Etimologiya*, pp.108-130, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
32. Tressidder, J 2001, *Slovar simvolov* (Dictionary of Symbols), FAIR-PRESS publ, Moscow. (In Russ.)
33. Fedorov, AI 1997, *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka* (Phraseological dictionary of the Russian literary language), Tsitadel publ, Moscow. (In Russ.)
34. Chzhan, C & Chzhan, H 2021, *Chislitelnoye v poslovitsakh i pogovorkakh v russkom, angliyskom i kitayskom yazykakh* (Numeral in proverbs and sayings in Russian, English and Chinese), SibAK publ», Novosibirsk. (In Russ.)
35. Paczolay, G 2002, *European Proverbs in 55 Languages with Equivalentents in Arabic, Sanskrit, Persian, Chinese and Japanese*, DeProverbio publ, Hobart.

Вклад авторов:

Бредис М.А. – сбор, обработка и перевод материала; написание статьи.

Ломакина О. В. – идея; сбор и обработка материала; написание статьи.

Сюз Б. – сбор и обработка материала.

Contribution of the authors:

Mikhail A. Bredis – collection, processing and translation of material; writing an article.

Olga V. Lomakina – idea; collection and processing of material; writing an article.

B. Xue – collection and processing of the material.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2023
Одобрена после рецензирования: 24.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 11.03.2023
Approved after reviewing: 24.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023

Научная статья

УДК 85

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-83-89>

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

**Елена Васильевна
Дмитриева**

Курский государственный университет,
Курск, Россия,
dmitrieva_ev@kursksu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1565-8537>

Аннотация. В данном исследовании предлагается проанализировать результаты ассоциативного эксперимента с целью определить ассоциативное поле слов-стимулов, а также выявить ключевые опоры идентификации стимула и уточнить его основные смысловые элементы. Ассоциативный эксперимент был проведен среди двух групп, условно разделенных на «специалистов» и «неспециалистов». Участниками эксперимента стали студенты дефектологического, исторического, филологического и физико-математического факультетов 1 – 4 курсов обучения Курского государственного университета. Возраст респондентов варьировался от 18 до 22 лет. В качестве инструмента по обработке полученных результатов с целью их дальнейшей интерпретации были задействованы онлайн-инструменты Google Формы (сбор информации о поле, возрасте, курсе и факультете участников эксперимента с последующей демонстрацией респондентам карточек, содержащих слово-стимул) и Google Таблицы (сбор и сортировка полученных реакций с их последующей обработкой). Полученные результаты продемонстрировали, во-первых, наличие опоры на признаки, которые отражают включенность понятия в широкий спектр деятельности человека, во-вторых, эмоциональную составляющую в процессе идентификации термина, в-третьих, наличие или отсутствие житейского и/или профессионального опыта. Был сделан вывод, что большинство реакций у респондентов, возраст которых варьировался от 18 до 22 лет, определяется непосредственно их психоэмоциональным состоянием, экстралингвистическими знаниями, социальной средой и многими другими факторами. Отмечается, что в процессе становления обучающегося как личности и будущего профессионала, происходит активизация аспектов жизни, которые являются принципиально важными в формировании и самоорганизации лексикона индивида (например, сфера молодежного общения, внеурочная деятельность и др.).

Ключевые слова: компьютерная терминология, компьютерные термины, свободный ассоциативный эксперимент, действительность, профессиональный фактор, языковая картина мира.

Для цитирования: Дмитриева Е. В. Ассоциативный эксперимент как способ выявления особенностей идентификации компьютерной терминологии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 83–89. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-83-89>.

Сведения об авторе: Е. В. Дмитриева – аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Курский государственный университет, 305000, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.

Scientific Article

UDC 85

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-83-89>

ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A WAY TO IDENTIFY THE FEATURES OF COMPUTER TERMINOLOGY IDENTIFICATION

Elena V. Dmitrieva

Kursk State University,

Kursk, Russia,

dmitrieva_ev@kursksu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1565-8537>

Abstract. The study proposes to analyze the results of an associative experiment in order to determine the associative field of stimulus words, as well as to identify the key pillars of stimulus identification and clarify its main semantic elements. The participants of the experiment were students of the Faculty of Defectology, Faculty of History, Faculty of Philology and Faculty of Physics, Mathematics and Information Technology of the 1st-4th years of study at Kursk State University, aged between 18 and 22, divided into two groups - "specialists" and "non-specialists". The tools for processing the results for further interpretation were Google Forms (collecting information on the gender, age, year and faculty of the participants, followed by the demonstration of stimulus word cards to the respondents) and Google Sheets (collecting and sorting the reactions received, followed by their processing). The results showed, firstly, a reliance on attributes that reflect the inclusion of the concept in a wide range of human activities, secondly, an emotional component in the process of term identification, and thirdly, the presence or absence of life and/or professional experience. In conclusion, the majority of reactions in respondents aged 18 to 22 are determined directly by their psycho-emotional state, extra-linguistic knowledge, social environment and many other factors. The study also shows that in the process of becoming a student as an individual and a future professional, there is an activation of aspects of life that are fundamentally important in the formation and self-organization of an individual's vocabulary (for example, the sphere of youth communication, extracurricular activities, etc.).

Keywords: computer terminology, computer terms, free associative experiment, reality, professional factor, worldview.

For citation: Dmitrieva, EV 2023, 'Associative Experiment as a Way to Identify the Features of Computer Terminology Identification', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 83–89, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-83-89> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena V. Dmitrieva* – Postgraduate Student of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Kursk State University, 33, Radishcheva Str., Kursk, 305000, Russia.

Введение

В условиях современного информационного общества человек включен в различные системы взаимоотношения с миром и окружающей действительностью. На наш взгляд, отражение действительности проявляется в том, как человек понимает и воспринимает окружающий его мир, что выделяет как наиболее значимое для себя и своей среды обитания. Среда обитания человека «здесь и сейчас» под давлением условий жизни и деятельности общества постоянно вводит в язык и речь новые вербальные единицы, что приводит к изменению языковой картины мира [4]. Основания для подобных взглядов находим у С. Л. Рубинштейна, согласно которому идеальная форма существования предметного мира через слово включается в систему выработанного знания и приобретает «относительную самостоятельность, как бы вычленяясь из психической деятельности индивида» [12, с. 47]. А. Н. Леонтьев связывает развитие двойственного значения слова (как формы кристаллизации общественного опыта и факт индивидуального сознания) с развитием деятельности: «развитие значения слова есть вместе с тем развитие его как знака-средства, т.е. по способу его употребления в лежащей за ним деятельности» [6, с. 74]. Ученый отмечает необходимость изучения сознания человека, исходя из образа его жизни и деятельности, поскольку определённому типу строения деятельности соответствует и определённый тип психического отражения. Психическое отражение «неизбежно зависит от отношения субъекта к отражаемому предмету – от жизненного смысла его для субъекта» [6, с. 240]. Следует отметить, что коммуникация личностно ориентирована, поскольку она состоит из определенной системы личностно ориентированной лексики. Как известно, работа механизма репрезентации значения любого слова детерминирована семантикой исходного слова, которая, в свою очередь, является отражением реальности в активно действующем сознании человека [4]. К факторам, оказывающим влияние на становление взглядов и идей человека, относятся: житейский опыт, образование, межличностные отношения, влияние социума и т.д.

В современной лингвистической парадигме большое внимание уделяется содержательному терминологическому компоненту, а именно проблемам представления специального знания в ментальном лексиконе. В этом ракурсе особое внимание исследователей привлекает компьютерная терминология (далее – КТ). Мы полагаем, что интерес к изучению КТ обусловлен сферой ее функционирования, что и определяет актуальность изучения ее специфики. Следует отметить, что, несмотря на длительную историю, в лингвистике проблема термина, терминологии и терминосистемы до сих пор вызывает острые дискуссии (см. например, [1, 2, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 15] и др.).

Известно, что «компьютерное знание» имплицитно включает не только профессиональную сферу деятельности человека, но и житейский опыт. Поэтому остается открытым научный интерес к когнитивному потенциалу компьютерной терминологии, в частности к специфике ее идентификации носителем языка. Мы полагаем, что КТ актуализирует в ментальном лексиконе человека определенный фрагмент образа мира, специфика которого зависит не только от возраста, но и от профессионального фактора. Мы придерживаемся мнения, что процесс идентификации детерминируется, во-первых, имеющимися профессиональными знаниями, а, во-вторых, опытом участников эксперимента. Возможно проследить некую зависимость между терминологичностью слова и профессиональным фактором в процессе идентификации термина: чем выше степень терминологичности, тем большую роль в его идентификации будет играть профессиональная принадлежность человека.

Материалы и методы

В качестве материала для верификации предположения послужили данные свободного ассоциативного эксперимента, как средства экспликации опор при идентификации КТ носителем языка.

Свободный ассоциативный эксперимент был проведен нами на целевой аудитории в возрасте от 18 до 22 лет среди студентов исторического факультета, дефектологического факультета, филологического факультета, а также факультета физики, математики и информатики Курского государственного университета условно разделенными нами на две группы: «специалист» и «неспециалист». Обучающиеся на филологическом, историческом и дефектологическом факультетах были отнесены нами в группу «неспециалисты»; студенты физико-математического факультета в группу «специалисты». В эксперименте приняли участие 80 респондентов; общее количество полученных реакций составило 2400 единиц.

В качестве стимульного материала нами были выбраны имена существительные как профессионального характера, так и обозначающие фоновые знания в равной степени актуальные для любого человека. Они связаны с различными сферами жизни человека и, соответственно, в большей или меньшей мере знакомы респондентам. Таким образом, стимулами стали: *память, железо, ключ, пасворд, браузер, червь, домен, компьютер, мышь, документ, мама, узел, команда, канал, монитор, кегль, хост, трафик, сервер, шлюз, батон, пакет, мылить, директория, прикол, блин, портал, терминал, подмышка, меню.*

Целью данного ассоциативного эксперимента было определение ассоциативного поля слов-стимулов, а также выявление ключевых опор идентификации стимула, уточнение его основных смысловых элементов.

Наше исследование состояло из 3-х этапов. На первом этапе испытуемые должны были заполнить небольшую анкету, чтобы впоследствии мы могли владеть информацией о возрасте, поле, факультете и курсе, на котором обучается каждый из респондентов. Следующим этапом было прохождение студентами краткого инструктажа, который позволил бы избежать фактических ошибок и неточностей в процессе эксперимента. Заключительный этап – это проведение свободного ассоциативного эксперимента. Для фиксации результатов с целью их дальнейшей интерпретации нами было использовано программное обеспечение Google Формы [14], а в качестве инструмента для сбора и сортировки полученных реакций – Google Таблицы [13].

Результаты

Обработка результатов эксперимента продемонстрировала, что у некоторых респондентов возникали трудности при попытке дать ассоциацию, в результате чего некоторые поля в бланках были пустые, либо содержали символ «-». Чаще всего затруднения были вызваны такими стимулами, как *директория, пасворд, подмышка, хост, шлюз.*

Полученные реакции позволили выделить следующие ассоциативные поля слов-стимулов: БАТОН – купить (1), есть (3); ЖЕЛЕЗО – тягать (3), ковать (7); ДОКУМЕНТ – ламинировать (1), поднять (1), работать (4), печатать (12); КЛЮЧ – закрывать (4), открыть (5); КОМАНДА – отставить (1), двигаться (1), работать сообща (1), объединиться (2); МЫЛИТЬ – думать (1), зиждиться (1), юлить (1), чище делать (1), пенить (2), мыть (8); ПАМЯТЬ – умение запоминать информацию (1), вспомнить (2) забыть (3); СЕРВЕР – настроить (5), администрировать (7); ТЕРМИНАЛ – платить (12); ШЛЮЗ – закрыть (1), открыть (3); и др. Полученные реакции демонстрируют существование определенной опоры на признаки, отражающие включенность понятия в широкий спектр деятельности человека, например, действия, которые можно производить над предметом или явлением.

Также заметим, что анализ полученных реакций говорит о том, что фиксацию в виде реакции получает опыт, который является частотным или значимым для индивида, но имеющий разное происхождение (МЕНЮ – ресторан (18), кафе (8), еда (10), блюдо (7), вкусно (5); МАМА – кошечка (1), самое родное (1), бать (1); ПРИКОЛ – ирония (1), друг (1), БЛИН – междометие (1), неудача (1), флинзе (1) и др.). Помимо этого, широко представлена опора на ситуации (ЧЕРВЬ – земля (28), дождевой (15), насекомое (4), противный (3); МЫЛИТЬ – посуда (2), шею (4), глаза (2), терка (1); ПАСВОРД – клавиши (4), буквы (1), ПАМЯТЬ – яблоко (1) и др.).

Также были получены реакции, содержащие лексемы, относящиеся к молодежному сленгу, а именно, ПРИКОЛ – мем (7), рофл (4), ржака (2), КОМПЬЮТЕР – компьютерс (1), и др.

Было получено множество единичных реакций, которые носят ярко выраженную эмоциональную окраску, например, такие как: ЧЕРВЬ – фу (1), БЛИН – едрён батон! (1), Ёк-макарек! (1), ПОРТАЛ – ад (1), рай (1); ПРИКОЛ – угар (2), хахаха (1), ихихихи (1), и др.

Помимо реакций, носящих эмоциональную окраску, были получены реакции, связанные с учебным фактором, а именно с фамилией преподавателя, который закреплен за учебной дисциплиной: СЕРВЕР – Бабкин (1).

Часть реакций продемонстрировала имеющиеся сложности у респондентов с идентификацией стимула. Бланк не был пустым, но содержал словосочетания, демонстрирующие неуверенность или отсутствие знания у респондентов. Например, СЕРВЕР – сложно (1), ПОДМЫШКА – не знаю (3), ХОСТ – не понял (1), ПОРТАЛ – какой-то (2).

Среди наиболее популярных можно выделить реакции: ШЛЮЗ – корабль (18), ПАМЯТЬ – мозг (34), ЧЕРВЬ – земля (28), КОМПЬЮТЕР – технологии (14), БЛИН – оладушек (21), МАМА – семья (47), ПРИКОЛ – шутка (19), МЫЛИТЬ – мыло (12), СЕРВЕР – интернет (11), КЕГЛЬ – боулинг (25), МОНИТОР – компьютер (17), КАНАЛ – связь (8), ЖЕЛЕЗО – медь (12), УЗЕЛ – морской (13), ДОКУМЕНТ – бумага (33), МЫШЬ – компьютерная (17), ТРАФИК – интернет (19), ПОДМЫШКА – пот (9), ХОСТ – сервер (11), КЛЮЧ – замок (26), ПАКЕТ – продукты (10), БРАУЗЕР – Гугл (16), ДИРЕКТОРИЯ – главное (5), ДОМЕН – связь (7), ПОРТАЛ – вход (13), МЕНЮ – ресторан (18).

На втором месте с примерно одинаковым количеством ШЛЮЗ – море (9), ЧЕРВЬ – дождевой (15), КОМПЬЮТЕР – техника (11), БЛИН – масленица (19), МАМА – папа (21), ПРИКОЛ – смешно (17), МЫЛИТЬ – пена (9), СЕРВЕР – компьютер (10), КЕГЛЬ – шрифт (14), МОНИТОР – видео (13), КАНАЛ – телевизор (5), ЖЕЛЕЗО – сталь (8), УЗЕЛ – петля (10), ДОКУМЕНТ – печатать (12), МЫШЬ – серая (10), ТРАФИК – пробка (9), ПОДМЫШКА – брить (7), КЛЮЧ – открыть (19), ПАКЕТ – целлофановый (6), БРАУЗЕР – Яндекс (15), ДИРЕКТОРИЯ – каталог (4), МЕНЮ – еда (10).

Экстралингвистические, фоновые знания также отражены в единичных реакциях: ПАМЯТЬ – воспоминание (1), события из прошлого (1), МЫЛИТЬ – терка (1), БАТОН – хлеб (44), ПАСВОРД – пароль (28), ПОРТАЛ – пространство (1), МЕНЮ – торт (1), ПАКЕТ – майка (1) и др.

Индивидуальные характеристики проявились в реакциях ШЛЮЗ – блюз (1), ЧЕРВЬ – ничтожность (1), фу (1); КОМПЬЮТЕР – Apex legends (1), сила (1), БАТОН – колбаса (1), ПАСВОРД – мультипаспорт (1), КОМАНДА – CS GO (1), Тимур (1), ДОМЕН – королевский (1), земельные владения (1), ДИРЕКТОРИЯ – бюрократизм (1), МОНИТОР – 144Гц (1) и др.

Среди единичных реакций можно выделить: реакции с личностным отношением: ПАМЯТЬ – родина (1), яблоко (1), ячейка (1); БЛИН – неудача (1), ПРИКОЛ –

мам (1), МЫЛИТЬ – юлить (1), КЕГЛЬ - 25 литровая бочка с пивом (1), МЕНЮ – вкуснятина (1) и др.

Заключение

Можно сделать вывод, о том, что большинство реакций у изучаемой возрастной группы определяется социальной средой, экстралингвистическими и фоновыми знаниями, эмоциональным состоянием, а также профессиональным фактором. Чаще всего, возраст 18 – 22 года – то время, когда человек обучается в высшем учебном заведении и получает образование. В течение этого времени происходит не только становление человека как личности и будущего профессионала, но также формируется индивидуальное языковое пространство, языковая картина мира и мышления [3]. В этот период происходит самореализация личности, и на этом этапе актуализируются именно те аспекты жизни, которые и оказываются принципиально важными в формировании и самоорганизации лексикона индивида.

Список источников и литературы

1. *Бабалова Г. Г.* Системно-аспектуальное функционирование компьютерной терминологии : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Бабалова Галина Григорьевна. М., 2009. 380 с.
2. *Комлева И. Л.* Принципы формирования русской компьютерной терминологии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Комлева Ирина Леонидовна. М., 2006. 221 с.
3. *Кривко И. П.* Влияние параметра «возраст» на функционирование синонимической аттракции в лексиконе индивида // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1, № 1. С. 217–220.
4. *Лебедева С. В., Денисова В. В., Дмитриева Е. В.* Язык и действительность: некоторые аспекты взаимодействия // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1 (40). С. 151–158.
5. *Левонич Н. И., Цыганова Т. Ф.* Компьютерная терминология в русском языке // Актуальные проблемы современного общества. 2016. № 4. С. 208–210.
6. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. 392 с.
7. *Лобанова М. А.* Структурно-семантические особенности современной компьютерной терминологии: на материале испанского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Лобанова Марина Алексеевна. Челябинск, 2009. 242 с.
8. *Николова Д.* Вариативность компьютерных терминов как специфика формирования компьютерной терминосистемы // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. 2017. № 11. С. 94–120.
9. *Орлова М. В.* Особенности усвоения компьютерной терминологии // Вестник МГПУ. Сер.: Информатика и информатизация образования. 2008. № 16. С. 152–156.
10. *Орлова М. В.* Специфика идентификации компьютерной терминологии: экспериментальное исследование : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Орлова Марина Викторовна. Курск, 2008. 168 с.
11. *Паневина О. С., Трофимова Ю. А.* Компьютерная терминология как лингвокультурный феномен // Наука и образование в XXI веке : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., 28 февр. 2018 г. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2018. Ч. 3. С. 125–126.
12. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 590 с.
13. *Google Таблицы* : онлайн-приложение для работы с таблицами. URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/> (дата обращения: 02.03.2023).
14. *Google Формы* : программное обеспечение для администрирования опросов. URL: <https://docs.google.com/forms/> (дата обращения: 02.03.2023).
15. *Shevchuk T., Yasinska O.* Contemporary computer terminology problems: linguistic aspect // Grail of Science. 2023. № 24. P. 480–481.

16. Vidisheva S. K. Integrating factors of computer terminology formation // Роль государства и институтов гражданского общества в сохранении родных языков и литератур : материалы Междунар. науч.-практ. Конф., Чебоксары, 22–23 окт. 2020 г. Чебоксары: Среда, 2020. С. 9–12.

References

1. Babalova, GG 2009, *Sistemno-aspektualnoye funktsionirovaniye kompyuternoy terminologii* (System-aspectual functioning of computer terminology), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
2. Komleva, IL 2006, *Printsipy formirovaniya russkoy kompyuternoy terminologii* (Principles of formation of Russian computer terminology), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
3. Krivko, IP 2010, 'Vliyaniye parametra «vozrast» na funktsionirovaniye sinonimicheskoy atraktsii v leksikone individa' (The influence of the "age" parameter on the functioning of synonymic attraction in individual's vocabulary), *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, vol. 1, no. 1, pp. 217–220. (In Russ.)
4. Lebedeva, SV, Denisova, VV & Dmitrieva EV 2021, 'Yazyk i deystvitelnost: nekotoryye aspekty vzaimodeystviya' (Language and reality: aspects of interaction), *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 1(40), pp. 151–158. (In Russ.)
5. Levonovich, NI & Tsyganova, TF 2016, 'Kompyuternaya terminologiya v russkom yazyke' (Computer terminology in the Russian language), *Aktualnyye problemy sovremennogo obshchestva*, no. 4, pp. 208–210. (In Russ.)
6. Leontyev, AN 1983, *Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya* (Selected psychological works), vol. 1, Pedagogika publ., Moscow. (In Russ.)
7. Lobanova, MA 2009, *Strukturno-semanticheskiye osobennosti sovremennoy komp'yuternoy terminologii: na materiale ispanskogo yazyka* (Structural and semantic features of modern computer terminology: based on Spanish language), PhD thesis, Chelyabinsk. (In Russ.)
8. Nikolova, D 2017, 'Variativnost komp'yuternykh terminov kak spetsifika formirovaniya kompyuternoy terminosistemy' (Variability of computer terms as a specificity of the formation of computer terminology), *Problemy kognitivnogo i funktsional'nogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov*, no. 11, pp. 94–120. (In Russ.)
9. Orlova, MV 2008, 'Osobennosti usvoyeniya komp'yuternoy terminologii' (Features of mastering computer terminology), *Vestnik MGPU. Informatika i informatizatsiya obrazovaniya*, no. 16, pp. 152–156. (In Russ.)
10. Orlova MV 2008, 'Spetsifika identifikatsii komp'yuternoy terminologii: eksperimental'noye issledovaniye' (The specifics of the identification of computer terminology: an experimental study), PhD thesis, Kursk. (In Russ.)
11. Panevina, OS & Trofimova, YuA 2018, 'Kompyuternaya terminologiya kak lingvokulturnyy fenomen' (Computer terminology as a linguocultural phenomenon), *Nauka i obrazovaniye v XXI veke : sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, no. 3, pp. 125–127, Tambov. (In Russ.)
12. Rubinshteyn, SL 1957, *Bytiye i soznaniye. O meste psikhicheskogo vo vseobshchey vzaimosvyazi yavleniy material'nogo mira* (Being and consciousness. About the place of the psychic in the universal interrelation of the phenomena of the material world). Izd-vo Akademii nauk SSSR publ., Moscow. (In Russ.)
13. *Google Sheets*, viewed 02 March 2023, <https://docs.google.com/spreadsheets/>
14. *Google Forms*, viewed 02 March 2023, <https://docs.google.com/forms/>
15. Shevchuk, T & Yasinska, O 2023, 'Contemporary computer terminology problems: linguistic aspect', *Grail of Science*, pp. 480–481.
16. Vidisheva, SK 2020, Integrating factors of computer terminology formation, *Rol gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshchestva v sohraneni rodnykh yazykov i literatur*, pp. 9–12, Cheboksary.

Статья поступила в редакцию: 09.03.2023
Одобрена после рецензирования: 23.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 09.03.2023
Approved after reviewing: 23.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023

Научная статья
УДК 811.161.1'28
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-90-102>

ЛЕКСИКА, НАЗЫВАЮЩАЯ ЖЕНСКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ, КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ БЫТА (НА ПРИМЕРЕ ГОВОРОВ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ НЕПРЯДВЫ)

*Любовь Владимировна
Кильмаматова*

Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия,
lubochka95.95@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6865-9504>

Аннотация. Данная статья посвящена анализу лексики говоров верхнего течения реки Непрядвы. Лексическая система говоров указанной территории отражает различные проявления человеческой деятельности, в том числе деятельности, связанной с бытовой культурой. Целью данного исследования является системное рассмотрение лексики говоров верхнего течения реки Непрядвы, которая является отражением многообразия бытовой культуры населения, проживающего на данной территории. Весь корпус зафиксированных лексем, собранных в таких населённых пунктах, как д. Красный Холм, д. Алексеевка, д. Пруды, с. Никитское и с. Непрядва, был классифицирован по тематическим группам. Так, были выделены следующие группы диалектной лексики: 1. Устройство жилища населения; 2. Предметы быта; 3. Народный костюм; 4. Питание. В рамках данной статьи анализируются лексемы, репрезентирующие народный костюм и его детали, а именно, элементы женского народного костюма. Собранный диалектный лексический материал был сопоставлен с данными ряда лексикографических источников, таких как сводный «Словарь русских народных говоров» (СРНГ), «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Новый словарь русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой. Женский народный костюм, как один из самых ярких элементов народной культуры, номинируется целым комплексом лексических единиц. Следует отметить, что диалектные лексические факты, относящиеся к тематической группе «Бытовая культура», в том числе к названию одежды, ее деталей и особенностей, несмотря на определенную тенденцию к нивелированию, продолжают существование в современных говорах.

Ключевые слова: лексическая система говоров, культура быта, тематические группы, тульские говоры, река Непрядва, Воловский район, Тульская область, женский народный костюм.

Для цитирования: Кильмаматова Л. В. Лексика, называющая женский народный костюм, как отражение культуры быта (на примере говоров верхнего течения реки Непрядвы) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 90–102. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-90-102>.

Сведения об авторе: Л. В. Кильмаматова – аспирант кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 811.161.1'28
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-90-102>

**VOCABULARY REFERRING TO WOMEN'S FOLK COSTUME
AS A REFLECTION OF EVERYDAY CULTURE
(USING THE EXAMPLE OF DIALECTS OF THE UPPER NEPRYADVA RIVER)**

Lyubov V. Kilmamatova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia,
lubochka95.95@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6865-9504>

Abstract. The article analyses the vocabulary of the dialects of the upper Nepryadva River. The lexical system of the dialects of the area reflects various human activities, including those related to domestic culture. The aim of this study is to carry out a systematic analysis of the vocabulary of the dialects of the upper Nepryadva River, which reflects the diversity of the everyday culture among the people living in this area. The entire corpus of fixed tokens collected in such localities as the village of Krasny Holm, the village of Alekseevka, the village of Prudy, the village of Nikitskoye and the village of Nepryadva was classified into thematic groups. The following groups of dialect vocabulary have been identified: 1. Household equipment; 2. Household objects; 3. Folk costume; 4. Food. The article presents the analysis of the lexemes representing folk costume and its details, namely elements of women's folk costume. The article also compares the collected dialectal lexical material with data from a number of lexicographic sources, such as the Dictionary of Russian Folk Dialects, the Dictionary of the Russian Language edited by A. P. Evgenieva, the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language edited by V. I. Dahl, the New Dictionary of the Russian Language edited by T. F. Efremova. Women's folk costume, as one of the brightest elements of folk culture, has a number of names represented by a complex of lexical units. It should be noted that the dialectal lexical facts related to the thematic group of "household culture", including the names of the clothes, their details and features, continue to exist in modern dialects, in spite of a certain tendency to levelling.

Keywords: lexical system of dialects, culture of everyday life, thematic groups, Tula dialects, the Nepryadva River, Volovskiy district, Tula Oblast, women's folk costume.

For citation: Kilmamatova, LV 2023, 'Vocabulary Referring to Women's Folk Costume as a Reflection of Everyday Culture (Using the Example of Dialects of the Upper Nepryadva River)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 90–102, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-90-102> (in Russ.)

Information about the Author: *Lyubov V. Kilmamatova* – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

Культурно-маркированная лексика является устойчивым и мощным средством трансляции представлений о народном быте, сложившемся в течение ряда веков на определённой территории. В последнее время возникла насущная проблема изучения и сохранения культурного и языкового наследия регионов. Народная речь является ценным достоянием духовного богатства русского народа. Говоры сохраняют черты, утратившиеся в литературной форме, которые очень важны для понимания как истории развития языка, так и истории развития и формирования социума, его традиций и образа жизни того или иного этноса. В говорах ярко отражается национальное мировоззрение.

Тульская диалектная лексика, как и лексика любого региона, достаточно разнообразна, но к настоящему моменту её нельзя считать окончательно изученной. С другой стороны, сама территория распространения лексических единиц, а именно территория верхнего течения реки Непрядвы, не может не вызывать интереса, она имеет богатую историю, характеризуется яркими элементами народной культуры, но не может считаться изученной в достаточной степени.

Народная культура представляет собой «устойчивую совокупность обычаев, верований, миропониманий, мировоззрений, правовых, этических и эстетических норм, сложившуюся в ходе исторического развития человеческих отношений, от первобытнообщинного уровня до формирования нации и национальной культуры, и востребованную в своих устойчивых образцах» [6, с. 32–33]. Для неё характерны пластичность, узнаваемость, импровизация, анонимность, синкретические, недифференцированные формы взаимоотношения с миром, которые передаются в процессе непосредственной коммуникации.

Отдельно остановимся на определении понятия «культурные традиции народа». В философском энциклопедическом словаре находим следующее определение: «традиция (лат. *traditio* – передача, предание) – исторически сложившиеся и передаваемые от поколения к поколению обычаи, обряды, общественные установления, идеи и ценности, нормы поведения и т.п.; элементы социально-культурного наследия, сохраняющиеся в обществе или в отдельных социальных группах в течение длительного времени» [16, с. 577].

Исходя из определения, можно сказать, что традиции, в первую очередь, выполняют культурные функции сохранения и передачи ценностей, обычаев, обрядов и т.д., устанавливают преемственность культуры. Для каждого народа характерны определённые традиции, отличающиеся обычаями, обрядами, вкусами, взглядами и др.

Основные понятия у народов, проживающих в одну историческую эпоху, совпадают. Однако разные народы, представители разных культур, осваивая мир, выделяют различные его элементы. Это выражается в своеобразии понятийно-логического аппарата, а также в своеобразии лексического состава, грамматических форм, в различных наименованиях предметов объективной действительности, в неповторимости значения пословиц и поговорок, крылатых выражений. Культурно-бытовые факты приобретают для человека статус ценности, имеют социальное и культурное значение, являются ориентиром деятельности и поведенческих проявлений, связаны с мотивационно-волевой сферой, определяют мировоззрение и нравственные убеждения субъекта. По мнению Е. И. Пассова, «влияние фактов культуры на человека не односторонний процесс. Ведь человек выступает здесь не объектом воздействия фактов культуры на него, а субъектом, т.е. имеет место взаимодействие с фактами культуры, общение с ними и, как любой процесс общения, такое взаимодействие диалогично» [11, с. 13].

Нас понятия культурных традиций волнуют в аспекте их преломления в рамках бытовой культуры. Проведение обрядов, праздников, ритуалов во многом связано с образом жизни, ежедневным бытом.

Лексика, содержащая в своей семантике культурно-маркированные компоненты, распространённая в верхнем течении реки Непрядвы, может рассматриваться как часть диалектной системы, отражающей ряд особенностей культурной специфики данного региона.

В рамках данного исследования весь корпус зафиксированных лексем, относящихся к бытовой культуре, был распределён по тематическим группам, таким как устройство жилища, предметы быта, народный костюм и питание. Внутри них были выделены более конкретные подгруппы. Изучение тематических групп диалектной лексики дает возможность системно рассмотреть образ жизни населения определённой территории: понять существовавшие детали быта, правила ведения хозяйства, определить особенности устройства жизни и др.

Диалектная лексика является не только частью языковой системы, существующей в некоторой местности, но и частью культурного богатства и разнообразия традиций русского народа. В диалектной лексике верхнего течения реки Непрядвы наблюдается определённая идеографическая системность, которая обусловлена реалиями жизни. Уклад жизни населения формирует бытовую систему. Соответственно, диалектные лексические единицы образуют лексическую систему, которая номинирует эту бытовую систему.

Материалы и методы

Материалом данного исследования послужила диалектная лексика, собранная нами в результате проведения полевых практик и экспедиций в д. Красный Холм, д. Алексеевка, д. Пруды, с. Никитском и с. Непрядве Воловского района Тульской области в 2013 – 2022 гг., территориально расположенных вдоль верхнего течения реки Непрядвы; лексические единицы, отобранные методом сплошной выборки из диалектных словарей (данные «Словаря русских народных говоров»); материалы экспедиции А. Н. Нечаевой 1927 года.

Цель данного исследования заключается в системном рассмотрении лексики говоров верхнего течения реки Непрядвы, которая является отражением многообразия бытовой культуры населения, проживающего на указанной территории.

Для достижения цели исследования применялись метод непосредственного наблюдения над речью жителей названных выше населённых пунктов; метод опроса, проводимого с опорой на программу собирания сведений для «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ); описательно-аналитический метод, который включает в себя приёмы сбора и лингвистического анализа диалектного лексического материала; сравнительно-сопоставительный метод (зафиксированные диалектные лексемы сопоставлялись и сравнивались с лексемами из диалектологических словарей и толковых словарей русского языка); метод компонентного анализа (для определения семантического объема диалектных единиц); лингвокультурологический метод (для оценки взаимосвязи диалектных единиц с культурой народа). В рамках данного исследования было проанализировано 36 лексем.

Результаты

Территория реки Непрядвы имеет богатую историю. Исторические источники свидетельствуют, что переломным этапом в хозяйственном освоении района был XVII век, когда резко возросла заселенность территории и водораздельные пространства были распаханы [17, с. 52–53].

Можно сказать, что на рассматриваемой территории исторически складывалось традиционное ведение хозяйства, что в целом было характерно для лесостепной зоны, для той территории, которую мы сейчас именуем Центральная Россия. Вполне

естественно, что основные виды деятельности людей, бытовая культура народа верхнего течения реки Непрядвы не могли не отразиться на существовании лексических единиц, репрезентирующих такие виды деятельности, как земледелие, животноводство, птицеводство, рыболовство и т.д.

Весь корпус зафиксированных лексем, собранных в указанных населённых пунктах данной территории, относящийся к бытовой культуре, был классифицирован по тематическим группам. Так, были выделены следующие группы диалектной лексики: 1. Устройство жилища населения; 2. Предметы быта; 3. Народный костюм; 4. Питание.

В рамках статьи мы остановимся на рассмотрении тематической группы «Народный костюм», которая включает в себя наименования элементов женской и мужской одежды, головных уборов, украшений и обуви. Народный костюм является самым ярким фактом культуры, т.к. именно одежда содержит информацию о возрасте и социальном статусе владельца, месте проживания, жизненном укладе, обычаях, религиозных представлениях людей и т.д.

В последнее время народная одежда становится предметом исследования одного из разделов философии – культурологии. Традиционная одежда рассматривается как культурное пространство человека, в котором разворачивается его бытие, и одновременно как символический контекст культуры.

Предметом лингвистического анализа в русском языке неоднократно становились наименования различных элементов одежды. Исторический аспект изучения словаря одежды различных эпох взят за основу в трудах Е. В. Антошковой [1], Е. Н. Борисовой [2], Н. В. Концовой [5], Г. М. Мироновой [7], Г. В. Судакова [14] и др.

Ряд работ посвящён местным наименованиям одежды, например, статьи Г. А. Власовой («Некоторые названия женской одежды в говорах Брянской области» [3], В. А. Моисеевой («Названия одежды, тканей в говоре русских старожильческих поселений») [8], Е. В. Ухмылиной («Названия старинной женской одежды нижегородских будаков» [15] и др.

Обращаясь к костюму народа, проживающего по берегам реки Непрядвы, мы будем ориентироваться не только на материал, собранный в результате наших экспедиций, но и на материал, зафиксированный в экспедиции А. Н. Нечаевой 1927 года. Собранный таким образом лексический материал сопоставлен с данными ряда лексикографических источников, в том числе с данными сводного «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Нового словаря русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой.

Проиллюстрируем указанную группу лексическими единицами, именуемыми женский народный костюм, его основные элементы, а также ткани, из которых он был изготовлен.

Костюм представлял собой понёвный комплекс, в котором основной частью служила *понёва* с её элементами – рубашкой, подставкой и занавеской. Понёва представляла собой юбку из домотканой шерстяной материи, состоящей из нескольких полотен [пан'о'въ была' шшы'тъ ис шэ'рс'т'и] (с. Никитское). В СРНГ данная лексема является многозначной, но ни одно из значений не соответствует данному: «Понёва... 1. Домотканая шерстяная материя. Тул. Моск. 2. Нижняя юбка. Костром.» [12, с. 254]. В МАС встречаем данную лексему с пометой *обл.* в анализируемом нами значении: «Понёва... Обл. Род юбки из домотканой шерстяной ткани, клетчатой или полосатой» [13, с. 288]. А в «Современном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой данное понятие обозначается лексемами панёва (понёва): «Панёва... Юбка из трёх полотнищ шерстяной, обычно полосатой или клетчатой яркой ткани, носимая крестьянками» [10].

Следует сказать, что лексема понёва в значении 'юбка из домотканой шерстяной материи' значительно распространена на тульской территории, употребляется и в литературном языке.

Понёвы шили в три полотна и с *прошвой*. Прошва – это узкое полотнище, которое располагалось спереди понёвы и изготавливалось из отличной от основного полотнища ткани [jэ'тъ така jь нъхвэс'т'э' бл'ис'т'и'т] (д. Пруды). В СРНГ представлено подобное значение: «Прошва... 1. Полотнище, клин из другой ткани, вставляемые в понёву. Ворон., Тамб., Ряз., Тул.» [12, с. 46]. Здесь наблюдается тульская локализация. В литературном языке также обнаружена лексема прошва, но в несколько другом значении, например, в «Современном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой: «Прошва... 2) Узкая полоска материала, вшиваемая в швы одежды (обычно форменной) или обуви» [10] или в МАС: «Прошва... Прошивка, узкая полоска кружева, ткани или кожи, вшитая, вставленная между чем-л» [13, с. 546].

Прошвы понёв делались преимущественно из синей и красной *китайки*, т.е. хлопчато-бумажной ткани. В СРНГ находим следующее определение: «Китайка... Холст с льняной основой и бумажным утком. Нинчегор., Акад 1909). В МАС также находим данную лексему с указанием на то, что китайка является старинной хлопчатобумажной тканью: «Китайка... Старинная плотная, чаще синяя, ткань, первоначально шелковая, ввозимая из Китая, позднее хлопчатобумажная, производимая в России» [13, с. 52]. В селе Никитском понёвы надевали прошвой на бок, в селе Березовке – со стороны правого бока, а во многих других селах – спереди. Прошвы чётко ограничивались полосками ярко-красной ткани, кумачом, или *позументом*. В СРНГ находим данную лексему: «Позумент... Под позумент выстрочить, вышить и т.п. Украсить (одежду) позументом, нашить позумент. Вост-Казах.» [12, с. 339]. В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля также встречаем лексему: «Позумент... золотая, серебряная или мишурная (медная, оловянная) тесьма; золототканая лента, повязка, обшивка, оторочка; галун, гас» [4]. В МАС представлено подобное значение лексемы: «Позумент... Шитая золотом или серебром тесьма, предназначенная для украшения одежды, мебели; галун» [13, с. 240]. Данная лексема употребляется как диалектах, так и в литературном языке.

В отношении ткани понёвы были представлены двух видов. Первый вид понёвы изготовлялся исключительно из свойской шерсти, т.е. из домотканой материи. Лексема *сво́йский* является диалектной. Так, в СРНГ находим: «Свойское... ср., в знач. сущ. Одежда, белье из домотканой материи. Керен. Пенз., Ряз., Новосибир.» [12, с. 319]. В литературном языке данная лексема имеет иное значение и употребляется с пометами *устар.* и *прост.*, например, в МАС: «Свойский... 1. устар. и прост. Родной или связанный близкими отношениями, совместной работой, общими убеждениями и т. п.» [13, с. 56].

Второй вид представлял собой понёву, где свойская овечья шерсть комбинировалась с рыночной *шлёнкой*. В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля встречаем данную лексему: «Шлёнка, шлёнская овца... порода, вывезенная Петром I из Силезии» [4]. В «Современном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой представлено подобное значение: «Шлёнка... Овца тонкошерстной шлёнской породы» [10]. Шлёнка – это шлёнская порода овец, вывезенных из Силезии, которая отличается нежным тонким руном, шерсть их очень ценится и в продаже известна как шлёнская шерсть. Шлёнка всегда была белой.

В отношении орнамента и цвета понёвы подразделялись на красные, чёрные, редкоклетки и седые.

В красных понёвах по красному полю ткались большие клетки. Их красили *маре́ной*. В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля находим лексему:

«Марена... ж. растен. *Rubia tictorum*, брус, крап, марзан (маржан), красильный корень, растущий на прикаспийских степях и разводимый на Кавказе [4]. Подобное значение встречаем и в «Современном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой: «Марена... 1. Травянистое растение, из корней которого добывается красящее вещество – крапп. 2. Корень такого растения, употребляемый как лекарство и как краситель» [10]. Из корней марены добывалась красная краска, которую использовали при покраске ткани. Такие понёвы бытовали в селе Монастырщине, молодые женщины надевали их в качестве праздничного наряда. В других сёлах такую понёву не помнят.

В чёрных понёвах по чёрному полю ткались большие клетки в три цвета – белый, красный и зеленый. Подобные понёвы встречались в селе Монастырщине и в селе Буйцы. Чаще всего эти понёвы носили старушки, молодые же женщины надевали их только в «несчастных случаях», поэтому их называли *горёвою*. Данная лексема не обнаружена ни в диалектных, ни в литературных словарях. Но в МАС находим лексему *горево́й*: «Горево́й... Испытывающий горе; несчастный» [13, с. 333]. Так как такая понёва надевалась в случае горя, появилось такое название.

В селе Никитском и Непрядве к подолу понёв пришивали тесьму из красной и желтой шерсти – *муту́зок*. В СРНГ зафиксировано следующее значение: «Мутузок... 2. Цветная тесьма, тканная на дощечках. Тул.» [12, с. 34]. Лексема имеет тульскую локализацию. В словарях литературного языка лексема мутузок не была обнаружена.

В селе Богоявленском, Ростове и Михайловском такую тесьму называли *по́ясом* и делали её значительно шире. В СРНГ находим подобное значение: «Пояс... 1. Плетёная шерстяная обшивка по подолу верхней женской одежды. Ряз.» [12, с. 47]. В словарях литературного языка лексема имеет другое значение, например, в «Современном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой: «Пояс... м. 1. Длинная узкая полоса из ткани, шнур, ремень и т.п. для подпоясывания одежды по талии. || Полоса ткани, пришиваемая в верхней части юбки, штанов» [10]. В данном значении лексема пояс употребляется только в диалектном языке, т.е. является семантическим диалектизмом. И диалектное, и литературное значение лексемы обозначает расположение данного предмета по кругу.

В сёлах Буйцы и Монастырщине понёвы украшали красным сукном – *по́зуме́нтами*, шёлковыми лентами разных цветов в несколько рядов пояса – *гы́та́нчиками*. В СРНГ находим подобную лексему *гы́тан*: «Гы́тан... Гайтан. Украшение в виде ленты, тесьмы, цепочки и т. п. [12, с. 101]. В литературном языке данная лексема не обнаружена. Лексема *гы́танчик* является уникальной для данной местности.

Верх понёвы делался на гашнике. *Га́шники* (шнуры) ткались из свойской шерсти или на ниту косариком (деревянный ножичек, применяемый при тканье поясков), или на пальцах. Узор был «в полоску», «кучками» или «окошечками». В деревне Красный Холм такой шнур, которым подвязывали юбки, назывался *нага́шником* или *напо́ясником* [нас'и'л'и шыро'к'ьји нага'шн'ик'и, а то напо'јьс'н'ик'и, пл'ату'т' в'ир'о'въч'к'и так'и'ја ис ширст'аны'х н'и'тък, шнуро'к, ју'пк'и падв'а'зывъјут']. В СРНГ находим лексему *гашник*: «Гашник... 1. Пояс, шнурок, который продевается в верхнюю часть штанов или юбки для их подвязывания. Ряз., Курск., Орл. Дон., Ворон., Тул., Тамб., Саратов.» [12, с. 155]. Здесь же встречаем и лексему *нагашник* в подобном значении: «Нагашник... Веревка, шнурок в верхней части брюк, штанов для их подвязывания, гашник. Мосал., Калуж.» [12, с. 195]. Лексема пояс употребляется в сходном значении: «Напоясник... Пояс. Куртамыш. Урал.» [12, с. 95]. В словарях литературного языка можно обнаружить только лексему *гашник* с пометой *обл.*, например, в МАС: «Гашник... обл. Поясок, шнурок, продеваемый в верхнюю часть штанов для их подвязывания, а также верхняя кромка штанов» [13, с. 302].

В недавнем прошлом понёва бытовала почти в каждом районе Тульской губернии, со временем она стала использоваться только как праздничный наряд или как стилизация костюма.

Руба́шка служила основной и необходимой принадлежностью понёвного костюма. Она надевалась непосредственно на тело. Рубашки делались из свойского холста. В СРНГ лексема имеет следующее значение: «Рубашка... 1. То же, что рубаха в 1-м значении, а) Женская сорочка, надеваемая под сарафан. Горьк., Мар., Киров., Урал. Новг.» [12, с. 217]. В современном литературном языке лексема имеет отличающееся от данного значение, например, в МАС: «Рубашка... 1. а) Мужская одежда для верхней части тела, употребляемая как принадлежность белья или как верхняя одежда. б) Женская или детская одежда, употребляемая как принадлежность белья [13, с. 734]. Рубашка представляла собой длинную туникообразную одежду и состояла из *стану́шки*, *подста́вы* или *подста́вки* [руба́хъ сшы́ть така́'яь бялох'н, а кн'э'й ју'пкъ пр'ишы́ть, ју'пкъ была́ ис халст'и'ны – јэ́ть пацта'фкъ] (с. Никитское), рукавов и полико́в. В СРНГ находим данные лексем: «Станушка... 1. Цельнокроенная основа женской рубашки, к которой пришивают ворот и рукава. Новг., Даль, Тобол.» [12, с. 64]. В литературном языке лексема станушка не употребляется. «Подставка... 1. Нижняя часть женской рубашки (из более грубой ткани). Ворон., Курск., Ряз., Тамб., Калуж., Моск.» [13, с. 194]. «Подстава... 1. То же, что подставка (в 1-м знач.). Вят., Костром., Яросл., Моск., Ряз., Волог.» [12, с. 193]. Литературное значение лексем подставка и подстава совершенно иное, например, в МАС: «Подставка... 1. Действие по глаг. подставить – подставлять (в 1 и 2 знач.). 2. То, что подставляют подо что-л. или на что ставят что-л. || Подпорка, поддерживающая что-л.» [13, с. 220], «Подстава... 1. То же, что подставка (во 2 знач.). 2. Сменные лошади, приготовленные впереди по пути следования кого-л., а также место смены лошадей» [13, с. 219]. Нижняя часть юбки выступала в качестве опоры рубашки, то, на что пришивали верхнюю часть. Возможно, по данному признаку образовались такие названия.

Рубашки были двух типов: с косым поликом и с прямым поликом. *Поли́к* или *полика́* – это вставка из красного ситца на плечах рубахи в виде косяка [а нъ руба́х'ь с'и'т'ьц был – пъл'ика́ кра'снѣ'яь, нъ пл'ич'а'х был кас'а'к] (с. Никитское). В СРНГ лексемы поли́к, полика́ имеют следующее значение: «Полик... Яркая тканая или вышитая вставка на плечах рубахи, кофты и т.п. Смол., Калуж.», «Полика... Яркая тканая или вышитая вставка на плечах рубахи, кофты и т.п. Обоян., Курск., Тул., Ворон., Пенз., Орл.» [12, с. 72]. В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля находим лексему полика́: «Полика... 2. вор. (плечо) оплечник рубашки, наплёка, шиток» [Даль, 1990]. В литературном языке данная лексема не зафиксирована. Она является собственно диалектной.

Рубашка с косым поликом делалась из четырёх полотен. Их рукав был прямой, с косяком, без ластовиц. Обычно рубашку украшали поликами из кумача или ситца. В некоторых местах, главным образом в селе Непрядве, их делали из свойского холста.

Подстава по своему происхождению – позднее явление в костюме женщин. Их надевали в праздничные дни вниз под понёву. Подстава изготовлялась из белого самотканого холста в четыре прямых полотнища. Её верх делался на гашнике. Низ подставы украшали узорами. По краю подола пришивался *окра́йник* из домашнего кружева, связанного крючком. В СРНГ находим лексему: «Окрайник...5. Украшение из кружев, оборок по краю подола рубахи, передника. Тул.» [12, с. 162]. Лексема имеет тульскую локализацию. В литературном языке данная лексема не зафиксирована. Название произошло от расположения крайника по краю подола рубахи.

Поверх рубашки и понёвы надевали *занаве́ску* [нѣд'ива'л'и пан'о'ву, а св'э'рху зънав'э'ску, ана́ то'жъ халсти'нѣ'яь, нѣпадо'б'ѣји фа'ртукъ, а тут кружа'фч'ик'и] (д. Красный Холм) или *напере́дник* [нѣп'ир'э'д'н'ьч'к'и так'и'яь вы'шаты'яь.

Нъп'ир'э'д'н'ик – јэ'ть как фа'ртук] (д. Алексеевка). По своему внешнему виду она представляла собой туникообразную одежду, которая надевалась с ворота через голову и в рукава. В СРНГ зафиксированы данные лексемы: «Занавеска... 1. Женский передник с короткими рукавами и лифом. Волог., Ряз., Влад., Моск., Орл., Тул., Брян.; 2. Фартук без рукавов. Новг., Тул., Орл., Ряз., Калуж.» [12, с. 272–273]. «Напередник... Передник, фартук. Кадн. Волог.» [12, с. 70]. В словарях литературного языка зафиксирована только лексема занавеска, например, в МАС: «Занавеска...1. Полотнище ткани для завешивания или отгораживания чего-л.2. обл. Передник, фартук» [13, с. 549]. Занавеска в значении 'фартук' представляет собой часть женского костюма. Они очень часто отделялись вышивкой, узорами, что подчеркивало важность элемента женского костюма. Это имело еще и символическое значение: быть границей, которая скрывала женщину, закрывала её от посторонних глаз.

По форме своей кройки она делилась на два типа. Первый тип – занавеска длинная, прямая, из целого холста от плеч и до конца её подола. Она не сшивалась на плечах, перегибалась полотном к спине. При раскройке занавеска представляла собой две части – рукава и станушку. Второй тип – занавеска с колодочкой. Её составляют три части: рукава, станушка и колодочка (грудинка). Стан этой занавески пришивался в сборку к грудинке, которая делалась сзади «с окошечком». В СРНГ находим диалектную лексему *коло'дочка*: «Колодочка... 15. Отрезная верхняя часть, грудка женского передника (иногда с рукавами), к которой пришиваются два присборенных полотнища ткани. Ряз.» [12, с. 161]. В словарях литературного языка данная лексема является уменьшительно-ласкательным к слову колодка, которое употребляется совершенно в другом значении, например, в «Современном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой: «Колодочка... 1. Деревянная болванка в форме ноги до щиколотки, применяемая при шитье и чистке обуви. || Болванка, деревянная форма для выделки любых шитых или клеёных изделий. 2. Деревянный или металлический брусок, используемый как приспособление различного назначения и т.д.» [10].

Рукава обеих занавесок были узкие, прямые, с клиньями. Их подола всегда украшали лентами из кумача или ситца и кружевами. Внизу, по краю подола, к ним пришивали крайники, или грибатки, т.е. оборки из ситца или кумача. В СРНГ зафиксирована лексема *гриба'тка*: «Грибатка... 2. Чаще мн. грибатки. Кружева, оборки, подзор, обшивка сборками. Нижегор., Даль., Тул.» [12, с. 140]. Отметим, что лексема характерна для территории бытования тульских говоров. В современном литературном языке данная лексема не обнаружена. Она является собственно диалектной.

В качестве верхней одежды к этому костюму надевали туникообразную одежду с прямым широким рукавом. В верховьях и по среднему течению реки Непрядвы такая одежда называлась *серяко'м*. Все серяки были белого цвета. В д. Красный Холм, д. Алексеевка и в с. Никитском серяки были без пуговиц: [с'ир'а'к – јэ'ть д'э'льјут ис шэ'рст'и б'э'льј, как п'иджа'к, б'ис пу'гв'иц, апшы'т гајта'н'ч'икъм'и] (с. Никитское), [јэ'т'и бы'л'и, с'ир'ак'и, исб'эльј шэ'рс'т'и, с'ир'ак'и ад'ива'л'и св'э'рху пан'о'вы. И он н'ъзъс'т'ага'лс'и] (д. Красный Холм), [пан'о'вы, с'ир'ак'и бы'л'и, как п'иджа'к был] (д. Алексеевка).

В СРНГ данная лексема имеет более 20 значений: «Серяк... м. 1. Повседневная верхняя одежда серого цвета. Молчан., Верхнекет. Том. || Женская теплая одежда, похожая на рубаху, с широкими прямыми рукавами или без них, надеваемая поверх платья. Богород. Тул.» [12, с. 228]. Отметим тульскую локализацию лексемы. В словарях литературного языка лексема серяк отсутствует.

Серяки часто обшивали каймой из красного материала, называемой в с. Никитском *гајта'н'чиками* [апшы'ть гајта'н'ч'икъм'и – мът'ир'иа'лъм кра'сным, сат'и'н тако'ј, пр'ишыва'л'ис' пъ краја'м с'ир'ака']. В СРНГ находим лексемы *гајта'н*, но ни

одно из значений не соответствует данному: «Гайтан... Синяя или красная тесьма, которой обшивают воротник, а иногда и рукава в мужских сорочках» [12, с. 101]. В словарях литературного языка лексема отсутствует.

В низовьях Непрядвы и по Дону подобная одежда называлась *ката́нка*, которая могла быть как белой, так и чёрной. В СРНГ находим лексему: «Катанка... 1. Широкое туникообразное платье с прямыми широкими рукавами. Тул. 2. Длинная верхняя крестьянская одежда обычно из самодельного сукна Зап., Даль, Смол.» [12, с. 123]. В словарях литературного языка данная лексема представлена в другом значении, например, в «Современном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой: «Катанка... Проволока, изготовленная путём горячей прокатки прокатка» [10].

Серяк и катанка служили верхней одеждой женщин. По своим выкройкам они были одинаковые. В том и другом случае каждый из них представлял собой туникообразную одежду с прямым широким рукавом. Ворот, полы и по подолу они были отделаны поликом. По цвету все серяки были белые, а катанки – белые и чёрные. Те и другие ткались на стане из своей шерсти. Катанки были короткие, выше колен, их носили без поясов.

Серяки обычно делали длинными – до колен и ниже, в давние времена они подпоясывались цветным *кушако́м* или *кушачко́м* [а тут пѣтпаја́сывѣл’и кушач’ко́м] (д. Пруды) с махрѣными концами, которые спускались спереди. В СРНГ представлены другие значения лексемы. А в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля находим лексему в анализируемом нами значении: «Кушак... пояс или опояска, широкая тесьма, либо полотнище ткани, иногда с бархатом по концам, для обвязки человека в перехвате, по верхней одежде» [4]. В литературном языке также употребляется данная лексема, например, в «Современном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой: «Кушак... Пояс, обычно из широкого длинного куска материи или шнура» [10]. Лексема *кушачок* в словарях диалектного языка не обнаружена. В литературном языке она употребляется в качестве уменьшительно-ласкательной формы к слову *кушак*.

Также в д. Красный Холм и в с. Никитском как мужчины, так и женщины подпоясывались *покро́мкой* [д’э’лѣл’и пакро’мк’и, пѣдпаја́сывѣл’ис’, была́ фтр’и’ па’л’цѣ шыр’ино’ј] (с. Никитское), [патпаја́сывѣл’ис’, краси́ выјѣ бы’л’и, дл’и’ныјѣ, бухмар’о’ныјѣ] (д. Красный Холм). В СРНГ находим подобное значение лексемы: «Покромка... 1. Домотканый цветной женский пояс. Тамб., Тул., Ряз., Костром., Дон.» [12, с. 11]. Лексема имеет тульскую локализацию. В литературном языке лексема имеет другое значение, например, в МАС: «Покромка... Полоска края, кромки ткани, употребляемая для различных целей» [13, с. 251–252].

Покромку украшали бахромой – *кута́сиками* или *бухмаро́й* [пакро’мкѣ была́ апшы’тъ кута’с’икѣм’и – јэ’тъ бухмара’] (с. Никитское), [вот тут плѣто’к, а тут вот н’и’тъч’к’и, бухмары́ нѣшыва’л’и] (д. Красный Холм). В СРНГ зафиксирована лексема *кутасы* в подобном значении: «Кутасы... 2. Кутасы. Кисти пояса. Спас., Пенз.» [12, с. 166]. «Бухмара... Бахрома. Ржев., Твер., Балахн. Нижегород., Ковров. Влад., Смирнов. Дубен. Тул.» [12, с. 323]. Лексема имеет тульскую локализацию. В Словарях литературного языка обе лексемы не зафиксированы. Они являются собственно диалектными.

Местным старинным нарядом девушек считался сарафан. В деревне Пруды различают сарафан и сукман. *Сукма́н* считали «исстари нашим», а сарафан – введенным помещиками в более позднее время. В СРНГ зафиксирована лексема в подобных значениях: «Сукман... 4. Сарафан из домотканого сукна; шерстяной сарафан. Осташк. Твер., Арх. Волог., Карел. 5. Нарядная женская одежда: кафтан или сарафан. Задон. Ворон.» [12, с. 198–199]. В литературном языке лексема не обнаружена.

Сарафаны были двух типов. Одни делались из белой свойской шерстяной материи. Сарафаны шились с проймами или ляжками и воротом, выкроенным из среднего полотнища, перегнутого пополам. Бока и середина делались из прямых полотен и подмышками собирались на сборках. Пройму и ворот сарафана отделявали кумачом или ситцем, а подол – лентами. Для этих мест такой сарафан считался «старым туземным костюмом».

Другие сарафаны были ситцевые или из фабричной шерстяной материи. Они были тоже прямые, но на сборках кругом и с пришитыми ляжками. По подолу украшались тесьмой, позументом и лентами. Их часто называли *растега 'н*. Ни в диалектных, ни в литературных словарях лексема не зафиксирована. Она является уникальной для данной местности.

Вместе с сарафаном из свойской шерсти надевали рубашку и занавеску. К ситцевым сарафанам надевалась миткалевая рубашка с широкими шитыми рукавами и высокий, подвязанный подмышки, фартук. Обычно, девушки носили их до венца [9, с. 47–56].

Обсуждение результатов

Женский костюм, распространенный на территории верхнего течения реки Непрядвы, в общем плане идентичен костюмам иных районов Тульского края, то есть это в основном понёвный комплекс, который в целом можно отнести к южнорусскому варианту костюма. Кроме того, нами были зафиксированы названия головных уборов, украшений и обуви, которые являлись дополнением понёвного комплекса, например, *пово'йник* (женский головной убор), *подгло'тник* (женское шейное украшение), *венге'рки* (невысокие сапоги с опушкой) и мн.др..

Народный костюм является важным элементом каждой культурной системы, исторической цивилизации. Он непосредственно связан с образом жизни человека. Костюм указывает на этническую и социальную принадлежность людей, показывает их индивидуальность. Костюм является отражением традиций каждого народа.

Заключение

Таким образом, в общем представлении о культуре важное место занимает понимание народной культуры. Как и культура в целом, так и народная культура определяются традицией. Культурно-бытовые факты являются элементами традиционного поведения определённого народа, отражающими его национальные черты, и представляют собой достаточно устойчивую систему. Культурно-маркированные слова образует систему, которая выражает определённые смыслы, связанные с проявлением фактов бытовой культуры. Народный костюм является одним из самых ярких фактов народной культуры. На примере данных диалектных лексем мы сформировали представление о народном костюме женщины, проживающей на данной территории. Следовательно, можем сделать вывод, что система говоров верхнего течения реки Непрядвы может отражать многообразие культуры быта данной территории.

Список источников и литературы

1. Антошечкина Е. В. Наименования одежды в памятниках русской письменности XV – XVIII веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Антошечкина Елена Владимировна. М., 1997. 247 с.
2. Борисова Е. Н. Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI – XVII вв. : дис. канд. филол. наук / Борисова Евгения Николаевна. Воронеж, 1956. 25 с.
3. Власова Г. А. Некоторые названия женской одежды в говорах Брянской области // Ученые записки ЛГПУ. 1968. Т. 325. С. 186–187.
4. Даль В. И. Хижа // Толковый словарь живого великорусского языка. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://gufo.me/dict/dal/хижа> (дата обращения: 19.12.2022). Доступна на сайте Gufo.me: Словари и энциклопедии.

5. Концова М. В. Архаическая лексика в воронежских говорах (на материале названий одежды) // Фольклор и литература: проблемы изучения : сб. статей. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 185–191.
6. Лысикова Н. П. Народная культура как креативный ресурс развития современного образования // Культура. Наука. Интеграция. 2012. № 2 (18). С. 109–114.
7. Миронова Г. М. Название одежды в древнерусском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Миронова Галина Михайловна. Киев, 1978. 228 с.
8. Моисеева В. А. Названия одежды и тканей в говоре русских старожильческих поселений // Ангаро-ленские говоры. Иркутск, 1972. С. 46–47.
9. Нечаева А. Н. Костюмы Тульского округа в районе рек Непрядва и Дон // Тульский край. 1929. № 2. С. 47–59.
10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 25.01.2021). Доступна на сайте Толковый словарь русского языка Ефремовой.
11. Пассов Е. В. Коммуникативное иноязычное образование. Липецк, 1998. 158 с.
12. Словарь русских народных говоров [СРНГ] / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–43. М.; Л.: Наука., 1965–2010.
13. Словарь русского языка [МАС]. В 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. 696 с.; 1986. Т. 2. 736 с.; 1987. Т. 3. 752 с.; 1988. Т. 4. 800 с.; то же. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999.
14. Судаков Г. В. Русская бытовая лексика XV – XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Судаков Гурий Васильевич. Вологда, 1985. 369 с.
15. Ухмылина Е. В. Названия старинной женской одежды нижегородских будаков // Исследования и материалы по русской древнеславянской языковой истории : межвуз. сб. Горький, 1975. Вып. 1. С. 72–82.
16. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. 559 с.
17. Хотинский Н. А. Ковыль-трава на Куликовом поле. М.: Мысль, 1988. 173 с.

References

1. Antoshenkova, EV 1997, *Naimenovaniya odezhdy v pamyatnikakh russkoy pismennosti XV – XVIII vekov* (Names of clothing in Russian written sources from the 15th – 18th centuries). PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
2. Borisova, EN 1956, *Iz istorii bytovoy leksiki ryazanskikh pamyatnikov XVI – XVII vv.* (History of everyday vocabulary of Ryazan monuments of the 16th – 17th centuries). PhD thesis, Voronezh. (In Russ.)
3. Vlasova, GA 1968, 'Nekotoryye nazvaniya zhenskoy odezhdy v govorakh Bryanskoy oblasti' (Some names of women's clothing in the dialects of the Bryansk region), *Uchenyye zapiski LGPU*, vol. 325, pp. 186–187. (In Russ.)
4. Dal, VI 1989 – 1991, *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* (the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language), vol. 1 – 4, viewed 19 December 2022, <https://gufo.me/dict/dal/xizha> (In Russ.)
5. Kontsova, MV 2001, 'Arkhaicheskaya leksika v voronezhskikh govorakh (na materiale nazvaniy odezhdy)' (Archaic vocabulary in Voronezh dialects (on the material of clothes names)), *Folklor i literatura: problemy izucheniya*, VGU publ., Voronezh, pp. 185–191. (In Russ.)
6. Lysikova, NP 2012, 'Narodnaya kultura kak kreativnyy resurs razvitiya sovremennogo obrazovaniya' (Folklife culture as a creative resource for the development of modern education), *Culture. The science. Integration*, no. 2 (18), pp. 109–114. (In Russ.)
7. Mironova, GM 1978, *Nazvaniye odezhdy v drevnerusskom yazyke* (The name of clothes in Old Russian literary language), PhD thesis, Kiev. (In Russ.)

8. Moiseyeva, VA 1972, 'Nazvaniya odezhdy i tkaney v govore russkikh starozhilcheskikh poseleniy' (Names of clothes and fabrics in the Russian dialect of old-residents' settlements), *Angara-Lena dialects*, Irkutsk. (In Russ.)
9. Nechayeva, AN 1929, Kostyummy Tulsogo okruga v rayone rek Nepryadva i Don (Costumes of the Tula district in the area of the Nepryadva and Don rivers), *Tulskiy kray*, no. 2, pp. 47–59. (In Russ.)
10. Efremova, TF 2000, *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy* (The New Explanatory-derivational Dictionary of the Russian Language), viewed 25 January 2021, <https://www.efremova.info/> (In Russ.)
11. Passov, EV 1998, *Kommunikativnoye inoyazychnoye obrazovaniye* (Communicative foreign language education), Lipetsk. (In Russ.)
12. Filin, FP & Sorokoletov, FP (eds.) 1965 – 2010, *Slovar russkikh narodnykh govorov* (The Dictionary of Russian Folk Dialects), vol. 1-43, Nauka publ., Moscow, Leningrad. (In Russ.)
13. Evgenieva, AP (ed.) 1985-1999, *Slovar russkogo yazyka* (The Dictionary of the Russian Language edited by A.P. Evgenieva), vol. 1 – 4, Russkiy yazyk publ., Moscow. (In Russ.)
14. Sudakov, IV 1985, *Russkaya bytovaya leksika XV – XVII v dinamicheskom i funktsional'nom aspektakh* (Russian everyday vocabulary of 15th – 17th centuries in the dynamic and functional aspects), PhD thesis, Vologda. (In Russ.)
15. Ukhmylina, EV 1975, 'Nazvaniya starinnoy zhenskoy odezhdy nizhegorodskikh budakov (Names of ancient women's clothing of the Nizhny Novgorod budaks)', *Issledovaniya i materialy po russkoy drevneslavyanskoy yazykovoy istorii* (Research and materials on Russian Old Slavic language history), no. 1, pp.72–82, Gorkiy. (In Russ.)
16. Frolov, IT (ed.) 1991, *Filosofskiy slovar* (Philosophical Dictionary), Politizdat publ., Moscow. (In Russ.)
17. Khotinskiy, NA 1988, *Kovyl-trava na Kulikovom pole* (Feather-grass on the Kulikovo field), Mysl publ., Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.03.2023
Одобрена после рецензирования: 24.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 10.03.2023
Approved after reviewing: 24.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 103–109.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 1 (13). P. 103–109.

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-103-109>

СФЕРЫ-ИСТОЧНИКИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН ТУЛЬСКОГО КРАЯ

**Ксения Сергеевна
Мозгачёва**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия,
mozgachevak@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6156-0237>

Аннотация. Статья посвящена изучению и рассмотрению сфер-источников прецедентных имён тульского края с целью определения особенностей и типичных черт, характерных фоновым знаниям жителей города в профанном (наивном) аспекте. Решение данной проблемы имеет значение для изучения лингвокультурного тульского текста. Задачами исследования являются составление симболярия культурно маркированных прецедентных единиц, отражающих ценности тульского региона, а также разработка словаря языковых единиц, репрезентирующих региональные особенности. В ходе исследования выявлены доминирующие когнитивные тематические группы: «Защита Отечества», «Промышленность» и «Духовная жизнь». Установлено, что процесс формирования данных концептосфер связан с преобладающей деятельностью жителей региона: оружейное дело, культура, промышленные заводы, участие в оборонительных и наступательных военных операциях. На примере симболярия тульского края показаны значимые прецедентные имена, даны их характеристики, типичные черты. Интерпретация эмпирического материала позволила нам систематизировать знания о прецедентных именах и представить их в виде словарной статьи. Полученные материалы будут использованы при работе над лингвокультурологическим словарем, а также для реконструкции модели региональной культуры.

Ключевые слова: прецедентные имена, сферы-источники, тульский край, региональная идентичность, симболярий культуры, тезаурус.

Благодарности: исследование «Симболярий региональной идентичности» выполнено за счёт средств гранта Российского научного фонда № 22-28-20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 года).

Для цитирования: Мозгачёва К. С. Сферы-источники прецедентных имён тульского края // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 103–109. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-103-109>.

Сведения об авторе: К. С. Мозгачёва – аспирант факультета русской филологии и документоведения, ассистент кафедры документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-103-109>

SOURCE SPHERES OF PRECEDENT NAMES OF THE TULA REGION

Ksenia S. Mozgacheva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia,
mozgachevak@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6156-0237>

Abstract. The article is devoted to the study and consideration of the source spheres of precedent names of the Tula region in order to determine the features and typical features characteristic of the background knowledge of the city's inhabitants in a profane (naive) aspect. The solution of this problem is important for the study of the linguocultural Tula text. The objectives of the study are to compile a symbolary of culturally labelled precedential units reflecting the values of the Tula region, as well as to develop a dictionary of language units representing regional characteristics. The study revealed the dominant cognitive thematic groups: "Defense of the Fatherland", "Industry" and "Spiritual Life". The study establishes that the process of formation of these concept spheres is associated with the predominant activities of the inhabitants of the region: weapons, culture, industrial plants, participation in defensive and offensive military operations. Using the example of the Tula region symbolary, the author of the article shows significant precedent names and provides their characteristics and typical features. The interpretation of empirical material allowed us to systematize knowledge about precedent names and present them in the form of a dictionary entry. The materials obtained will be useful for working on a linguocultural dictionary, as well as for reconstructing a model of regional culture.

Keywords: precedent names, source spheres, Tula region, regional identity, symbolary of culture, thesaurus.

Acknowledgements: The study "Symbolary of Regional Identity" was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-20342 and the Government of the Tula Region (agreement No. 6 of April 19, 2022).

For citation: Mozgacheva, KS 2023, 'Source Spheres of Precedent Names of the Tula Region', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 103–109, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-103-109> (in Russ.)

Information about the Author: *Ksenia S. Mozgacheva* – Postgraduate Student of the Faculty of Russian Philology and Documentary Studies, Assistant of the Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

Одним из актуальных направлений в лингвокультурологии в последнее время становится изучение фоновых знаний носителей языковой культуры в профанном аспекте. Многие известные учёные в своих трудах рассматривают взаимосвязь личности и культуры, например, Караулов [3], Гудков, Ковшова [2], а также выделяют лингвокультурные единицы, выступающие знаками культуры [7]. Предметом нашего исследования выступают прецедентные имена, определяемые в лингвокультурологическом словаре Г. В. Токарева следующим образом: «имя собственное, перешедшее в нарицательное и обозначающее какое-либо значимое явление, имеющее высокую степень распространённости» [8, с. 15]. Целью нашей статьи становится рассмотрение сфер-источников прецедентных имён, сформированных симболярием региональной культуры тульского края. Прецедентные имена становятся одними из важных составляющих исследования лингвистического симболярия тульской культуры. Данные лингвокультурные единицы выступают визитной карточкой города, так называемым брендом. Определение их сфер-источников в полной мере отражают ненаучные знания лингвокультурного общества.

Материал и методы

Основными методами исследования послужили: метод выявления типичных признаков, анализ данных, полученных экспериментальным путём, а также лингвокультурологическая интерпретация, которая, по мнению Г. В. Токарева, объясняет «семантику единиц языка и речи в категориях культуры» [6, с. 7].

Результаты и обсуждения

Алефиренко Н. Ф., рассматривая объект лингвокультурологии, выделяет определённые культурологические категории, так называемые ценности: витальные, социальные, моральные, политические, религиозные и эстетические, а также общечеловеческие, национальные, семейные, групповые и индивидуальные [1]. Групповые ценности объединяют группы людей по территориальным, возрастным и другим критериям. Эти лингвокультурные группы формируют сферы, которые репрезентуют те или иные предпочтения представителей социума.

Классификация сфер-источников во многом определяется материалом, полученным в результате нашего исследования. Токарев Г. В. говорит о том, что «культурное сознание избирает данные имена по признаку осуществления значимой для региона деятельности». К таким «культурно-когнитивным доминантам» он относит «защита отечества, промышленность, культура, духовная жизнь, общественно полезная деятельность» [9, с. 178].

В. Н. Телия отмечает, что «роль языкового символа заключена в смене значения языковой функции на функцию символическую» [4, с. 243]. В этом аспекте символическая функция будет актуальна для образов, зафиксированных ненаивными знаниями языковых носителей. Так, описывая прецедентные имена, мы используем понятие символа с новым набором семем. В результате анализа лингвокультурного текста тульского края нами были выделены важнейшие сферы-источники: «Защита Отечества», «Промышленность» и «Духовная жизнь». Остановимся подробнее на каждой концептосфере и обоснуем свой выбор.

«Защита Отечества» – сфера-источник, наиболее широко представленная в прецедентном аспекте тульского края. В статье «Роль прецедентных имён в становлении региональной идентичности (на примере оружейного производства тульского края)» [5, с. 79] описаны результаты исследования данной концептосферы, а именно «более 20 прецедентных имён насчитывает сфера оружейного производства», «система прецедентных имен оружейного дела составляет основу идентичности, являясь культурным маркёром». В первую очередь, это связано с историей региона, являющегося оружейной столицей нашей страны. В 1721 году по указу Петра I был построен

Тульский оружейный завод, с именем которого связаны достижения выдающихся оружейников города. Идентификация города представлена составной номинацией *город оружейников*. Приведём примеры.

Грязев Василий Петрович – эталон изобретательности, патриотизма, работоспособности. В обыденном сознании имя В. П. Грязева связано с его гениальными способностями в области конструкторского дела при создании артиллерийского и стрелкового вооружения. Широкую известность Грязеву принёс охотничий карабин серии «Беркут» и охотничье ружьё «Рысь». Совместно с Шипуновым была также создана пушка ГШ-301, которая считается самой легкой в мире, за что её прозвали «балериной». ГШ-18, названа «*правнуком Токарева*». Конструктор Грязев по праву считался энциклопедией по истории пушечного вооружения, долгое время преподавал в Тульском государственном университете. Потомки Грязева продолжают работать в Туле до сих пор. В коллективном сознании актуальны следующие сведения:

1. Главный конструктор Тульского конструкторского бюро приборостроения;
2. Грязев – Почётный гражданин Тулы и Тульской области;
3. Создатель системы малокалиберного артиллерийского вооружения для всех видов Вооружённых сил.

Имя Грязева увековечено на мемориальных досках фасада университета, где он работал, и на доме, где он жил. В 2000 году им был открыт музей оружия в ТулГУ. В 2014 году на Аллее Славы в Туле установлен бюст знаменитого конструктора. Также одна из улиц Тулы в районе Зеленстроя носит имя Грязева, там же в 2019 год установлен памятник «патриарху высокострельного оружия» Василию Петровичу Грязеву.

Токарев Фёдор Васильевич – эталон изобретательности, техничности, патриотизма. Имя Токарева в обыденном сознании связано с созданными им пистолетами: пулемёт Максим, тульский Токарев и самозарядная винтовка Токарева. Они выполняют роль бренда в регионе. В 1948 году Токарев создал фотоаппарат для панорамной съёмки ФТ-1.

Несмотря на то, что Токарев родился не в Туле, культурная память хранит истории, связанные с его деятельностью на Тульском оружейном заводе. Похоронить себя завещал он также в Тулу.

Калашников Михаил Тимофеевич – эталон изобретательности, патриотизма, верности Отечеству. В наивном сознании имя М. Т. Калашникова связано с его знаменитым «автоматом», созданным во время Великой Отечественной войны, танковым и ручным пулемётом. Калашников часто приезжал в Тулу, дружил с другими конструкторами, например, с Грязевым, Шипуновым. Комплекс стрелкового вооружения Калашникова долгое время выпускался на Тульском оружейном заводе. Именно благодаря просьбе Калашникова был учреждён День оружейника 19 сентября.

Помимо этого, концептосфера «Защита Отечества» представлена региональными брендами – оружейной продукцией: ТТ (Тульский Токарев), винтовка Мосина, пулемёт «Максим» и др. Остановимся подробнее на некоторых из них.

Тульский Токарев (ТТ) – пистолет образца 1930 года, является символом тульского оружия, его надёжности и мощи, защиты Отечества, а также эталоном тульского оружейного мастерства.

Данные смыслы выражены в пословицах и поговорках. *Лучше нету карате, чем в кармане два ТТ. Тульский Токарев* – так могут называть жителей города Тула; туляка, который участвует в боевых действиях и защищает Отчизну, а также тульского оружейника. В основе значения эталона лежат знания о пистолете, создателем которого в 1930 году был Токарев Ф. В. Кстати, наименование ТТ (Тульский Токарев) к пистолету пришло значительно позже, так как в СССР на тот момент не было принято именовать оружие фамилией его создателя. В 90-е годы пистолет считался самым криминальным, в связи с легкостью и невысокой ценой его приобретения. Тульский

Токарев является одним из самых известных образцов продукции Тульского оружейного завода. «Комбат» — знаменитая фотография времён Великой Отечественной войны, сделанная советским фотографом Максом Альпертом. На фотографии изображён командир, поднимающий солдат в атаку с пистолетом ТТ в руке. Символ ТТ является региональный тульским брендом.

Винтовка Мосина – символ защиты, тульского оружейного мастерства. В основе значения лежат знания о трёхлинейной самозарядной винтовке, созданной С. Мосиным в 1891 году. Произведена она была на Тульском оружейном заводе. Интересно тот факт, что образец стрелкового оружия был утверждён под названием «трёхлинейная винтовка образца 1891 г.», однако слово «русская» и имя автора были удалены. В России винтовку Мосина называли «ружьём Мосина», «боевой подругой», «Мосинкой». *Трёхлинейная винтовка метко бьёт, стреляет ловко.*

Отметим, что сфера-источник «Защита Отечества» включает в себя имена героев, участвующих в войнах и оборонительных операциях: Г. А. Агеев, И. И. Болотников, Д. Донской, В. Ф. Руднев, Саша Чекалин и др. Приведём примеры прецедентных имён, транслирующих эталоны патриотизма, обороны, доблести Отечества.

Дмитрий Донской – эталон доблести, славы, патриотизма, мужества, стойкости. В обыденном сознании имя Дмитрия Донского связано с событиями Куликовской битвы, после победы в которой он и получил прозвище «Донской» (так как бой состоялся между реками Дон и Непрядва). Битва на Куликовом поле стала решающей для победы над ордынским игом, так как Русь сделала значительный шаг в сторону своей независимости благодаря великому полководцу Дмитрию Донскому. В честь 635-й годовщины Куликовской битвы на территории Тульского Кремля установлен памятник Святому Благоверному великому князю Дмитрию Донскому, созданный скульптором Александром Бургановым. На Красном холме Куликова поля расположен памятник-колонна Дмитрию Донскому. Для туристов в Туле организован маршрут, посвящённый Дмитрию Донскому: от стен Кремля до места битвы.

Руднев Всеволод Фёдорович – эталон мужества, силы, патриотизма. Имя Руднева в культурной памяти связано с событиями русско-японской войны. Экипаж крейсера «Варяг» сражался до последнего, а вскоре было принято решение затопить крейсер. Руднев как командир легендарного боя является символом сильной воли, любви к своей родине и своему делу.

В 1956 г. в Туле, а позже и в Новомосковске установлен памятник командиру крейсера. В 2004 году в селе Савино, месте захоронения командира, был построен музей В. Ф. Руднева. Место, где находилось имение контр-адмирала, называют в народе *Рудневской Глухушей*.

Сфера-источник «Промышленность» отражает историческую судьбу Тулы. Именно здесь трудились великие промышленники и металлурги: Никита Демидов, И. П. Бардин, А. Р. Баташев, И. Я. Стечкин и др. Приведём пример прецедентного имени *Стечкин*.

Стечкин Игорь Яковлевич – символ изобретательности, отечественной промышленности, оружейного ремесла. Культурная память хранит следующие знания о конструкторе:

1. В 1951 году была принята на вооружение конструкция, названная «Автоматический пулемёт Стечкина».
2. Одной из работ Стечкина является револьвер, который в народе прозвали «Ворчун».
3. На доме, где жил Стечкин, по ул. Гоголевской установлена мемориальная доска в память о выдающемся конструкторе и инженере. Также в родном городе Алексине установлен памятник Игорю Яковлевичу, а одна из подстанций носит имя «Стечкин».

К группе прецедентных имён, выраженными именами промышленников, мы относим и другие имена собственные: названия заводов (*Стрела*, *КБП*, *СПЛАВ* и др), а также нарицательные номинации, например, *система залпового огня*.

Стрела – символ отечественной промышленности, оборонного производства, профессионализма, научного производства. В основе значения лежат знания о разработках и достижениях предприятия – образцы военной и ракетной техники. На заводе выпускают технику для радиолокации.

Система залпового огня (Град) – символ оружейной промышленности, обороны и защиты Отечества, разрушительности, мощности. В обыденном сознании название связано с тульским предприятием «СПЛАВ», на котором была создана РСЗО – реактивная система залпового огня. В народе это изобретение прозвали «Град» за счёт огромного количества выпускаемых снарядов в короткое время. Ганичева, кому принадлежит заслуга по созданию разработки, называют «отцом» системы «Град».

В качестве примеров сферы-источника «Духовная жизнь» приведём следующие прецедентные имена: *А. С. Даргомыжский*, *Ефросинья Колюпановская*, *Матрона Московская*, *Л. Толстой* и др. Им присущи такие коннотативные признаки: символ духовного развития, блага, чистого искусства, эталон справедливости, нематериального достатка. Рассмотрим подробнее прецедентное имя *Ефросинья Колюпановская*.

Ефросинья Колюпановская – символ святости, блаженства, духовности, эталон исцеления, очищения. Ефросинья Колюпановская (настоящее имя – Евдокия Вяземская) была княгиней, но вскоре покинула родное место и отправилась в монастырь. Культурная память хранит следующие знания о Ефросиньи:

1. Причислена к лику святых в 1988 г.
2. Колюпаново – село в Тульской области, где проживала святая. Принято считать, что святой источник, расположенные в деревне, способен исцелить болезни и недуги.

Выводы

Таким образом, одним из ведущих современных направлений в области изучения лингвокультурологии становятся прецедентные имена региональной направленности. Определение сфер-источников прецедентных имён тульского края возможно благодаря исследованию базовых для региона культурных ценностей, а также значимой деятельности жителей города. Анализ симболярия тульского культурного пространства позволил нам выделить следующие значимые сферы-источники: «Защита Отечества», «Промышленность» и «Духовная жизнь». Полученные знания о сферах-источниках прецедентных имён тульского края могут быть использованы при составлении общей картины Тульской культуры, при работе над тезаурусом территориальной направленности, а также учтены при дальнейшем лексикографическом исследовании.

Список источников и литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2013. 288 с.
2. *Гудков Д. Б., Ковшова М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
4. *Телия В. Н.* Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
5. *Мозгачёва К. С.* Роль прецедентных имён в становлении региональной идентичности (на примере оружейного производства тульского края) // Тульский научный вестник.

Сер. История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 75–81. URL: <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-75-81> (дата обращения: 01.03.2023).

6. Токарев Г. В. Лингвокультурный символярий: квазисимволы: монография. Тула: ТППО, 2021. 113 с.
7. Токарев Г. В. Основы лингвокультурологии. Тула: ТППО, 2020. 171 с.
8. Токарев Г. В. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула: ТППО, 2022. 57 с.
9. Токарев Г. В. Вопросы изучения символярия региональной идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2022. Т. 21, № 6. С. 173–182. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.14> (дата обращения: 01.03.2023).

References

1. Alefirenko, NF 2013, *Lingvokulturologiya: tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka* (Linguoculturology: the value-semantic space of the language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
2. Gudkov, DB & Kovshova, ML 2007, *Telesnyy kod russkoy kultury: materialy k slovaryu* (The corporeal code of Russian culture: materials for the dictionary), Gnozis publ, Moscow. (In Russ.)
3. Karaulov, YuN 1987, *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* (Russian language and linguistic persona), Nauka publ, Moscow, pp. 216–261. (In Russ.)
4. Teliya, VN 1996, *Russkaya frazeologiya: semantiko-pragmaticheskiy i lingvo-kulturologicheskiy aspekty* (Russian phraseology: semantic-pragmatic and linguo-culturological aspects), Yazyki russkoy kultury publ, Moscow. (In Russ.)
5. Mozgachova, KS 2022, 'Rol pretsedentnykh imon v stanovlenii regionalnoy identichnosti (na primere oruzheynogo proizvodstva tul'skogo kraya)' (The role of precedent names in the formation of regional identity (on the example of the arms production of the Tula region)), *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics.*, no.2 (10), pp. 75–81, doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-75-81 (In Russ.)
6. Tokarev, GV 2021, *Lingvokulturnyy simbolariy: kvazisimvoly* (Linguocultural symbolary: quasi-symbols), TPPO publ, Tula. (In Russ.)
7. Tokarev, GV 2020, *Osnovy lingvokulturologii* (Fundamentals of Linguoculturology), TPPO publ, Tula. (In Russ.)
8. Tokarev GV 2022, *Slovar lingvokulturologicheskikh terminov* (Dictionary of linguoculturological terms), TPPO publ, Tula. (In Russ.)
9. Tokarev, GV 2022 'Voprosy izucheniya simbolariya regionalnoy identichnosti (Issues of studying the symbolary of regional identity)', *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 21, no 6, pp. 173–182, doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.14

Статья поступила в редакцию: 11.03.2023
Одобрена после рецензирования: 24.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 11.03.2023
Approved after reviewing: 24.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023

Научная статья
УДК 811.161.1'37
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-110-117>

СУДЬБА ПОСЛОВИЧНЫХ ИДЕЙ И МОТИВОВ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ: СТАБИЛЬНОСТЬ И ВАРЬИРОВАНИЕ

**Елена Ивановна
Селиверстова**

Санкт-Петербургский государственный
университет,
Санкт-Петербург, Россия,
e.seliverstova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2020-0061>

Аннотация. Постановка вопроса обусловлена наличием в сборниках паремий Петровского времени единиц, не только впоследствии не утраченных, но, наоборот, получивших дальнейшее развитие по линии структурного и лексического варьирования либо претерпевших иные изменения – в семантической трактовке пословицы, условиях ее употребления и т. д. Сопоставление паремического фонда, зафиксированного источниками XVIII в. – собраниями Петровской галереи, В. Н. Татищева, А. И. Богданова, П. Ф. Симони, с данными собраний пословиц более позднего времени – В. И. Даля, И. М. Снегирева и др. – во-первых, позволяет, увидеть результаты отбора носителями языка и культуры наиболее ярких из имеющихся и семантически емких единиц; во-вторых, обнаружить явления вариативности паремий и попытаться выявить причины появления различного типа вариантов и их возможности приспособиться к меняющимся языковым условиям; в-третьих, случаи сокращения вариативной парадигмы паремии и кристаллизации ее смысла в виде наиболее удачной в содержательном и формальном отношении версии изречения. Как показывает анализ, процесс «выживания» паремий сопровождается рядом особенностей: одни сохраняются до наших дней в уже известном в XVIII в. виде (*Дитя не плачет – мать не понимает*), другие со временем исчезают (*Ярко желают, да руки поджимают*). В пословицах появляются новые компоненты, конкретизирующие образ (*Стар борозды не испортит – Старый конь борозды не испортит*) и проясняющие их семантику (*Старый [ворон] не каркнет мимо*), наблюдаются отклонения от первоначального вида в грамматической форме слов-компонентов (*Не держи сто рублёв, а держи сто друзей → Не имей сто рублей, а имей сто друзей*) и синтаксической структуре целого (*На битом два небитых дают → За битого двух небитых дают*) и др.

Ключевые слова: пословица, Петровская эпоха и современность, вариант, мотив, идея, семантическое развитие, стабильность.

Для цитирования: Селиверстова Е. И. Судьба пословичных идей и мотивов петровской эпохи: стабильность и варьирование // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 110–117. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-110-117>.

Сведения об авторе: Е. И. Селиверстова – профессор, доктор филологический наук, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., д. 7-9-11

Scientific Article
UDC 811.161.1'37
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-110-117>

THE FATE OF THE PROVERB IDEAS AND MOTIVES OF PETER THE GREAT'S ERA: STABILITY AND VARIATION

Elena I. Seliverstova

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia,
e.seliverstova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2020-0061>

Abstract. The question is raised by the fact that in the collections of proverbs of the Peter the Great era there are units, which not only have not been subsequently lost, but, on the contrary, have been further developed through structural and lexical variation, or have undergone other changes - in the semantic interpretation of the proverb, the terms of its use, etc. Comparison of the paroemic fund presented in the sources of the 18th century – the collections of the Petrovsky Gallery, V. N. Tatishchev, A. I. Bogdanov, P. F. Simoni, with the data of collections of proverbs of a later time – V. I. Dahl, I. M. Snegirev and others – firstly, allows you to see the results of the selection by native Russians of the most striking of the available and semantically capacious units. Secondly, it allows you to detect phenomena of variation in paroemias and try to identify the appearance of various types of variants and their ability to adapt to changing language conditions. Thirdly, cases of reduction of the variable paradigm of paroemia and crystallization of its meaning in the form of the most substantively and formally successful version of the saying. As the analysis shows, some features accompany the process of «survival» of paroemias: some expressions persist to this day in the form already known in the 18th century (The child does not cry – the mother does not understand (Squeaking wheel gets the oil)), others disappear over time (They want brightly, but they squeeze their hands). New components appear in proverbs that specify the image (The old one will not spoil the furrows – The old horse will not spoil the furrow) and clarifying their semantics (Old [raven] does not cut past), there are deviations from the original form in the grammatical form of components (Do not hold one hundred rubles, but hold one hundred friends → Do not have one hundred rubles, but have one hundred friends) and the syntactic structure of the whole (On a beat you get two unbeaten ones → For the beat, two unbeaten are given (Threatened men live long)), etc.

Keywords: proverb, the era of Peter the Great and modernity, variant, motive, idea, semantic development, stability.

For citation: Seliverstova, EI 2023, 'The Fate of the Proverb Ideas and Motives of Peter the Great's Era: Stability and Variation', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 110–117, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-110-117> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena I. Seliverstova* – Professor, Doctor of Sciences in Philology, Professor of the Russian Language Department for Humanities and Natural Sciences of the Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 7-9-11 Universitetskaya embank, St. Petersburg, 199034, Russia.

Введение

Изучение новых явлений в языке Петровского времени как эпохи, отмеченной новаторством в области языка, коснулось и русского паремического фонда. С одной стороны, исследователи связывают Петровскую эпоху с широчайшим потоком заимствований из западных языков – это достаточно традиционное видение хода развития лексического уровня языка того времени – см., в частности, [3], [6], [15] и др. В пословицах же, с одной стороны, обнаруживаются, как отмечает Е. В. Генералова, «яркие маркеры нового времени» – отдельные лексические инновации (*Артемию не кажи академию; Гварнизон стоит всегда под низом*) [4, с. 11]. С другой стороны, будучи единицами народного происхождения, пословицы и поговорки привлекают внимание тем, что «отражают разнообразные явления и реалии жизни того времени» и, по словам В. М. Мокиенко, «берегут языковой дух переломного периода отечественной истории» [7, с. 35].

Составляющая своеобразную языковую подсистему русская паремика находится в постоянном развитии: уходят в небытие устаревшие обороты, уступая место более современным по форме и/или содержанию. Это происходит, если утрачивается связь с событиями и фактами, ставшими когда-то «подосновой» семантики оборотов [14, с. 77]. Однако при этом отдельные паремиологические единицы (ПЕ) не просто сохраняются для потомков, иллюстрируя характер мышления и образного видения окружающего мира нашими предками и позволяя современникам пользоваться этими выразительными средствами. Эволюция выражается и в том, что одно изречение способно со временем дать жизнь целому ряду единиц, выражающих ту же или близкую идею, но нередко иными средствами.

Идея поэтапного сопоставления единиц русского пословичного фонда не нова. Этот подход сравнения материала разных временных срезов использован и издателями собрания «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков» [10; ППЗ], что позволяет показать, как меняется паремика Петровской эпохи в сравнении с единицами собрания В. И. Даля [5; Д.]. А Г. Ф. Благова рассматривает на фоне собраний 30-40-х годов XVIII в., собраний В. И. Даля и И. М. Снегирева пословичный арсенал одного носителя русского языка – с целью охарактеризовать «личный пословичный фонд как важную компоненту народной речевой культуры» [1, с. 170].

В свете сказанного невозможно переоценить труд, вложенный в свое детище авторами-составителями «Большого словаря русских пословиц» [8; БСРП], содержащего более 70 000 паремий. Словарь, нацеленный на то, чтобы показать «концептосферу паремийных образов», позволяет проследить время фиксации отдельных вариантов в соответствующем источнике и наглядно представить все «многообразие лексических и структурных вариантов» паремий [9, с. 510]. Сопоставление вариантов пословиц, приведенных разными собирателями ПЕ, подтверждает «сложность бытования такого явления, как пословица» [там же, с. 511].

Старинные собрания паремий – Петровской галереи, В. Н. Татищева, А. И. Богданова и др. содержат, помимо отдельных исчезнувших из обихода единиц (*Пил бы ты водку из-под лодки; Ярко желают, да руки поджимают; Хотя бы боком, только бы Бог простил* и др.), значительное количество ПЕ, дошедших до наших дней. Среди них есть изречения, не обнаруживающие изменений (ср.: *Гром не грянет – мужик не перекрестится; Дитя не плачет – мать не понимает; На грех мастера нет; Старый друг лучше новых двух* и др.), но также ПЕ с последующими отклонениями от первоначального вида. Это может быть связано с изменением грамматических форм слов-компонентов (*Не держи сто рублёв, а держи сто друзей* → ср. утвердившуюся ПЕ *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; С глупым и нашед – не разделишь* → более поздняя *С глупым и найдешь – не разделишь*), синтаксических структур (*На*

битом два небитых дают → *За битого двух небитых дают; Не обманешь старого воробья на мякину* → *Старого воробья на мякине не обманешь/ не проведешь* и др.).

Если принять совокупность ПЕ Петровской эпохи, зафиксированных такими источниками, как [ППЗ], [12; С], [13; СлРЯ] и др., за точку отсчета в динамических процессах, наблюдаемых в русской паремике вплоть до наших дней, то сопоставление ее с целым спектром вариантных версий, представленных в материалах более поздних словарей – особенно в богатейшем собрании, выпущенном под редакцией В. М. Мокшенико в виде «Большого словаря русских пословиц», – делает очевидными некоторые тенденции, которые мы ниже постараемся осветить.

Результаты

Так, например, происходит появление в составе ПЕ новых компонентов, уравновешивающих ее структуру и проясняющих семантику. Если в старинной ПЕ *Стар борозды не испортит (портит)* (ППЗ) отсутствует указание на субъект, чей опыт позволяет проложить качественную борозду – в нем как будто и нет нужды, – то со временем появляется конкретизирующий образный элемент *конь*, перекликающийся с компонентом *борозда* (*Старый конь борозды не испортит*); тем самым ПЕ укладывается в достаточно типичную четырехкомпонентную структуру; ср.: *Новый веник чисто метет* (ППЗ); *Старый ворон не каркнет мимо; Ретивая лошадь недолго живет; Краденая кобыла дешевле купленной; Голодный волк завёртки рвет; Быстрому коню глубокая яма* (БСРП) и др.

Логичным представляется и утверждение в паремийном пространстве из двух имеющихся в [ППЗ] ПЕ *Не сапог – с ноги не скинешь*, применимого в качестве поговорки к достаточно широкому кругу явлений, и *Жена – не сапог, с ноги не скинешь (не сбросишь)* именно второго варианта, соответствующего традиции в целом и продуктивной модели образования паремий, отрицающих возможность легкого избавления от супруга: *Жена не рукавица/ не лапоть/ не валенок/ не башмак/ не гусли/ не балалайка/ не седло/ не шапка* [БСРП, с. 336-337].

Аналогичным образом в паремиифонде возобладает ПЕ *С миру по нитке – голому рубаха*, потеснив старинную версию *С миру хотя по нитке – одному рубаха* (ППЗ) и несколько видоизменив семантику: подчеркивается нагота нуждающегося. Ср. преобразования в ПЕ: *Сыт голоду не разумеет* (ППЗ) → *Сытый голодного не разумеет/ не поймет*.

Интересно изменение, наблюдаемое в ПЕ *У друга сучок в глазе видишь, а у себя и бревна не чуешь* (ППЗ), где позже – при активном варьировании *сучок/ порошинка/ соломинка/ соринка*, противопоставленных *бревну*, – в изречении фигурирует практически без исключений компонентом *чужой*: *В чужом глазу соринку видим, в своем бревна/ сучка не замечаем*. Это вызвано, с одной стороны, утратой осознаваемой в слове *друг* семантики ‘всякий человек другому, иной’ – ср.: *друг другу, друг о друге; Не смейся другу, не изжив веку*, а с другой – упрочением активного паремийного противопоставления своего и чужого в ПЕ разной тематической направленности (*Чужую кровлю кроешь, а своя каплет; Желаячи чужого, своё растерял/ растеряешь* – ППЗ).

При том, что отдельные ПЕ и в источниках Петровского времени располагают некоторым количеством вариантов – словообразовательных, (*Яблочное/ Яблонное семя знает своё время*), лексических (*Отрезав/ Сорвав голову, [да] над волосами плачет/ плачут*), синтаксических (*На худ город/ На худом городе – и Фома дворянин*) и проч., показательно то, насколько так или иная единица за длительное время своего функционирования в языке «обрастает» вариантами, о чем свидетельствуют сегодняшние источники.

Если в [ППЗ] мы находим ПЕ *По Сеньке и шапка* как выражение удовлетворения при констатации закономерного, с точки зрения говорящего, соответствия чего-

л. (обретенного или происшедшего) характеризующему субъекту, то многочисленные более поздние версии демонстрируют: варьирование имени собственного (*По Еремке шапка, по Сеньке кафтан/ колпак; По Афоньке шапка, по Еремке колпак*), умножение частей паремии, когда основной смысл остается по-прежнему вполне определенно выраженным одной частью (*По Сеньке и шапка, по котлу и крышка; По Сеньке шапка, по свинье мешалка, по бабе брага, по Малашке шлык*), изменение структуры ПЕ (*Каков Пахом, такова и шапка на нем*). Интересна обнаруженная у В. И. Даля ПЕ *По Сеньке шапка, по таковскому и колпак*, в которой вторая часть, дублируя структуру первой части, служит раскрытию смысла целого. То есть вариантная парадигма ПЕ, допускающей варьирование, особенно лексическое, со временем лишь расширяется; ср. приведенную в ППЗ ПЕ *Не отведав броду, не мечись в воду* с удивительным спектром последующих вариантных версий: *Не изведавши/ Не измерив / Не испытывав/ Не зная/ Не знаяши/ Не познавши/ Не спросившись/ Не спрося/ Не спросясь/ Не померяв броду...* Однако все эти субституты вполне укладываются в сематическое «ложе» 'незнания' в двухчастном паремийном конденсате «Не узнав/ не зная – не лезь!». Хотя в современном употреблении в качестве императива во второй части утвердился глагол *не суйся*, он часто опускается, поскольку условная по своей семантике начальная часть недвусмысленно указывает на необходимость осведомленности, проявления осторожности, щепетильности и проч. в любой сфере; ср.: *Не зная/ Не спрося броду, ...лезет в огонь и в воду/ нельзя касаться еврейской темы/ таких дров можно наломать/ вляпался в какой-то очень круто заверченный омут/ людей расстреливали* и т.д. (Национальный корпус) .

В [ППЗ] зафиксирована ПЕ *Из песни слова не выкинуть* (ср. вариант в [С]: *Из песни слова не выгородить*), вербализующая мотив невозвратности слова, реализуемый позже в ПЕ с упоминанием и иных жанров устного народного творчества (*Из поговорки/ пословицы/ сказки слова не выкинешь*), что подчеркивает «непоправимость» именно устного слова. Однако семантическое развитие ПЕ идет по пути расширения спектра не поддающихся корректировке явлений: в ПЕ *Быль* ('былое, происшедшее') *не сказка: из нее слова не выкинешь* акцент делается на исторической реальности, которую нельзя подправить, не исказив; здесь, очевидно, сказка воспринимается в сравнении с былью как фантазия, нечто сочиненное и потому недостоверное. Это выражение становится частью более пространных ПЕ, акцентирующих мысль о засидевшихся или нежеланных гостях, которым нельзя отказать в приеме, и, следовательно, поправить ситуацию невозможно: *Из песни слова не выкинешь, а из места гостя не высадишь (из-за стола гостя не выведешь)*.

Важный для говорящих, пусть единожды уже и выраженный, смысл становится стержнем многократных образных вербализаций, отнюдь не ограниченных лексическим варьированием. Идея необратимости сказанного звучит и в двух других старинных ПЕ: *Слово не воробей, а выпустишь – не схватишь* (ППЗ; СлРЯ) и *Сказавши, слово не воротитишь*. И хотя в первой из них используется регулярная в паремике деидентифицирующая структура [2, с. 110] с образным «отрицающим» элементом, а вторая лишена образной составляющей, обе они соответствуют – если пренебречь характерным для ПЕ образным оформлением – лаконично выраженному смыслу «Сказанного не вернуть», т.е. сводятся в своем содержании к «смысловому конденсату»¹ (причем вторая практически совпадает с ним). Именно это значительно расширяет возможности перевыражения и удвоения в рамках ПЕ одного и того же актуального для говорящих смысла с использованием различных образных мотивов, указывающих на невозможность исправить ситуацию – не подлизать (*Слово выростишь – не подлижешь; Оброненное слово языком не слизнешь*), не втащить крючком/вилами (*Слово выпустишь, так и крючком не втащишь*), не вернуть выпавшего изо рта (*Плевка не перехватишь, слова не воротитишь*), не вернуть в кадык (*Сказанное*

слово в кадык назад не ворочается). Это достаточно типичный пример того, как актуальный и характерный для ментальности определенного этноса смысл тиражируется с применением значительного спектра образных мотивов, использованием различных синтаксических структур, освоенных в сфере функционирования паремий.

Заключение

Таким образом, наш анализ иллюстрирует отмеченную учеными важность вариативности как имманентной черты функционирования пословиц в истории языка. Однако, несмотря на то, что многие ПЕ первой половины XVIII в. обретают со временем структурно-грамматические и лексические варианты, проявлением и залогом активной жизни пословичной идеи является актуальность семантической основы (смыслового конденсата – «Пьяный откровенен», «Свое дороже», «Старого не исправит» и др.), стимулирующая различные образные перевоплощения и многообразие близких по смыслу единиц. Тем не менее, развитие и изменения образной основы пословиц, их компонентного состава, синтаксической структуры и семантики корректируются также требованием смысловой оправданности и доступности содержания (ср. преобразование ПЕ *Борода глазам замена* в более понятную *Борода глазам не замена*) и упрочивающейся и все более осознаваемой паремийной традицией, регламентирующей отбор компонентов, вовлечение отдельных фольклорных мотивов (ср. расширение спектра единиц, вербализующих «обувной мотив» в ПЕ о неизбывной жене; противопоставление сапога лаптю в качестве традиционной образной вербализации социального неравенства – *Не осуди в лаптях – сапоги в саях* (ППЗ)), рифморитмическое и структурное оформление ПЕ (*В лесу рубят, а в мир щепы летят* → *Лес рубят – щепки летят*) и т.д.

Сохранность же в неизменном виде многих единиц Петровского времени подтверждает удивительную способность паремий аккумулировать народную мудрость и передавать ее последующим поколениям говорящих.

Примечания

1. Смысловыми конденсатами мы называем обнаруживаемые в паремиологическом пространстве сгустки ментального свойства, в сжатом виде передающие смысл и во многом объясняющие как легкость взаимозамен компонентов пословицы, так и «тиражирование» синонимичных ПЕ с близкой структурой – например, «Спасибо не накормит», «Глупого не научишь» и др. [11, с. 141–142].

Список источников и литературы

1. Благова Г. Ф. Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М.: Вост. лит., 2000. 222 с.
2. Бочина Т. Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань, 2002. 196 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. М.: Высш. шк., 1982. 528 с.
4. Генералова Е. В. Лексикон пословиц петровской эпохи: общая характеристика // Славянская паремиология и паремиография Петровского времени: взаимодействие «Своего» и «Чужого»: колл. моногр. / отв. ред. Х. Вальтер, А. В. Королькова. В. М. Мокиенко, С. И. Николаев. СПб.: СПбГУ; Смоленск: СГУ, 2022. С. 7–12.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 431 с.; Т. 2. 447 с.
6. Истратий В. В. О параллельном употреблении исконных и заимствованных слов в «Ведомостях» петровского времени // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. 13, ч. 3. С. 867–885.

7. Мокшенко В. М. Паремнологоическое собрание П. К. Симони как исторический источник Петровской эпохи // Лексикография цифровой эпохи : сб. материалов Междунар. симпозиума. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. С. 33–36.
8. Мокшенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
9. Николаева Е. К. Вариантность пословиц в новом большом словаре русских пословиц // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) : междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 20-22 марта 2008 г.). М.: Элпис, 2008. С. 509–512.
10. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII – XX веков / изд. подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л.: Наука, 1961. 289 с.
11. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. М.: ФЛИНТА : Наука, 2017. 296 с.
12. Симони П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII – XIX столетий. Вып. 1–2. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1899. 216 с.
13. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–15. Л.: Наука, 1984–2004.
14. Томашевич Т. И. Об архаизации фразеологизмов (на материале старобелорусского языка) // Актуальные проблемы русской фразеологии : межвуз. сб. науч. тр. Л., 1983. С. 77–81.
15. Ясинская М. Б. Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность (на материале историко-биографической прозы Б. И. Куракина) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ясинская Милена Борисовна. М., 2004. 297 с.

References

1. Blagova, GF 2000, *Poslovitsa i zhizn: Lichnyy fond russkikh poslovits v istoriko-folkloristicheskoy retrospektive*. (Proverb and life: Personal fund of Russian proverbs in historical and folkloristic retrospective), Vostochnaya literatura publ, Moscow. (In Russ.)
2. Bochina, TG 2002, *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovits*. (Style of contrast: Essays on the language of Russian proverbs), Kazan. (In Russ.)
3. Vinogradov, VV 1982, *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vekov*. (Essays on the history of the Russian literary language of the 17th – 19th centuries), Vysshaya shkola publ, Moscow (In Russ.)
4. Generalova, EV 2022, 'Leksikon poslovits petrovskoy epokhi: obshchaya kharakteristika' (Lexicon of proverbs of the Peter's era: general characteristic), *Slavic paremiography and paremiography of Petrovsky time: interaction of "Svoy" and "Alien": collective monograph*, ed. by H. Walter, A. V. Korolkova. V. M. Mokienko, S. I. Nikolaev. SPbGU publ, St. Petersburg; Smolensk gos. un-t publ, Smolensk, pp. 7–12. (In Russ.)
5. Dal, VI 1989, *Poslovitsy russkogo naroda* (Proverbs of the Russian people), vol. 1, Khudozhestvennaya literature publ, Moscow. (In Russ.)
6. Istratiy, VV 2017, 'O parallel'nom upotreblenii iskonnykh i zaimstvovannykh slov v «Vedomostyakh» petrovskogo vremeni' (On the parallel use of native and borrowed words in the Vedomosti of Peter the Great's era), *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. 13, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, ed. N. N. Kazansky. no 13, part 3. Nauka publ, St. Petersburg, pp. 867–885. (In Russ.)
7. Mokienko, VM 2021, 'Paremiologicheskoye sobraniye P. K. Simoni kak istoricheskiy istochnik Petrovskoy epokhi' (Paremiological collection of P. K. Simoni as a historical source of Peter the Great's era), *Lexicography of the digital era: coll. mater. of International symposium* / ed. E.A. Yurina, S.S. Zemicheva. Tomsk gos. un-t publ, Tomsk, pp. 33–36. (In Russ.)
8. Mokienko, VM, Nikitina, TG & Nikolaeva, EK 2010, *Bolshoy slovar russkikh poslovits* (A large dictionary of Russian proverbs), ed. V.M. Mokienko, OLMA Media Group publ, Moscow. (In Russ.)
9. Nikolaeva, EK 2008, 'Variantnost' poslovits v novom bolshom slovare russkikh poslovits' (Variance of proverbs in the new large dictionary of Russian proverbs), *Frazeologizm i slovo v natsionalno-kulturnom diskurse (lingvisticheskiy i lingvometodicheskiy aspekt)*, 20-22 March 2008, Kostroma, Elpis publ, Moscow, pp. 509–512. (In Russ.)

10. *Poslovitsy, pogovorki, zagadki v rukopisnykh sbornikakh XVII – XX vekov*, 1961 (Proverbs, sayings, riddles in manuscript collections of the 17th – 20th centuries) ed. M.Ya. Melts, V. V. Mitrofanova, G. G. Shapovalova, Nauka publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
11. Seliverstova, EI 2017, *Prostranstvo russkoy poslovitsy: postoyanstvo i izmenchivost* (The space of the Russian proverb: constancy and variability), ed. V. M. Mокienko, FLINTA: Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
12. Simoni, PK 1899, *Starinnyye sborniki russkikh poslovits, pogovorok, zagadok i proch. XVII–XIX stoletiy*. (Ancient collections of Russian proverbs, sayings, riddles, etc. 17th – 19th centuries.), no. 1-2, Otdel russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk publ St. Petersburg. (In Russ.)
13. *Slovar russkogo yazyka XVIII v.*, 1984–2004, (Dictionary of the Russian language of the 18th century), no. 1–15, Nauka publ, Leningrad. (In Russ.)
14. Tomashevich, TI 1983, *Ob arkhazatsii frazeologizmov (na materiale starobelorusskogo yazyka)* (On the archaization of phraseological units (based on the material of the Old Belarusian language), *Aktualnyye problemy russkoy frazeologii*, Leningrad, pp. 77–81. (In Russ.)
15. Yasinskaya, MB 2004, *Leksicheskiye zaimstvovaniya v Petrovskuyu epokhu i yazykovaya lichnost (na materiale istoriko-biograficheskoy prozy B. I. Kurakina)* (Lexical borrowings in the Peter the Great's era and linguistic personality (based on the historical and biographical prose of B. I. Kurakin), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.03.2023
Одобрена после рецензирования: 24.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 12.03.2023
Approved after reviewing: 24.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 118–125.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 1 (13). P. 118–125.

Научная статья

УДК 81.119

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-118-125>

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КЛЮЧЕВЫХ ЗНАКОВ ТУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

**Григорий Валериевич
Токарев**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия,
grig72@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особого вида лингвокультурных единиц – ключевых знаков культуры. Исследование осуществлено методами психолингвистического эксперимента, интервьюирования, лингвокультурной интерпретации. Установлено, что ключевые знаки представляют собой актуализированные общественным сознанием лингвокультурные единицы, которые отражают обыденные представления о действительности. Выявлено, что значения ключевых знаков понятны для членов лингвокультурной общности, поэтому формируют основу региональной идентичности. Они основаны на стереотипах, устойчивых представлениях, лингвокультурных легендах.

Выявлено, что значения ключевых знаков отражают культурный опыт человека. Доказано, что ключевые знаки имеют широкий спектр денотативной соотнесённости. Они объективируют идеологемы, поскольку отражают аксиологию отдельной культурной парадигмы. В статье рассмотрено несколько групп ключевых знаков, связанных с учебными заведениями, предприятиями, именами известных людей, социально значимыми объектами.

Ключевые слова: язык, региональная культура, ключевое слово, симболярий, наивная картина мира, Тула.

Благодарности: исследование «Симболярий региональной идентичности» выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28-20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

Для цитирования: Токарев Г. В. Когнитивно-семантические особенности ключевых знаков тульской культуры // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 118–125. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-118-125>.

Сведения об авторе: Г. В. Токарев – профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Токарев Г. В., 2023

Scientific Article
UDC 81.119
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-118-125>

COGNITIVE AND SEMANTIC FEATURES OF KEY SIGNS OF TULA CULTURE

Grigoriy V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia,
grig72@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Abstract. The article deals with a special kind of linguocultural units - key cultural signs. The research is carried out by the methods of psycholinguistic experiment, interviewing, and linguocultural interpretation. The article reveals that the key signs are the linguocultural units, actualized by public consciousness, which reflect commonplace ideas about reality. The paper finds that the meanings of key signs are understandable for the members of the linguocultural community, so they form the basis of regional identity. They are based on stereotypes, stable perceptions and linguocultural legends. The article highlights that the meanings of key signs reflect the cultural experience of an individual. The paper proves that the key signs have a wide range of denotative relevance. They objectify ideologemes, as they reflect the axiology of a particular cultural paradigm. The article considers several groups of key signs associated with educational institutions, businesses, well-known people's names and socially significant objects.

Keywords: language, regional culture, keyword, symbolary, naive worldview, Tula.

Acknowledgement: The study "Symbolary of Regional Identity" was funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-20342 and the Government of the Tula Region (agreement No. 6 dated April 19, 2022).

For citation: Tokarev, GV 2023, 'Cognitive and Semantic Features of Key Signs of Tula Culture', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 118–125, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-118-125> (in Russ.)

Information about the Author: *Grigoriy V. Tokarev* – Professor, Doctor of Sciences in Philology, Head of Department of Document Science and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

Изучение текста региональной культуры связано с рассмотрением различных типов лингвокультурных единиц, наиболее распространённым видом которых являются ключевые знаки. Они представляют собой актуализированные общественным сознанием слова и сочетания, которые отражают обыденные представления о действительности. Значения ключевых знаков понятны для членов лингвокультурной общности, поэтому формируют основу региональной идентичности. В. Г. Крысько отмечает: «Идентичность проявляется в процессе коммуникации, следовательно, идентичность – это общая система вербального и невербального поведения, значимого для членов группы, которые обладают ощущением принадлежности к этой группе и разделяют ее традиции, наследие, язык и общие нормы допустимого поведения». [2, с. 109–110]. Из этого может быть сделан вывод о том, что ключевые слова оформляют ядро региональной идентичности, поскольку они значимы для членов сообщества и интерпретируются только им.

Они основаны на стереотипах, устойчивых представлениях о чём-либо, лингвокультурных легендах. Ф. Г. Фаткуллина в стереотипах видит «...защиту ценностей общества. Она может быть обеспечена социальной функцией, которая на практике выглядит как убеждение в собственной уникальности, непохожести на других» [4, с. 751]. Данный вид знаний имеет профанный характер. Они представляют собой синтез поверий, наблюдений, слухов, генерирующих некую историю, в основе которой лежит лингвокультурный сюжет. Данные знания не всегда достоверны, нередко искажают историческую правду. Они формируют повседневное представление о действительности.

Знаковые имена имеют широкий спектр денотативной соотнесённости: это могут быть и топонимы, и имена выдающихся персоналий, и номинации артефактов и т.д.: *анковский пирог*, *Белоусовский парк*, *Баташи*, *Воронка*, *Голубые озёра*, *Гончары*, *Горелки*, *Колюпаново*, *Красные ворота* и др. Отличительным признаком знакового имени является богатый коннотативный компонент, отражающий культурный опыт человека. Так, знаковый топоним *Глушанки* в числе коннотаций имеет информацию об удалённости от центра, расположении в данной локации крупного спального района и областной больницы, криминальной активности, экологическом благополучии. В какой-то степени знаковые имена можно назвать вербализованными идеологемами, поскольку они отражают аксиологию отдельной культурной парадигмы. Например, для современного туляка «пустыми» являются такие ключевые знаки, как *Попово болото* (локация, расположенная на левом берегу Упы, в районе современной улицы Дзержинского. Это место постоянно затоплялось разливами реки, здесь проживали служители церкви) или *Чёртов мост* (бывший мост, находившийся на месте пересечения современных улиц Халтурина и Гоголевской, через речушку Серебрянку. Это место было отдалённым от центра города. Под мостом часто прятались бандиты). Выявление лингвокультурного знака осуществляется экспериментальным путём. Члены лингвокультурной общности называют наиболее важные для них знаки.

Цель данной статьи – рассмотрение наиболее представленных групп ключевых знаков тульской культуры на синхронном срезе. Поставленная цель достигается путём применения психолингвистического эксперимента, интервьюирования, лингвокультурной интерпретации.

Исследование

Рассмотрим отдельные группы ключевых знаков тульской культуры.

Несколько названий учебных заведений вошли в число ключевых знаков региональной культуры. Первый из них – *пед* – связан с Тульским государственным педа-

гогическим институтом, а позже – университетом им. Л. Н. Толстого. В значение данного лингвокультурного знака, основанного на коннотациях, входят следующие смыслы «гуманитарное образование», «учатся преимущественно девушки». В культурном сознании *педу* противопоставлены *политех* и *артуха*. Знак *политех* сформировался на базе составной номинации *Тульский государственный политехнический институт*, а затем *Тульский государственный университет*. Коллективная память хранит легенду о создании политехнического института на базе двух институтов в 1963 году – механического и горного. В значение знака *политех* входят смыслы «техническое образование», «учатся преимущественно юноши», «военная кафедра», «связь с оборонными предприятиями Тулы».

Коллективное сознание сохраняет память о Тульском артиллерийско-инженерном училище (институте) в семантике ключевого знака *артуха*. История училища началась с 1869 года, когда Александр Второй издал указ о создании оружейной школы. В семантику культурного знака входят смыслы «воинская доблесть», «защита Родины», ставшие рефлексией на участие курсантов в боях за Мценск в 1941 году. В 2010 году институт был расформирован. Хотя в зданиях института в настоящее время располагается военная часть, данное пространство продолжают именовать *артухой*. Несмотря на то, что в городе представлено несколько высших учебных заведений, культурное сознание актуализирует внимание на двух: *педу* и *политехе*. Среди номинаций средних учебных заведений ключевыми знаками региональной культуры стали *двадцатка* «городская школа № 20». С данным знаком связана легенда о том, что в этом учебном заведении учился чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов. Этот лингвокультурный знак хранит смыслы «лучшая школа города», «хорошее математическое образование». Лингвокультурный знак «химлицей» основан на коннотациях номинации *химический лицей* и имеет значение «учебное заведение, дающее качественное химико-биологическое образование». Лингвокультурный знак *одинадцатая гимназия* соотносится с названием муниципального учреждения образования «Гимназия № 11 им. А. и О. Трояновских» имеет значения «элитное учебное заведение», «изучение иностранных языков», «школа мажоров». В 2016 году в Туле было возрождено Суворовское училище. Номинация училища сразу стала генерировать коннотации, на основе которых сформировался лингвокультурный знак, значения которого отражают смыслы «элитное учебное заведение», «лучшее суворовское училище в России», «закрытое учебное заведение», «хорошая материальная база», «высокая заработная плата». В связи с описанием значения данного знака отметим особенности семантики лингвокультурных единиц: зачастую она не соответствует действительности, поскольку формируется на основе слухов, легенд, стереотипов и проч., избирательно, так как освещает не всё явление в целом, а отдельные его стороны. Ключевые знаки *Яснополянская школа*, *Яснополянский детдом* наивным региональным сознанием связываются с именем Льва Толстого, его методикой преподавания и обучения. Данный пример является подтверждением нередкого расхождения значений языковой и лингвокультурной единицы. В действительности ни яснополянская школа, ни детский дом, названные так по месту расположения, не имели непосредственной связи с педагогическими идеями Толстого.

В настоящее время в Туле насчитывается более 250 заводов и фабрик. Судьба их номинаций оказалась разной: на основе одних сформировались символы, других – бренды, третьи стали ключевыми знаками региональной субкультуры. Ключевые знаки тульских заводов можно распределить на три группы в зависимости от доминирующего ассоциативного признака. В первую группу включены номинации, которые ассоциируются с выполнением оборонного заказа. В их значении доминируют семы «производство вооружения»: *Патронный завод*, *Стрела*, *Машизавод*, *Точмаш*. Ле-

генды связанные с ключевым знаком *Патронный завод* рассказывают о его основании Александром Вторым в 1880 году и назначении директором завода Ф. Г. Гилленшмидта, о том, что в годы Первой мировой войны завод изготавливал около четверти всех патронов, произведённых в стране, а в советское почти три четверти, о связи патронного и самоварного производства: внутренняя труба самовара по форме напоминала патрон.

Легенды лингвокультурного знака *Машизавод* связаны с тем с его первым названием *Байцуровский*, или *новым*: по имени основателя Н. Г. Дмитриева-Байцунова. Завод был основан в 1879 году. Коллективная память выделяет в продукции предприятия пулемёты системы «Максим», а также мотороллеры «Тула», «Тулица», «Муравей».

С ключевым знаком *Точмаш* связаны легенды об изготовлении чулочно-носочного оборудования, вязальной машины «Славянка».

Вторую группу составляют номинации, ассоциирующиеся с производством сырья: *Кирпичный завод*, «Азот», *Косогорский завод*, *Чермет*.

Значение ключевого знака *кирпичный завод* отражает легенду о его создании в 1881 году купцом Н. И. Ливенцевым. Данная лингвокультурная единица имеет и локальное значение границы, предела, поскольку соотносимый с ним объект находится на окраине города. О *Косогорском заводе* культурная память хранит легенды о его создании в 1896 году по указу Николая Второго, о первом названии завода – *Судаковский* – связанном с деревней Судаково, о том, что на выплавке чугуна присутствовал Лев Толстой.

Третью группу составляют номинации, ассоциирующиеся с производством гражданской продукции: *Октава* 'тульская радиоэлектроника', «*Чайка*» 'тульская одежда' и др. С заводом «Октава» связана легенда, что в микрофон, изготовленный на данном предприятии, Ю. Гагарин сказал: «Поехали».

В числе ключевых знаков, связанных с названиями заводов, имеются такие, которые обозначают уже несуществующие предприятия. Но региональная культура хранит о них память. К числу подобных знаков можно отнести *Тульский комбайновый завод*, «*Чайка*», *Лужковский спиртзавод*.

Ряд номинаций, обозначающих населённые пункты, получило статус ключевых знаков.

Некоторые из них сформировались на основе знаний о людях, которые проживали в том или ином месте. И. С. Важенина отмечает: «Имидж места – очень разноплановый, эмоционально-окрашенный, иногда искусственно создаваемый, зачастую поверхностный его образ, который складывается в сознании людей» [1, с. 82]. К числу таких ключевых знаков относятся следующие. *Дворяниново* – усадьба А. Т. Болотова. С данным знаком связано легенда о дубе, в который ещё при жизни А. Т. Болотова ударила молния и сломала его. Ствол дуба упал на растущий рядом вяз. Деревья срослись, образовав естественную арку, которая стала символизировать победу жизни над смертью. Ритуал прохода через арку обещает исполнение желаний.

Епифань – ключевой знак, выражающий представления о купеческом городе, которые сформировались под влиянием открытия музея купеческого быта. Легенды рассказывают об иноке Епифане, который помог Дмитрию Донскому одержать победу над татарами, задержав литовские войска и отправив лучших монахов в русское войско, и о разбойнике Епифане, который грабил корабли, волоком перемещаемые из Дона в Волгу. Епифану удалось скопить баснословное богатство, на которое он смог даже построить город. Епифань также называют воротами Куликова поля.

Ряд знаков связан с святыми местами, находящимися на территории Тульской области. *Колюпаново* – ключевой знак, связанный с именем старицы Ефросиньи, бывшей фрейлины Екатерины Второй – Евдокии Вяземской, которая имитировала свою

смерть и стала на путь юродства. В значение знака входят представления о целительной силе святого источника, который открыла Ефросинья, по преданиям, обладающая даром предвиденья и врачевания. *Жабынь* – ключевой знак, указывающий на Жабынский монастырь, Введенскую Макариевскую пустынь. Легенда, связанная с данным знаком, рассказывает о тайном подземном ходе из Жабыни в Белёв. Общественная память связывает данный знак и со святым источником, который образовался после того, как инок Макарий, возвращаясь в обитель, увидел раненого литовца. Макарий ударил посохом о землю, и из неё забила вода, которой он излечил врага.

Среди ключевых знаков возможно выделить группу, коррелирующую с обозначением социально значимых объектов. Сюда относятся знаки, связанные с названиями рынков, больниц, спортивных объектов, кладбищ и др. Так, ключевой знак *Хопёр* указывает на рынок в Зареченском районе Тулы. Общественная память хранит историю о том, что ранее рынок находился на границе Казённой, Кузнечной и Гончарной слобод. В сознании современного туляка рынок ассоциируется как место продажи домашних животных и птиц. К числу утративших актуальность можно отнести ключевой знак *Барахолка*. Так назывался рынок в Привокзальном районе Тулы, существовавший в 80-е – 90-е годы. В сознании современных туляков среднего и старшего поколения с данным ключевым знаком были связаны представления о дефицитных товарах, многие из которых были привезены из-за рубежа.

Рынки постепенно стали вытеснять торговые центры. В когнитивной базе молодого поколения туляков актуальны такие ключевые знаки, как *Гостинка – Гостиный двор* – лингвокультурный знак, указывающий на торгово-развлекательный центр, который находится в центре города. *Макси* – ключевой знак, указывающий на самый крупный торгово-развлекательный центр города, построенный на берегу Упы.

Ключевой знак *Ваныкинская больница / Семашко* обозначает больницу скорой помощи. С ним связаны легенды о купце-меценате Д. Я. Ваныкине, на средства которого была выстроена больница, а также наркоме здравоохранения Н. А. Семашко, при содействии которого был выстроен хирургический корпус в 1935 году. Наряду с данным знаком в тульском культурном тексте функционируют и другие лингвокультурные единицы, обозначающие медицинские учреждения: *Областная больница* – ключевой знак, указывающий на хорошее качество оказываемых медицинских услуг, на главное медицинского учреждение области. *Консультант* – ключевой знак, связанный с представлениями об оказании платных медицинских услуг: одним из первых коммерческих медицинских центров в регионе был «Консультант».

Ключевой знак *Детская железная дорога* отражает представления о модели миниатюрной железной дороги, построенной в Новомосковске. Дорога включает три станции.

Ключевой знак *Велотрек* выражает представления о спортивных сооружениях. С данным знаком связаны легенды о том, что это старейшее спортивное сооружение в России, об открытии велотрека в 1896 году, о том, что на велотреке катался Л. Н. Толстой. Культурная память хранит первое название велотрека – циклодром.

Ключевой знак *Всехсвятское кладбище* отражает представления о старом, закрытом для захоронения некрополе. Коллективная память хранит информацию о том, что кладбище когда-то находилось на окраине города, а затем, по мере расширения городских границ оказалось в центре. Ранее кладбище было разделено на православную, протестантско-католическую и иудейскую части. Каменный забор, которым огорожено кладбище, начал строиться в 1900-м году. На кладбище захоронены почётные жители Тулы.

Немало ключевых знаков связано с обозначением общественных пространств.

Ключевой знак *Дворянское собрание* снова стал актуальным для регионального сообщества. С этой лингвокультурной единицей связаны имена выдающихся людей,

которые посещали данное здание: Н. И. Белобородов, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, С. Есенин, В. Маяковский, Ф. Шаляпин, С. Рахманинов, Л. Утёсов. Коллективная память хранит знания о том, что в советское время в здании размещалась областная библиотека, несколько десятилетий оно функционировало как Дом офицеров.

С ключевым знаком *Ликёрка* связана легенда о том, что в данной локации ранее размещался ликёро-водочный завод. Ключевой знак *Утюг*, связанный с обозначением торгового центра, имеющего форму утюга, используется для навигации в культурном пространстве.

Ключевой знак *Московский вокзал* называет самую крупную в городе пассажирскую станцию московско-курского направления. С вокзалом связана легенда о встрече Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева.

Легенды, связанные с ключевым знаком *Дом Дорофеевых / Вдовый дом* – дом купца Дорофеева в Белёве, рассказывают, что в этом доме умерла жена Александра Первого императрица Елизавета Алексеевна, возвращавшаяся из Таганрога в Петербург. После смерти Императрицы строение было выкуплено государством, в нём был организован вдовый дом. Предполагают, что внутренние органы императрицы захоронены под деревом около дома. Легенда также повествует о том, что смерть Елизаветы была имитирована. В Белёве появилась странница с утончёнными манерами, в которой заподозрили умершую Императрицу.

Ключевой знак *Успенский собор Тульского кремля* связан с легендой о том, что в этом соборе отпевали Александра Первого.

Ключевой знак *Чёрная церковь / собор*, связанный с Успенским собором, расположенным ранее на территории женского монастыря. Легенды, связанные с данным знаком, рассказывают о том, что в советское время собор пытались разрушить, но он устоял. С куполов были сняты кресты, а в здании разместился архив. Чёрным собор называют за цвет куполов.

Ключевой знак *Щегловский монастырь*, связанный с Богородичным Пантелеимоновым Щегловским монастырём, актуализирует легенды о создании монастыря в середине XIX века, о закрытии монастыря в 20-е годы XX века. В монастыре имеется чудодейственная икона Млекопитательница, которая притягивает множество паломников, нуждающийся в помощи создания и сохранения семьи, рождении детей. Ранее монастырь находился за чертой города, в Щегловской засеке.

Реконструкция исторического центра Тулы коснулась лингвокультурного символа. Номинация открытого культурного пространства «Искра», ввиду его популярности среди горожан, получила статус ключевого знака. То же следует сказать и о Казанской набережной, которая была открыта в 2018 году. С ключевым знаком *Казанская набережная* связаны легенды о разрушенном в годы Советской власти Собора Казанской Божией матери, о железной дороге – Казанке, которая проходила по набережной, превращённой в промзону. По этой дороге составы подвозили уголь к первой в Туле электростанции, созданной на территории Кремля. Номинация *Музейный квартал* связана с представлениями об улице Металлистов, которая стала пешеходной и вернула своё старое название – Пятницкая. На этой улице располагаются 11 музеев. Ключевой знак *Кремлёвский сад* связан с легендами об его открытии в 1834 году по инициативе губернатора Е. Зурова. На территории сада были построены первый театр, кинотеатр. Сад носил имя Александровского в связи с приездом в Тулу цесаревича, будущего императора Александра Второго. В советское время сад носил имя М. П. Томского.

Заключение

Таким образом, ключевые знаки культуры представляют собой разновидность лингвокультурных единиц, которые отражают актуальные для сообщества наивные знания, основанные на коннотациях вербальных знаков, отражающих жизненный

опыт. Ключевые знаки отражают меняющуюся повседневность, а следовательно, они объективируют динамику аксиологии: они быстро устаревают и забываются лингвокультурной общностью. Этим объясняется потребность в фиксации ключевых знаков культуры. Ключевые знаки выполняют функции идентификации (они интегрируют своих и противопоставляют их чужим), а также навигации в культурном пространстве. На базе ключевых знаков могут формироваться символы, эталоны и бренды региональной культуры.

Список источников и литературы

1. *Важенина И. С.* Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // *Маркетинг в России и за рубежом.* 2006. № 6. С. 82–98.
2. *Крысько В. Г.* Словарь-справочник по социальной психологии. СПб.: Питер, 2003. 416 с.
3. *Токарев Г. В.* Вопросы изучения симболария региональной идентичности. DOI 10.15688/jvolsu2.2022.6.14 // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Сер. 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 6. С. 173–182. URL: <https://1.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/798-science-journal-of-volsu-linguistics-2022-vol-21-no-6/diskussii/2498-to-karev-g-v-voprosy-izucheniya-simbolariya-regionalnoj-identichnosti> (дата обращения: 08.03.2023).
4. *Фаткуллина Ф. Г.* Стереотипы как маркеры лингвокультур. DOI 10.33184/bulletin-bsu-2021.3.38 // *Вестник Башкирского университета.* 2021. Т. 26, № 3. С. 750–753.

References

1. Vazhenina, IS 2006, 'Imidzh i reputaciya territorii kak osnova prodvizheniya v konkurentnoy srede' (The image and reputation of the territory as a basis for promotion in a competitive environment), *Marketing v Rossii i za rubezhom*, no 6, pp. 82–98. (In Russ.)
2. Krysko, VG 2003, *Slovar-spravochnik po sotsialnoy psikhologii* (Handbook Dictionary of Social Psychology), Piter Publ, Saint-Petersburg. (In Russ.)
3. Tokarev, GV 2022, *Voprosy izucheniya simbolariya regional'noy identichnosti* (Symbolary of Regional Identity: Research Issues), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* (Science Journal of Volgograd State University. Linguistics), 2022, vol. 21, no. 6, pp. 173-182 doi <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.14> (In Russ.).
4. Fatkullina, FG 2021, *Stereotipy kak markery lingvokultur* (Stereotypes as markers of linguocultures), *Vestnik Bashkirskogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie (Bulletin of Bashkir University)*, vol. 26, no. 3, pp. 750–753 doi 10.33184/bulletin-bsu-2021.3.38

Статья поступила в редакцию: 12.03.2023
Одобрена после рецензирования: 24.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 12.03.2023
Approved after reviewing: 24.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 126–137.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 1 (13). P. 126–137.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-126-137>

К ИСТОРИИ ВЫРАЖЕНИЯ «И ТОЧКА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Арсен Александрович
Хуснутдинов**

Ивановский государственный университет,
Иваново, Россия,
arsen1418@mail.ru

Аннотация. В статье представлен языковой материал, показывающий особенности использования в русском языке выражения «и точка», а также научный комментарий к нему. Автором делается попытка доказать, что существующее представление о том, что данное выражение в такой форме и таком значении впервые употреблено в логотипе «Вкусно – и точка» российской сети ресторанов быстрого питания, созданной на базе сети «Макдональдс» после закрытия ее в России, не соответствует действительности. В статье показывается, что выражение «и точка» возникает в русском языке на основе одного из значений слова «точка» (точка – окончание, завершение чего-либо, конец чему-либо) в XIX веке, получает распространение в живой речи в 20 – 30-е годы XX века и сохраняет свою актуальность до нашего времени. Это находит отражение как в устной речи, так и в художественных и нехудожественных текстах разных типов и жанров, фиксируется словарями русского языка, созданными в XIX – XXI веках. В статье исследуемое выражение характеризуется с точки зрения тех свойств, которые определяют особенности его употребления в живой русской речи и соотношения его с другими единицами в пределах словарного состава русского языка. Представленные в статье материалы могут быть использованы в практике преподавания русского языка в школе и вузе, а также при составлении общих и специальных словарей, в том числе и учебных.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, фразеологическая единица, крылатое выражение, трансформированное употребление, фразеологическая деривация, история фразеологической единицы в языке.

Для цитирования: Хуснутдинов А. А. К истории выражения «и точка» в русском языке // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 126–137. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-126-137>.

Сведения об авторе: А. А. Хуснутдинов – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Ивановский государственный университет, 153025, Россия, Ивановская область, г. Иваново, ул. Ермака, 37.

© Хуснутдинов А. А., 2023

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-126-137>

TO THE HISTORY OF THE EXPRESSION 'I TOCHKA' ("THAT'S IT") IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Arsen A. Khusnutdinov

Ivanovo State University,
Ivanovo, Russia,
arsen1418@mail.ru

Abstract. The article presents linguistic material showing the peculiarities of the use of the expression '*i tochka*' in Russian, as well as a scientific commentary on it. The author attempts to prove the falsity of the idea that the expression first appeared in this form and meaning in the logo "Vkusno i Tochka" ("Tasty – and that's it") of the Russian fast food restaurants chain, based on the McDonald's chain closed in Russia. The article shows that the expression '*i tochka*' appears in Russian in the 19th century and is connected with one of the meanings of the word '*tochka*' (the end, the completion of something, the end of something). It becomes widespread in live speech in the 1920s and 1930s and remains relevant to the present day. Oral speech, fiction and non-fiction texts of various types and genres reflect this phenomenon. The expression is also recorded in dictionaries of the Russian language created in the 19th and 21st centuries. The article presents the characteristics of the expression under study in terms of those properties that determine the peculiarities of its use in the live Russian speech and the correlation with other units within the Russian vocabulary. The materials presented in this article will be useful in teaching Russian language at school and university, as well as in compiling general and special purpose dictionaries, including learner's dictionaries.

Keywords: Russian language, phraseology, phraseological unit, eloquent expressions, transformed usage, phraseological derivation, history of phraseological unit in the language.

For citation: Khusnutdinov, AA 2023, 'To the History of the Expression 'I Tochka' ("That's It") in the Russian Language', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 126–137, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-126-137> (in Russ.)

Information about the Author: Arsen A. Khusnutdinov – Professor, Doctor of Sciences in Philology, Professor of the Russian Philology Department, Ivanovo State University, 37 Ermak Str., Ivanovo, 153025, Russia.

Предварительные замечания.

Определяя основные задачи отечественной лингвистики применительно к объекту фразеологической науки, А. И. Молотков писал: «Особое и одно из центральных мест в проблематике объекта исследования фразеологических единиц занимают: проблема употребления фразеологических единиц как реализация функционального назначения фразеологической единицы в зависимости от жанра и стиля произведения, от темы произведения, от индивидуальных особенностей языка писателя; проблема нормативного и ненормативного употребления фразеологической единицы; проблема индивидуально-авторского преобразования фразеологических единиц по форме, значению, по форме и значению одновременно, с описанием фактов ее разрушения, ее деэтимологизации» [10, с. 14].

Научное описание (в том числе и лексикографическое) слова и фразеологической единицы как элементов словарного состава языка может осуществляться, в зависимости от целей и задач исследователя, по-разному и с разной степенью полноты. Однако даже избирательная, ограниченная определенным набором параметров, характеристика лексической или фразеологической единицы должна основываться на возможно полной и разнообразной информации о данной единице, включающей сведения обо всех ее сторонах, касающихся не только формы и содержания единицы, но и особенностей функционирования ее в речи с момента появления в языке до современного состояния (о параметрах описания идиом см. [19])

Полное и всестороннее описание истории каждого слова и выражения в русском языке, в том числе и в специальных словарях, является одной из задач лингвистической науки, которая решается разными путями и способами (см.: [4; 6; 8; 12; 13; 15; 18; 21; 22; 23 и др.]) Особого внимания в этом плане требуют слова и выражения, которые активно употребляются в современной живой речи. Среди них и единицы, которые уже давно присутствуют в словарном составе русского языка, но в процессе своего функционирования претерпевают определенные изменения, затрагивающие их форму, значение и др. свойства. Среди них и единицы, которые только появились в языке и получили широкое распространение в современной речи (см. об этом подробнее [20]). Анализ истории появления и функционирования таких единиц в языке показывает, что «новизна» их часто оказывается иллюзорной. Так, большинство носителей русского языка вряд ли усомнится в том, что выражение «*Вкусно – и точка!*» является неологизмом. Более того, широкая известность этого выражения (обусловленная, вероятно, не только экстралингвистическими факторами) приводит к появлению аналогичных конструкций: «*Стильно – и точка!*», «*Весело – и точка!*» и т. д. Поэтому исследование особенностей функционирования этого сочетания в русском языке представляет как научный, так и практический интерес.

Слово *точка* в формировании выражения *и точка*.

В сочетании **и точка** главным, опорным, ключевым является компонент **точка**, восходит к слову *точка*. И слово *точка*, несомненно, повлияло на появление данного выражения в языке. Поэтому прежде всего следует рассмотреть те семантические признаки, которые содержатся в содержании этого слова и на основе которых происходило формирование значения всего выражения в целом.

Из словарной статьи с заголовочным словом **точка** в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля выберем фрагмент, содержащий интересующую нас информацию (текст цитируется в современном написании): «**ТОЧКА** (*ткнуть*) ж. значок от укола, от приткнутия к чему острием, кончиком пера, карандаша; мелкая крапина. *Картины режутся на меди чертами, или точками. Телеграфы пишут черточками и точками. Точка в точку, точь-в-точь. Славянская цифра в кружке означает десятки тысяч, в точках – сотни тысяч, а в запятых – миллионы. Точка в точку, как гвоздь в бочку! Дай отсрочку: будет дело в точку!*

Хоть бы и не в точку, а в кочку (попасть и то бы ладно). ||* В письменности: знак препинания, ставимый в конце речи, содержащей полный смысл. *Где писцу надо нос утереть, там запятая, а где табаку понюхать, точка. Точка с запятой*, строчный знак, разделяющий (в грамматике) члены в периоде; в црквн. знак этот (;) есть наш вопросительный (?). ||* *Точка*, все кончено, конец делу. <...>» [5, т. 4, с. 423–424].

Обратим внимание, что здесь Даль особо выделяет следующее значение слова точка: «||* *Точка*, все кончено, конец делу». Из этого следует, что в живой русской речи слово *точка* уже в XIX веке использовалось в этом значении. Ср. также: «*Нет ничего отвратительнее предмета, избранного г. сочинителем. Женщина замужняя, мать семейства, влюблена в молодого олуха, побочного сына ее мужа (!!!). Какое неприличие! Она не стыдится в глаза ему признаваться в развратной страсти своей (!!!!). Сего недовольно: сия фурия, употребляя во зло глупую легковёрность супруга своего, взносит на невинного Ипполита гнусную небывальщину, которую из уважения к нашим читательницам не смеем даже объяснить!!! Злой старичишка, не входя в обстоятельства, не разобрав дела, проклиняет своего собственного сына (!), после чего Ипполита разбивают лошади (!!!); Федра отравливается, ее гнусная наперсница утопляется **и точка**. И вот что пишут, не краснея, писатели, которые и проч. (тут личности и ругательства); вот до какого разврата дошла у нас литература, кровожадная, развратная ведьма с прыщиками на лице!*» – Шлюсь на совесть самих критиков. Не так ли, хотя и более кудр. <явным> слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно не равные достоинством произведениям Расина но верно ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении. Спрашиваем: должно ли <и> можно ли серьезно отвечать на таковые критики, хотя б они были писаны и по-латыни, а приятели называ<ли> это глубокомыслием?» А. С. Пушкин, Опровержение на критики (1830). Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что слово *точка* и сочетание **и точка** используются для указания на окончание, завершение, прекращение чего-либо.

Функционирование выражения *и точка* в русском языке XX – XXI вв.

Наши наблюдения показывают, что выражение **и точка** значительно активизируется в 20–30-е годы XX века, проникая в печать и художественную литературу. Приведем лишь несколько примеров, взятых из «Национального корпуса русского языка» [11]: «*Беженцем сюда попал из царства польского – думал переждать грозу, а вышло совсем наоборот. Завяз, **и точка***. Ю. Селедкин, Козел в огороде (1927); *Имеется общее положение: ребята должны жить в лагерях на правах красноармейцев и постепенно втягиваться в строевое обучение. **И точка***. А. Крон, Винтовка № 492116 (1929); *Наш Читинский полк подошел, броневик у нас теперь есть. – Взять Волочаевку, **и точка***. Нигамс. Огонь по отступающему // Набат молодежи, 1930; «*Гостиница принадлежит нам – **и точка***. *Польхаев*». И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок (1931); *Никита Павлович назначен Советом на должность. **И точка***. Л. Кассиль, Конduit и Швамбрания (1928–1931) и др.

Заметим также, что в этот период отмечается и употребление выражения **и точка** без **и**, что приводит к сокращению его до одного компонента. В этом случае слово-компонент выступает как «заместитель» фразеологизма в целом, «представляет» его, ср. например: *Это совсем не смешно, и ты дурак!... **Точка***. В. Вишневский, Оптимистическая трагедия (1933); *Партия – выше всего. И каждый должен быть не там, где он хочет, а там, где нужен. Тебе Пузыревский отказал в переводе? Значит – **точка***. Н. Островский, Как закалялась сталь (1930–1934); *Практический ум назвал баланс: самое выгодное – чертежи похитить, Гарина ликвидировать*.

Точка. А. Толстой, Крах инженера Гарина (1925 – 1927, 1937). (Такой случай трансформации в словаре А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» определяется как «использование отдельных компонентов, выражающих элементы фразеологического значения» [9, с. 26].)

Появляются и индивидуальные варианты такого употребления, ср.: *А чтоб с этого была польза революции, именем революционного порядка прошу быть поаккуратнее, занятия соблюдать, и все у нас будет хорошо, как говорится: **точка, и ша!**; Потом Чубарьков объявил, что ввиду полного равноправия женского элемента мы будем теперь учиться вместе с девчонками. **Точка, и ша!**; Даю слово комиссару Чубарькову, – провозгласил Биндюг. **Точка, и ша!** – хором крикнул зал. Л. Кассиль, Кондуит и Швамбрания (1928–1931).*

Материалы «Национального корпуса русского языка» показывают, что выражение **и точка**, в том числе и в сокращенном варианте (<**и**> **точка**), широко употребляется в советское время и в наши дни, причем не только в публицистике и в художественной литературе, но и в текстах эпистолярных, мемуарных. Оно проникает даже в научную речь, ср.: *Мне стало ясно, что в его глазах Пугачев – разбойник **и точка**, так он воспринял «объект»; Сейчас же скажем, что этот этап часто и заканчивает изучение; за ним следуют итоговые сочинения, разбор их, затем – некая общая мораль, прикрепляемая к «пройденному», **и точка**. Г. А. Гуковский, Изучение литературного произведения в школе (Методологические очерки о методике) (1941). Приведем еще примеры из текстов разных лет: *Много она тут наговорила. Даже декабристов вспомнула, а как воспитывать, не сказала. Воспитывай – **и точка!** В. Тендряков, Не ко двору (1954); Он знаменит, слова свои ценит, бережет. «Безжелобная заливка – фикция» **и точка**. А раз фикция – министр и отказал в реализации. В. Дудинцев, Не хлебом единым (1956); Возвращение домой однозначно: лихо позади, **точка**, гора с плеч, подвели черту – живем дальше, мы на месте, братцы, порядок! В. Панова, Володя (1959); Да, такой клеветы, такого очернения никому нарочно не придумать. **Точка**. А. Твардовский, Рабочие тетради (1964); Ничего знать не хотели, ничего не помнили: плати шесть рублей, **и точка**. Ю. Трифонов, Вера и Зайка (1966); Оуэн. «Никогда не спорь! Стой на своем, **и точка!** Попробуем последовать этой прекрасной заповеди старика Оуэна. О. Даль, Дневники. Письма. Воспоминания (1972); Ему было наплевать, что она девчонка и младше его на три года, – она принадлежала ему, **и точка**. А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Жук в муравейнике (1979); И никаких иных. Нет, **и точка!** Договорились железно еще дома перед выходом, а затем многократно клятвенно подтверждено уже в походе: каждый вечер идем от пяти до половины девятого. М. Харитонов, На байдарке (1985); Если будет индексация, то, может быть, я подумаю что-нибудь тебе купить. **И точка**. С. Есин, Стоящая в дверях (1992); И если кто-нибудь мне скажет, что это не событие в отечественной журналистике, в того я кину камнем. **И точка**. С. Мостовщиков, Начало (1997); Географические подробности авторов письма не интересовали. «Ра» ждали в гости, **и точка**. Ю. Сенкевич, Путешествие длиною в жизнь (1999); Он – первый, он самый, **и точка**. На все обсуждения – табу. М. Чулаки, Примус (2002); Сказал, что ты пойдешь со мной, **и точка!** Е. Хаецкая, Синие стрекозы Вавилона (2004); На свадьбе мужская часть только что созданной семьи обязана быть при полном параде, **и точка**. Д. Донцова, Уха из золотой рыбки (2004); Человек хочет не именно минивен **и точка**. Форум (2008); И тем не менее люблю. **Точка**. Я ответила? Е. Завершнева, Высотка (2012); Гумилев <...> разделял иллюзии, свойственные эпохе. **И точка**. Ю. Подлубнова, Наука особенной стати (2013); Мне так надо было, **и точка**. Л. Данилкин, Хомо люденс (2016); Святым он быть не может. Он язычник, **и точка**. Е. Родченкова, Евления (2019) и др.**

Укажем также и на случаи авторского употребления этого выражения: *Короче, чтобы через два месяца библиотека у вас была. Точка! Избу-читальню из хаты-развалюхи переводи в один из хороших кулацких домов, переведи в самый лучший, и ошибки не будет! Вторая точка!* М. Шолохов, *Поднятая целина* (1959); *Два десятка «средних молодых людей», наскоро проголосовав «обоим на вид и точка», кинулись с облегчением к выходу.* Л. Аннинский, Виктор Чернышов и его заботы (1968); *Наступила ясность. Но это не точка. Это начало серьезного и глубокого размышления.* Г. Бутков, *Хроника сердца* (1953–1990).

Употребление выражения **и точка** в русском языке этого периода отражается и в словарях, ср.: «1. **Точка**, и, род. мн. ч е к , ж. 1. Метка, след от нажима, укола пишущего или колющего инструмента; мельчайшее круглое пятнышко, крапинка. <...> 2. Знак препинания (.), разделяющий предложения. *На листке бумаги из тетрадки Со стараньем выведены строчки. Между строк в покорном беспорядке: Знак вопроса, запятые, точки.* Михалк. Сын. ♦ Ставить, поставить т о ч к у . *Павел заговорил горячо и резко о начальстве, о фабрике.. Рыбин порой ударял пальцем по столу, как бы ставя точку.* М. Горький, *Мать*, I, 11. *Остан поставил точку, промакнул жизнеописание прессом.* Ильф и Петров, *Золот. теленок*, II, 20. <...> 10. Только им. ед. В знач. сказ. Разг. Хватит, всё; конец. — *Каждый должен быть не там, где он хочет, а там, где нужен. Тебе Пузыревский отказал в переводе? Значит — точка.* Н. Остр. Как закал. сталь, I, 8. — *Вы смотрите, чтобы сразу завелся, — сказала Лена, кивая на трактор. — Не волнуйтесь, я же танкист — значит, точка.* С. Антон. *Лена*, 15. — *Считаю, что счастье в работе. В любимой работе. Никакого другого нет и быть не может. Точка!* Матвеев, *Семнадцатилетние*, 1. ♦ (И) т о ч к а . *Третьего я перед тобой бросила. Он меня и до сих пор жалеет... — Ну, и точка, — брезгливо сказал Сучков. — Подробности меня не интересуют.* А.Н. Толст. Вас. Сучков, 10. — *Ну, с этим усачом я долго хороводиться не намерен.. Назначу на бахчи или в объездчики — и точка.* Лаптев, *Заря*, 5. *Спит герой, храпит — и точка. Принимает все, как есть.* Твард. Вас. Теркин. ♦ (И) т о ч к а об этом. — *По людски будут люди жить, — добавил Хворост. — И сыто, и светло, и весело. И точка об этом.* Горбат. *Мое поколение*, I, 2. <...> » [14, т. 15, с. 734–741]; «**ТОЧКА**, <...> 1. Метка, след от прикосновения, укола чем-л. острым (кончиком карандаша, пера, иглы и т. п.); маленькое круглое пятнышко, крапинка. *Пунктир из точек. Шелк в сиреневую точку. Ракушка с черными точками.* «И» с точкой (в русской азбуке до реформы правописания в 1917 г. существовала буква «і»). *Ставить точку над «і». Ставить точки над «і»* (уточнить, не оставляя ничего недосказанного). *Бить в одну точку* (упорно действовать в одном направлении). *Попасть в самую точку* (сделать, сказать именно то, что нужно, угадать). *Точки звезд на небе. Точки лодок на озере.* 2. Знак препинания, разделяющий предложения; знак, употребляемый при сокращенном написании слов (например: *и др., т. е.*). *Т. с запятой* (знак препинания (;), употребляемый для разделения распространенных, более самостоятельных частей сложносочиненного предложения). *Ставить точку* (также: заканчивать какое-л. дело). *Ставить точку на ком-, чём-л.* (разг.; кончать всякие дела, отношения с кем-, чем-л.). *Знать что-л. до точки* (до мельчайших подробностей, в совершенстве). <...> 10. в функц. сказ. Разг. Кончено, хватит, всё. *Нужно — и т. Больше я туда не хожу — т.! Лег к стенке и — т., больше ни звука.* <...>» [2, с. 1335–1336]; «**ТОЧКА**¹, неизм., в функц. сказ. Разг. Хватит, всё, кончено (о полном завершении какого-л. дела, окончании, прекращении чего-л.). *Сказал — и т.! Ну всё, т., больше не пью!* <...>» [17, с. 614].

Особенности фразеологической единицы и точка в русском языке.

Сочетание **и точка** словари выделяют как особое употребление слова *точка* и определяют примерно одинаково, ср.: «10. Только им. ед. В знач. сказ. Разг. Хватит, всё; конец» [14]; «10. в функц. сказ. Разг. Кончено, хватит, всё» [2]; «**ТОЧКА**¹, неизм.,

в функц. сказ. Разг. Хватит, всё, конечно (о полном завершении какого-л. дела, окончании, прекращении чего-л.)» [17]. Словари фиксируют основной семантический признак, содержащийся в значении данной единицы, а именно указание на окончание, завершение, прекращение чего-либо (каких-либо действий, отношений, положения, состояния и т. п.). Это соотносится с употреблением слова *конец* в значении предикатива, ср.: «**КОНЕЦ**, <...> 5. В знач. предикатива. Все кончено (покончено, закончено) с кем-, чем-л.; продолжения чему-л. не будет. <...>» [1, т. 8, с. 344–348].

Однако примеры употребления **и точка** дают основание разграничивать два значения, которые реализуются при использовании данного сочетания в разных речевых ситуациях.

В первом случае фразеологическая единица **и точка** используется для выражения принимаемого или принятого говорящим решения о полном, бесповоротном и окончательном завершении какого-либо дела, прекращении каких-либо действий, отношений и т. д. ('и на этом всё, этому конец, этого больше не будет'), ср.: *Я жене сказал: родим сына и дочку, и точка. Нечего про поездку ему рассказывать: отдохнули хорошо – и точка! Увольняйся оттуда, и точка. Они сегодня только ягоды собрали – и точка, укатили на речку купаться. Вопрос решили, и точка, нечего к этому возвращаться. Тебе выгладеть молодым легко: сбрил бороду, и точка. Сказано, что приеду – и точка! Он тебе не пара – и точка. Сказал бы, что так надо, и точка, нечего всем объяснять.* (См. также примеры выше.)

Во втором случае фразеологическая единица **и точка** используется для выражения принимаемого или принятого говорящим решения, которое, с точки зрения говорящего, не подлежит дальнейшему обсуждению, пересмотру, изменению, отмене и должно быть принято беспрекословно, без возражений ('только так и никак иначе'), ср.: *Никуда ты не пойдешь – и точка! Бойцов надо беречь – и точка. Приказано – и точка, выполняй! Сказали же, что закон есть закон, и точка! Делать этого я не буду, и точка! Крым наш – и точка! Поступаем в медицинский, и точка! Не хочу быть похожим на всех, и точка. Все у меня отлично, проблем нет никаких, и точка. Я не согласен, и точка! Никогда не поверю, что ты его обыграл, и точка! Мы всегда будем вместе – и точка! Сказал, что сделает, значит – делает, и точка! Не дам я тебе денег – и точка! Вызывайте врача – и точка! За руль тебе нельзя – и точка! Надо делать только так – и точка! Нет у меня времени для разговоров, и точка! Мне надо выпить – и точка! Надо голосовать за ЛДПР – и точка! Он алкоголик – и точка! Я ее люблю, и точка! Этого не может быть – и точка! Лентяй он, и точка. Не идет тебе это платье – и точка.* (См. также примеры выше.)

Как видно из примеров, конструкции типа «Вкусно – **и точка**», «Стильно – **и точка**», «Весело – **и точка**», «Нужно – **и точка**», «Можно – **и точка**», «Нельзя – **и точка**» и т. п. соответствуют второму из указанных выше случаев употребления, в которых сочетание **и точка** выражает смысл 'только так и никак больше'. В таком употреблении выражение **и точка** демонстрирует широкую сочетаемость с разными группами слов, ср.: *требуется / хочется / нравится / подходит ... – и точка; нет / не дам / не скажу... – и точка; велено / приказано / сказано / отказано ... – и точка; отказать / заставить / приказать ... – и точка; вредно / глупо / красиво / безобразно ... – и точка.* Это значение наиболее отчетливо проявляется в случаях, когда выражение **и точка** употребляется со словами, имеющими значение оценки – *хорошо, плохо, полезно, вредно, приятно, неприятно, глупо* и т. п. (о словах и выражениях со значением оценки как единицах с особыми лексико-грамматическими свойствами см. [7; 3] и др.).

Из рассмотренных нами материалов можно сделать вывод, что выражение **и точка** встречается в русском языке XIX века, приобретает особую популярность в 20–

30-е годы XX века, попадает в публичную и письменную речь, употребляется в художественных и нехудожественных текстах нашего времени, стабильно присутствуя в живой устной речи на протяжении всего этого времени. При этом выделяются две основные речевые ситуации, в которых употребляется данная единица, и, соответственно, формируются у нее два значения, которые в словарных дефинициях описываются с помощью слов и сочетаний, синкретично выражающих эти значения: «всё», «конец», «кончено», «решенное дело» и т. д.

Соотношение фразеологической единицы и точка с другими единицами в словарном составе русского языка.

Фразеологическая единица **и точка** является полноценной единицей словарного состава русского языка. Как элемент лексико-фразеологической системы русского языка она занимает свое место в словарном составе (и в понятийной сети) русского языка, вступает в связи и отношения с другими единицами. На связи этого выражения со словами *точка* и *конец* было указано выше, теперь же отметим соотносительность его с другими фразеологизмами.

Прежде всего следует указать на соотносительность выражения **и точка** с фразеологической единицей **решено и подписано**, ср.: «**РЕШЕНО И ПОДПИСАНО**. Окончательно принято, не подлежит пересмотру и изменению. *Все вдруг стали уверять друг друга, что Марья Александровна уже просватала за князя Зину.., что Мозгляков в отставке и что все это уже решено и подписано.* Достоевский, Дядюшкин сон. *Приеду я 17 сент., так как выеду из Ялты 15-го, это решено и подписано.* Чехов, Письмо О. Л. Книппер, 7 сент. 1901. — *Ну и поедем, Оленька... — обрадовался Мирон. — Прекрасно! Решено и подписано.* Гладков, Энергия» [16, с. 389].

Очевидна также соотносительность выражения **и точка** с фразеологической единицей **ставить точку на чем**, ср.: «**СТАВИТЬ ТОЧКУ на чем. ПОСТАВИТЬ ТОЧКУ на чем.** Заканчивать что-либо, останавливаться на чем-либо. *А теперь хочу вам рассказать про «Сорочинскую». Завтра окончательно ставлю на ней последнюю точку.* Кюи, Письмо М.С. Корзиной, 21 марта [1915]. *По мере того как я писал, развертывались события в России, и мне становилось ясно, что нельзя ставить точку на этой книге, что это начало большой эпопеи.* А. Н. Толстой, Как создавалась трилогия «Хождение по мукам»» [16, с. 452]; «**Ставить (поставить) точку** (на чем, чему, где). Заканчивать что-либо; покончить с чем-либо. *А теперь хочу вам рассказать про «Сорочинскую». Завтра окончательно ставлю на ней последнюю точку.* Кюи, Письмо М.С. Корзиной, 21 марта [1915]. [Павел Иванович:] *Нет... Мы должны выяснить все сейчас же... Поставить точку...* А.Н. Толст. Азеф, V, 12. *И смерть ведь не поставит точки Делах сегодняшних людей!* Безым. Комсомолия, 4» [14, т. 15, с. 736]; Ср. также: «**СТАВИТЬ / ПОСТАВИТЬ ТОЧКУ на чем, в чем, где.** Приводить к завершению, заканчивать что-л; прекращать что-л. <...> III. Трансформации ФЕ, основанные на вычленении ключевого компонента. **НЕ ХВАТАЛО ТОЧКИ — ТОЧКА ПОСТАВЛЕНА.** *Не хватало завершенности — она достигнута.* Нам всем пришлось так много думать о мраморной Фрези Грант, что она стала как бы наша знаковая. Но и то сказать, это совершенство скульптуры. Городу **не хватало точки**, а теперь **точка поставлена.** (А. Грин, Бегущая по волнам)» [9, с. 719–720]. Здесь важно указать, что выражение **и точка** нельзя считать ни формой употребления, ни дериватом, ни трансформом фразеологической единицы **ставить/поставить точку на чем**.

Отметим также соотносительность выражения **и точка** с фразеологической единицей **и никаких гвоздей**, ср.: «**НИКАКИХ ГВОЗДЕЙ!** Невзирая, несмотря ни на что, что бы или как бы там ни было. Выражение категоричности. *Светить всегда, светить везде, до дней последних донца, светить — и никаких гвоздей! Вот ло-*

зунг мой — и солнца! Маяковский, Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче. *Подошли к машине, и Глеб распахнул дверцу. Татьяна подала ему руку. — До свиданья, Глеб Иванович. Кряжич вежливо снял шляпу. — Позвольте, друзья.. никаких гвоздей! .. Едем вместе. Проведем уж до конца этот вечер.* Гладков, Энергия. — *Наилучшая техника — самоходная пехота. Ночь-полночь, грязь по колено, вода по ноздри — пошел, никаких гвоздей!* В. Овечкин, С фронтовым приветом. — *А нет ли, говорит, у вас Вернада Шова, который из английской жизни все описывает? Значит, подавай ему Шоу — и никаких гвоздей.* В. Солоухин, Владимирские проселки» [16, с. 101]. См. также примеры: — *Я веду к тому, — продолжает смотритель, не дожидаясь ответа Кольчева. — Ты больше не называй меня его благородием. Просто — Егор Романыч, — и никаких гвоздей.* С. Семенов, Предварительная могила (1929). *Матюшин показывал на шахматную доску, глубоко-мысленно повторяя: «Вот ты его, как этого короля — мат в три хода и никаких гвоздей».* В. Набоков, Подлец (1927–1929) *Некоторые говорят так: из двух типов спряжения нужно выбрать первый потому именно, что он старый и его употребляют в своих произведениях все великие писатели земли русской; выбрать второй тип — это значит портить «великий, могучий и свободный» (в устах буржуазии и дворянства) русский язык; одним словом, хочу говорить, как Тургенев, и никаких гвоздей.* Л. П. Якубинский, А. М. Иванов, О теоретической учебе писателя (1932) и др. Обе эти единицы были одинаково популярны в XX веке, однако судьба их в наши дни оказывается разной: фразеологизм **и никаких гвоздей** теряет свою популярность и в XXI веке употребляется редко.

Укажем также на соотносительность описываемого нами выражения с фразеологическими единицами **и никаких** и **без никаких**: «**И НИКАКИХ**. Прост. Без возражений, без каких-либо разговоров, рассуждений, беспрекословно. Ср. б е з н и к а к и х (в 1 знач.). — *Иди брат в Молокосоюз, там обещали машину нам дать, скажи — Гришин послал. Скажи, чтоб в два счета — и никаких.* М. Шагинян, Гидроцентральный» [16, с. 279]; «**БЕЗ НИКАКИХ**. Прост. **1.** Без возражений, без каких-либо разговоров, рассуждений, беспрекословно. Ср. и н и к а к и х . — *Вставайте живо, без никаких!* М. Шагинян, Гидроцентральный. **2.** Свободно, без всякого стеснения. — *Сюда придешь, — сказала она, — заходи себе прямо, без никаких. Скажешь — сирота, мол, ни отца, ни матери.* В. Панова, Спутники» [16, с. 279].

Таким образом, все указанные в данном разделе выражения являются самостоятельными фразеологизмами, которые — и именно как разные единицы — могут быть лишь соотнесены друг с другом по формальным и содержательным признакам и употреблению в речи. Каждая из этих единиц со своими, присущими только данной единице, оттенками выражают обозначаемые ими понятия. (Характеристика соотношения указанных выше фразеологических единиц с выражением **и точка** и друг с другом может быть предметом специального исследования.)

Резюме

Можно, вероятно, сказать, что популярность сети ресторанов быстрого питания с логотипом «*Вкусно — и точка*» будет способствовать активизации выражения **и точка** в языке нашего времени. Однако само высказывание «*Вкусно — и точка*», на наш взгляд, вряд ли приобретет статус крылатого выражения, так как оно имеет очень конкретный смысл и, соответственно, очень ограниченную сферу использования, а крылатые выражения должны содержать в себе определенное обобщение, позволяющее данному высказыванию или фрагменту текста использоваться в различных ситуациях общения (о крылатых выражениях см. [24] и др.). Однако сама синтаксическая конструкция, по которой построено высказывание «*Вкусно — и точка*», может стать популярной и широко употребляться в речи с разным лексическим наполнением, ср.: «*Весело — и точка*», «*Красиво — и точка*», «*Хорошо — и точка*», «*Классно — и*

точка», «Стильно – и точка» и т. д.; не исключаются и «негативные» варианты реализации этой модели: «Плохо – и точка», «Вредно – и точка», «Безобразно – и точка», «Глупо – и точка», «Бесвкусно – и точка» и т. д. Во всех случаях реализации данной модели обязательным элементом конструкции будет фразеологическая единица **и точка**.

Список источников и литературы

1. *Большой академический словарь русского языка*. Т. 8. М.; СПб.: Наука, 2007. 840 с.
2. *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
3. *Верзилова А. А., Хуснутдинов А. А.* Некоторые особенности семантики фразеологических единиц с общим значением оценки в русском языке // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 5–16.
4. *Виноградов В. В.* История слов. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. 1138 с.
5. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз., 1989–1991.
6. *Данг Тхи Хуе, Хуснутдинов А. А.* Фразеологическая единица *чёртова дюжина* в русском языке // Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 6, вып. 4. С. 307–310.
7. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
8. *Кондаков В. А.* Слово русское родное: народные слова деревни Подсосенье и прилегающих селений Верховажского района Вологодской области. Вологда: Киселев А. В., 2022. 344 с.
9. *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь: около 1000 единиц. М.: Рус. словари : Астрель, 2001. 856 с.
10. *Молотков А. И.* Русская фразеология и фразеография: аспекты изучения (А.И. Молотков. Из книги «Краткий экскурс в историю фразеологической науки». Рукопись. СПб., 1996) // Русская фразеология и фразеография: к 100-летию А. И. Молоткова. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2016. С. 5–24.
11. *Национальный корпус русского языка*. 2003–2023. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 27.02.2023).
12. *Новиков В. И.* Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: АСТ-Пресс, 2018. 352 с.
13. *Рагасова С., Хуснутдинов А. А.* Слова *халяль* и *харам* в современной русской речи // Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 52–68.
14. *Словарь современного русского литературного языка*. В 17 т. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965.
15. *Старовойтова О. А., Хуснутдинов А. А.* Фразеологическая единица *бить челом* и ее дериваты в русском языке: к историко-временной характеристике употребления // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2021. № 4. С. 46–58.
16. *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энцикл., 1967. 543 с.
17. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
18. *Хуснутдинов А. А.* История фразеологической единицы в словаре // Русский язык XIX века: проблемы изучения и лексикографического описания : материалы Первой Всерос. науч. конф., 19–21 окт. 2004 г., Санкт-Петербург. СПб.: Наука, 2004. С. 204–207.
19. *Хуснутдинов А. А.* Фразеологическая единица как особая единица языка и параметры ее научного описания // Русская фразеология и фразеография : к 100-летию А. И. Молоткова. Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2016. С. 43–94.
20. *Хуснутдинов А. А.* О некоторых задачах отечественной фразеологии и фразеографии // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 2018. С. 460–465.
21. *Хуснутдинов А. А.* Лексикографический портрет слова и выражения в научном и методическом аспектах // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура

и вызовы современности : материалы VII Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Донецкого национ. ун-та (г. Донецк, 27–28 октября 2022 г.). Т. 4: Филологические науки. Ч. 1. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. С. 93–96.

22. Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А. Лексикографический портрет слова *железо* // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 1: Филология. С. 54–73.
23. Шанский Н. М. Лингвистические детективы. М.: Дрофа, 2002. 528 с.
24. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2001. 288 с.

References

1. *Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka* (Large academic dictionary of the Russian language) 2007, vol. 8, Nauka publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
2. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Large explanatory dictionary of the Russian language) 1998, Norint publ, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Verzilova, AA & Khusnutdinov, AA 2017 'Nekotoryye osobennosti semantiki frazeologicheskikh yedinit s obshchim znacheniyem otsenki v russkom yazyke' (Some features of the semantics of phraseological units with a common meaning of evaluation in Russian), *Ivanovo State University Bulletin. Series "The Humanities"*, no. 3, pp. 5–16. (In Russ.)
4. Vinogradov, VV 1999, *Istoriya slov* (History of words), In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN publ (In Russ.)
5. Dal V 1989-1991, *Tolkovyy slovarzhivogo velikoruskogo yazyka* (Explanatory dictionary of the living Great Russian language), Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
6. DangThi, H & Khusnutdinov, AA 2015, 'Frazеologicheskaya yedinita chortova dyuzhina v russkom yazyke' (Phraseological unit 'devil's dozen' in Russian), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Gumanitarnyye nauki*, vol. 6, no. 4, pp. 307–310. (In Russ.)
7. Zolotova, GA 1982, *Kommunikativnyye aspekty russkogo sintaksisa* (Communicative aspects of Russian syntax), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
8. Kondakov, VA 2022, *Slovo russkoye rodnoye: narodnyye slova derevni Podsosenyе i prilgayushchikh seleniy Verkhovazhskogo rayona Vologodskoy oblasti* (Russian native word: folk words of the village of Podsosenyе and adjacent villages of the Verkhovazhsky district of the Vologda region), ed. A.V. Kiselev, Vologda. (In Russ.)
9. Melerovich, AM & Mokienko, VM 2001, *Frazеologizmy v russkoy rechi* (Phraseological units in Russian speech), Rus. Slovari publ, Astrel publ, Moscow. (In Russ.)
10. Molotkov, AI 2016, 'Russkaya frazeologiya i frazeografiya: aspekty izucheniya' (Russian Phraseology and Phraseography: Aspects of Study), *Kratkiy ekskurs v istoriyu frazeologicheskoy nauki* (A Brief Excursus into the History of Phraseological Science), St. Petersburg, pp. 5–23. (In Russ.)
11. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* (The Russian National Corpus), viewed 27 February 2023, ruscorpora.ru (In Russ.)
12. Novikov, VI 2018, *Slovar modnykh slov. Yazykovaya kartina sovremennosti* (Dictionary of trendy words. Linguistic picture of modernity), AST-Press publ, Moscow. (In Russ.)
13. Ragasova, S & Khusnutdinov, AA 2021, 'Slova khalyal i kharam v sovremennoy russkoy rechi' (The words halal and haram in modern Russian speech), *Ivanovo State University Bulletin. Series "The Humanities"*, no. 4, pp. 52–68. (In Russ.)
14. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* (Dictionary of the modern Russian literary language) 1948–1965, Izd-vo Akad. nauk SSSR publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
15. Starovoytova, OA & Khusnutdinov 2021, AA Frazеologicheskaya yedinita bit chelom i yeye derivaty v russkom yazyke: k istoriko-vremennoy kharakteristike upotrebleniya (Phraseological unit to beat with a forehead and its derivatives in Russian: to the historical and temporal characteristics of use), *Slavic historical lexicology and lexicography*, no. 4, Institute for Linguistic Research RAS publ, St. Petersburg, pp. 46–58. (In Russ.)
16. Molotkov, AI (ed.) 1967, *Frazеologicheskii slovar russkogo yazyka* (Phraseological dictionary of the Russian language), Soviet Encyclopedia publ, Moscow. (In Russ.)

17. Khimik, VV 2004, Bolshoy slovar russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi (Large dictionary of Russian colloquial expressive speech), Norint publ, St. Petersburg. (In Russ.)
18. Khusnutdinov, AA 2004, Istoriya frazeologicheskoy yedinitsey v slovare (The history of the phraseological unit in the dictionary), *Russian language of the 19th century: problems of study and lexicographic description*, 19–21 October 2004, St. Petersburg, Nauka publ, pp. 204–207. (In Russ.)
19. Khusnutdinov, AA 2016, Frazeologicheskaya yedinitca kak osobaya yedinitca yazyka i parametry yeye nauchnogo opisaniya (Phraseological unit as a special unit of language and parameters of its scientific description), *Russian phraseology and phraseography. To the 100th anniversary of A.I. Molotkov*. Izd-vo Ivanov. gos. un-ta publ, Ivanovo, pp. 43–94. (In Russ.)
20. Khusnutdinov, AA 2018, O nekotorykh zadachakh otechestvennoy frazeologii i frazeografii (On some tasks of domestic phraseology and phraseography), *Poliparadigmalnyye konteksty frazeologii v XXI veke : materialy mezhdunar. nauch. konf*, TPPO publ, Tula, pp. 460–465. (In Russ.)
21. Khusnutdinov, AA 2022, Leksikograficheskiy portret slova i vyrazheniya v nauchnom i metodicheskom aspektakh (Lexicographic portrait of the word and expression in the scientific and methodological aspects), *Donetsk readings 2022: education, science, innovation, culture and challenges of our time: Proceedings of the VII International scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the Donetsk National University*, vol. 4 *Philological sciences*, 27–28 October 2022, Izd-vo DonNU publ, pp. 93–96. (In Russ.)
22. Khusnutdinov, AA & Khusnutdinova, AA 2012, Leksikograficheskiy portret slova zhelezo (Lexicographic portrait of the word ‘zhelezo’), *Ivanovo State University Bulletin. Series “The Humanities”*, no. 1, pp. 54–73. (In Russ.)
23. Shanskiy, NM 2002, Lingvisticheskiye detektivy (Linguistic detectives), Drofa publ, Moscow. (In Russ.)
24. Shulezhkova, SG 2001, Krylatyye vyrazheniya russkogo yazyka, ikh istochniki i razvitiye (Russian eloquent expressions, their sources and development), Azbukovnik publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.03.2023
Одобрена после рецензирования: 22.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 12.03.2023
Approved after reviewing: 22.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023